

Индекс **П8643**

1
2023

РОССИЯ XXI 2023 1



РОССИЯ XXI

1. 2023 январь-февраль



Теория и практика политических игр

Сергей Орешин

Взаимоотношения Российской Федерации и Чеченской Республики. Сентябрь 1996 – сентябрь 1999 гг. _____ 6



Россия в мире

Михаил Ковалев

«Люди, с которыми мне приходилось встречаться, проявляли к советскому ученому очень много внимания»: визит академика Б.Д.Грекова в Будапешт в 1948 г. _____ 30



Ярлыки и мифы

*Владимир Бородулин, Егор Банзелюк,
Алексей Тополянский*

Академики АМН СССР Мирон Семенович Вовси (1897–1960) и Борис Евгеньевич Вотчал (1897–1971), или о нравственных критериях московской терапевтической элиты (2-я половина XX века) _____ 56



Ресурсы нации

Евгения Лупанова

«Как прочен и хорош ваш механизм открытый...» Часы с окошками для наблюдения работы механизма в собрании музея Ломоносова МАЭ (кунсткамера) РАН _____ 76



Страницы истории

Александр Соколов

Отношение Романовых к бракам в Императорской фамилии: конец XIX – начало XX вв. _____ 90

Олег Волобуев

Алупка – Москва. Аспирантура. 1960–1965 _____ 112



Актуальный архив

Игорь Татаринев

Оккупационные органы власти на Донбассе в годы Великой Отечественной войны (по материалам архивных учреждений ЛНР) _____ 144

Contents in English look at the page 172

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного педагогического университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Не бывает хорошей войны
и плохого мира.

Бенджамин Франклин

Я предпочитал даже самый несправедливый мир самой оправданной войне.

Марк Туллий Цицерон





Сергей Орешин

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

СЕНТЯБРЬ 1996 – СЕНТЯБРЬ 1999 гг.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

УДК

93/94

Статья посвящена анализу взаимоотношений органов государственной власти Российской Федерации и самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия в 1996–1999 гг. После подписания Хасавюртовских соглашений федеральный центр рассчитывал мирным путем наладить взаимоотношения с чеченскими властями и содействовать экономической и политической интеграции Чечни в российское конституционное пространство. В первой половине 1997 г. взаимоотношения официальных Москвы и Грозного носили довольно конструктивный характер. Однако затем чеченские власти начали жестко настаивать на предоставлении республике полной независимости, саботировали все достигнутые договоренности по экономическим вопросам, потворствовали религиозным экстремистам. В результате в 1998 г. переговорный процесс зашел в тупик. Попытки его реанимации в конце 1998–1999 гг. не увенчались успехом, осенью 1999 г. в Чечне вновь начался вооруженный конфликт.

The article analyzes the relationship between the state authorities of the Russian Federation and the self-proclaimed Chechen Republic of Ichkeria in 1996–1999. After the signing of the Khasavyurt Agreements, the federal center hoped to peacefully establish relations with the Chechen authorities and promote the economic and political integration of Chechnya into the Russian constitutional space. In the first half of 1997, the relations between the official Moscow and Grozny were quite constructive. However, then the Chechen authorities began to rigidly insist on granting the republic full independence, sabotaged all the agreements reached on economic issues, and indulged religious extremists. As a result, in 1998 the negotiation process reached an impasse. Attempts to resuscitate him at the end of 1998–1999 were unsuccessful, and in the autumn of 1999 an armed conflict began again in Chechnya.

Ключевые слова: Российская Федерация; Чеченская Республика Ичкерия; сепаратизм; федерализм; Чеченский конфликт; региональная политика; Б.Н. Ельцин; А.А. Масхадов.

Key words: Russian Federation; Chechen Republic of Ichkeria; separatism; federalism; Chechen conflict; regional policy; B.N. Yeltsin; A.A. Maskhadov

E-mail: Oreshin12345@yandex.ru

Одной из острых проблем, стоявших перед Российской Федерацией в 1990-е гг., являлся поиск путей урегулирования Чеченского кризиса, начавшегося в 1991 г., после захвата власти в этом регионе сепаратистами. Попытка решить его силовым путем, предпринятая в декабре 1994 г., в силу целого ряда объективных и субъективных причин окончилась неудачей. В конце августа 1996 г. российские власти вынуждены были подписать Хасавюртовские соглашения, согласно которым федеральные войска должны были покинуть территорию Чечни, а вопрос об определении ее статуса откладывался до декабря 2001 г. Это означало победу сепаратистов, которых в то время возглавлял З.А. Яндарбиев, пришедший к власти в Грозном после того, как город покинуло пророссийское правительство Д.Г.Завгаева.



Зелимхан Абдулмуслимович Яндарбиев – в 1996 г. исполняющий обязанности президента самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия



Борис Николаевич Ельцин – в 1991–1999 гг. президент Российской Федерации

Федеральный центр должен был найти новые подходы, которые позволили бы построить конструктивные отношения с «мятежным» регионом, который де-юре являлся частью России, а фактически представлял в то время непризнанное государственное образование, носившее назва-

ние «Чеченская Республика Ичкерия». Между тем история российско-чеченских взаимоотношений в послехасавюртовский период, до начала т. н. Второй Чеченской войны, очень слабо изучена в отечественной историографии. До сих пор нет специальных исследований, посвященных этой проблеме. В связи с этим представляется важным рассмотреть весь комплекс взаимоотношений между органами государственной власти РФ и ЧРИ в 1996–1999 гг.; проследить политику сторон в отношении друг друга; понять, какие принципы лежали в основе двусторонних отношений; проанализировать заключенные договоры; проследить эволюцию российско-чеченских отношений; понять, почему стороны в итоге вновь оказались в состоянии вооруженного конфликта друг с другом, и попытаться найти ответ на вопрос, была ли альтернатива подобному исходу событий.

Россия и Чечня после Хасавюрта

Чеченское руководство во главе с З. Яндарбиевым, рассматривая Хасавюртовские соглашения как свою победу, стремилось добиться юридического признания независимости республики со стороны Москвы, подчеркивая при этом стремление установить «цивилизованные отношения с Россией» и наладить с ней тесные экономические и политические связи. Российско-чеченские отношения чеченские лидеры рассматривали как равноправные взаимоотношения двух субъектов международного права, при этом мировое сообщество должно было гарантировать суверенитет Чечни. При этом они постоянно поднимали вопрос о возмещении за счет средств российского бюджета ущерба, нанесенного Чеченской Республике в ходе военных действий, а также финансировании восстановления республики. Фактически речь шла в завуалированной форме о выплате Россией контрибуции [10, с.240].

В то же время реальные шаги чеченских властей показывали, что официальный Грозный стремился как можно скорее выйти из российско-го политико-юридического пространства. Уже 12 сентября 1996 г. З. Яндарбиев распорядился ввести на территории республики новый Уголовный кодекс, полностью основанный на правовых нормах шариата. Это решение шло вразрез со всей правовой системой Российской Федерации. Российская сторона увидела в этом решении прямое нарушение прав не только немусульманского населения Чечни, но и самих же чеченцев, потому что применение суровых наказаний, предусмотренных шариатом и восходивших к эпохе Средневековья, в цивилизованном обществе

не могло рассматриваться иначе, как нарушение прав человека и гражданина, гарантированных российской Конституцией [9, с. 186–187].

Федеральный центр в сентябре 1996 г. рассчитывал добиться согласия Яндарбиева на формирование в Грозном коалиционного правительства, в котором, наряду со сторонниками независимости, были бы представлены более умеренные политики, в том числе из числа бывших министров кабинета Д. Завгаева. Первоначально руководство сепаратистов категорически отвергло эту идею, обвинив Россию в стремлении «навязать» Чечне «послушное Москве» правительство, но в конечном итоге согласилось предоставить несколько портфелей в правительстве представителям умеренной оппозиции. 3 октября 1996 г. в Москве В. С. Черномырдиным, А. И. Лебедем, З. А. Яндарбиевым и А. Х. Закаевым было подписано совместное Заявление российского и чеченского руководства о создании на паритетных началах Объединенной комиссии, призванной осуществлять контроль за взаимодействием органов государственной власти. Прежде всего эта комиссия должна была обеспечить выплату компенсаций пострадавшим в ходе военных действий и финансирование восстановления жилья и социальной сферы Чеченской Республики, а также решать вопросы вывода войск, борьбы с преступностью, поиска без вести пропавших, обмена военнопленными по формуле «всех на всех», борьбы с безработицей, восстановления транспорта и обеспечения жителей Чечни топливом. Местонахождением комиссии определялся Грозный [4, с. 192]. Во исполнение достигнутых договоренностей премьер-министр РФ В. С. Черномырдин заявил о том, что Чечня будет получать финансирование из российского бюджета, но вскоре его слова были фактически дезавуированы российским министром финансов А. Я. Лившицем, отметившим, что средства Грозному могут быть выделены только после того, как будет определен политический статус Чечни [1, с. 1].

Тем не менее российские власти проявляли готовность к развитию диалога. В ноябре 1996 г. премьер-министр Чеченской Республики А. А. Масхадов был приглашен в Москву для переговоров по целому ряду политических и экономических вопросов. Однако Масхадов свое согласие обусловил немедленным выводом из Чечни все еще оставшихся там двух российских бригад. Министр внутренних дел А. С. Куликов категорически отказался подписать указ, опасаясь, что в этом случае Кремль утратит последние рычаги контроля за ситуацией в регионе. Однако 23 ноября указ о передислокации бригад за пределы административных границ Чеченской Республики был подписан лично Президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным [12]. Тем самым российский лидер



Аслан Алиевич Масхадов – в 1996 г. председатель коалиционного правительства, в 1997–1999 гг. президент самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия

продemonстрировал готовность следовать в русле того курса, который был намечен в Хасавюрте, несмотря на сопротивление части политиков и генералитета. Вывод российских войск завершился 31 декабря 1996 г. [5, с. 762].

26 ноября в Москве В. Черномырдин и А. Масхадов подписали межправительственное Соглашение, направленное на нормализацию экономических отношений между РФ и ЧР. Стороны приняли решение

- восстановить деятельность гражданского аэропорта в Грозном;
- железнодорожное и автомобильное сообщение;
- реализовать меры по восстановлению объектов жизнеобеспечения в населенных пунктах Чеченской Республики;
- обеспечить выплату пенсий и заработной платы, а также компенсаций лицам, пострадавшим в результате боевых действий;
- совместно разработать и принять таможенное соглашение и соглашение по вопросам добычи, переработки, транспортировки нефти, нефтепродуктов и газа;
- Чеченская сторона гарантировала безопасность трубопроводного транспорта, объектов добычи и переработки нефти и газа в республике.



Переговоры В.С.Черномырдина с А.А.Масхадовым в Москве. Ноябрь 1996 г.

Стороны должны были согласовывать свои действия в сфере обеспечения обороны, обязуясь при этом не предпринимать никаких действий, угрожающих их безопасности [9, с.207–208].

14 января 1997 г. министры внутренних дел России и Чечни А. С. Куликов и К. Д. Махашев подписали временное соглашение о взаимодействии МВД РФ и МВД ЧРИ в сфере борьбы с преступностью и обмена информацией. Стороны договорились совместно пресекать любыми способами «преступления против человеческой жизни, здоровья, свободы, достоинства личности и собственности». Министерства переводили свои действия на юридическую основу [4, с. 198]. В федеральном бюджете на 1997 г. предусматривалось перечисление Чечне трансферта в размере 760 млрд рублей, что практически соответствовало годовому бюджету этой республики.

**Б. Ельцин – А. Масхадов:
конструктивный период**

Между тем в Чечне приближались президентские выборы. Москва делала недвусмысленную ставку на Масхадова, имевшего репутацию «умеренного» политического деятеля в противовес «радикалу» Яндар-

биеву. В окружении Ельцина многие полагали, что, став президентом, Масхадов при поддержке федерального центра сможет обуздать «вольницу» полевых командиров и постепенно «развернуть» Чечню лицом к России, содействуя углублению российско-чеченской интеграции [10, с. 244]. Кроме того, в Кремле были уверены, что углубляющиеся противоречия Масхадова с бывшими соратниками вынудят его искать сближения с Москвой и пойти в результате на существенные уступки в вопросе о политическом статусе Чечни [8, с. 82]. Между тем чеченские власти стремились свести к минимуму участие федеральных органов в организации и проведении выборов, которые должны были продемонстрировать, что Чечня – независимое суверенное государство. Избирательная комиссия Чеченской Республики не поддерживала никаких контактов с Центральной избирательной комиссией Российской Федерации, а сама организация выборного процесса проходила фактически без какого-либо влияния со стороны Москвы. Российская сторона настаивала, чтобы в выборах могли принять участие беженцы и вынужденные переселенцы из Чечни, но Яндарбиев категорически отверг это предложение, заявив, что право голоса имеют только те граждане, кто проживает непосредственно на территории республики [11, с. 11].



Иван Петрович Рыбкин –
в 1996–1998 гг. секретарь Совета
Безопасности Российской Федерации

27 января 1997 г. состоялись президентские выборы, на которых в первом же туре победу одержал А. Масхадов. Россия немедленно признала итоги голосования. На торжественной инаугурации чеченского президента, проходившей 12 февраля 1997 г., присутствовала большая российская делегация, которую возглавлял секретарь Совета Безопасности Российской Федерации И. П. Рыбкин, а также делегации многих субъектов федерации. Тем самым Москва демонстрировала готовность к конструктивному диалогу с новыми чеченскими властями [5, с. 763]. 12 мая 1997 г. в Москве Б. Ельцин и А. Масхадов на основе Хасавюртовских

соглашений подписали договор «О мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия».



Подписание Договора о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия. Москва, 12 мая 1997 г.

«Высокие Договаривающиеся Стороны» обязались строить свои отношения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, навсегда отказаться от применения и угрозы применения силы при решении любых спорных вопросов, а взаимодействие в конкретных сферах определить путем подписания соответствующих соглашений [9, с. 5]. Впрочем, в оценке этого соглашения проявились принципиальные различия. Чеченские власти считали его договором между двумя равноправными сторонами, в то время как российские власти подчеркивали, что этот договор не может рассматриваться как международный, т.к. он является соглашением между федеральным центром и субъектом Российской Федерации, а его текст не содержал пункта о признании республики в качестве независимого государства [4, с. 219].

Одновременно было подписано межправительственное соглашение, предусматривавшее выполнение ранее взятых взаимных обязательств по восстановлению объектов жизнеобеспечения и социально-экономического комплекса Чеченской Республики, а также выполнение программы выплаты пенсий, пособий и заработной платы жителям региона. Стороны решили активизировать работу по розыску и освобождению всех насильственно удерживаемых лиц, по опознанию и захоронению погиб-

ших в ходе боевых действий [10, с.247]. Более того, российские власти дали согласие на поставки оружия (в том числе бронетранспортеров) для чеченской Национальной гвардии и Антитеррористического центра. В июле 1997 г. были подписаны договоры о взаимоотношениях России и Чечни в банковской сфере и таможенное соглашение.

Нарастание разногласий

Масхадов в то время неоднократно подчеркивал, что Россия остается главным политическим и экономическим партнером Чечни, однако

при решении конкретных вопросов стороны нередко занимали противоположную позицию. Например, очень трудно шли переговоры между Москвой и Грозным о транзите нефти, добытой в Азербайджане, через территорию Чечни. Чеченская сторона, угрожая перекрыть транзит, выдвигала ряд экономических и политических требований, настаивая, в частности, чтобы Россия платила по 6,6 долларов за каждую тонну нефти, прокачанную через территорию Чечни. В свою очередь, российское руководство заявило о намерении построить новую ветку трубопровода в обход Чечни для того, чтобы, по словам российского вице-премьера Б.Е.Немцова, «не зависеть от политических устремлений чеченского руководства» [15, с.242]. Впрочем, скоро выяснилось, что денежных средств для этого в российском бюджете нет, и стороны все же смогли найти компромиссное решение. В сентябре было подписано соглашение о транспортировке азербайджанской нефти по маршруту Баку–Грозный–Новороссийск. Россия обязалась профинансировать восстановление чеченского участка нефтепровода, а чеченская сторона – обеспечить безопасность его эксплуатации, при этом Чечня за прокачку каждой тонны нефти получала 4,57 доллара. Всего в 1997 г. Чеченской Республике в уплату за транзит было переведено около 1 млн долларов [10, с.252].

Серьезные разногласия выявились и по вопросу о политическом будущем Чечни. А.Масхадов, так же, как и его предшественник З.Яндарбиев, считал, что только признание Россией независимости Чеченской Республики может полностью нормализовать российско-чеченские отношения. Однако российские власти дали понять, что выступают категорически против этого шага, видя в нем угрозу территориальной целостности Российской Федерации и опасаясь, что признание независимости Чечни может запустить неконтролируемые политические процессы в Кавказском регионе, что сильно ослабит позиции России на международной арене и обернется кризисом внутри государства. Более того,

российские власти, пользуясь тем, что связь Чечни с внешним миром проходила только по территории России и обеспечивалась российской авиацией, использовали этот рычаг для того, чтобы дозировать контакты чеченского руководства с зарубежными государствами. Так, уже в мае 1997 г. российские диспетчерские службы прервали полет чеченской делегации во главе с вице-президентом В.Х. Арсановым в Нидерланды, где он собирался принять участие в работе международной конференции. В свою очередь, это вызывало протесты со стороны официального Грозного [10, с.255], однако российская сторона полагала, что и так пошла на беспрецедентные уступки своему региону.



Ваха Хамидович Арсанов – в 1997–1999 гг. вице-президент самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия

5 августа чеченский президент потребовал от России выплатить компенсацию за ущерб, нанесенный республике в ходе боевых действий в размере 25 млрд. 800 млн долларов [6, с.428]. Российские власти сочли это требование чрезмерным. 17–18 августа 1997 г. в Москве состоялись



Встреча президента России Бориса Ельцина с президентом Чечни Асланом Масхадовым зафиксировала наличие серьезных расхождений. Москва, 18 августа 1997 г.

новые переговоры между Б.Ельциным и А.Масхадовым. Они выявили начавшееся расхождение между двумя лидерами по ключевым вопросам. Чеченский президент настаивал на признании независимости и территориальной целостности Ичкерии, согласии России на вступление Чечни в ООН, ОБСЕ и СНГ, предоставлении друг другу статуса наибольшего благоприятствования в области торговли и экономики, обеспечении свободного взаимного транзита товаров. Кроме того, Россия должна была возместить «материальный и моральный ущерб, нанесенный войной чеченскому народу и государству». Ельцин отверг эти требования и, в свою очередь, согласился предоставить Чечне широкое самоуправление в рамках Российской Федерации. Чеченские власти могли самостоятельно устанавливать собственное законодательство, систему органов государственной власти, ее статус и территория не могли быть изменены без согласия республиканских властей. К сфере совместного ведения федеральных и региональных властей относились обеспечение прав и свобод человека и гражданина, прав национальных меньшинств, координация борьбы с преступностью, разграничение государственной собственности, установление общих принципов налогообложения и сборов, регулирование межбюджетных отношений, образование особых экономических зон [10, с.265].

В результате достичь соглашения не удалось. Со второй половины 1997 г. в Москве все больше убеждались в том, что представления о «пророссийской» позиции Масхадова были, по крайней мере, сильно преувеличены. Чеченская сторона фактически саботировала выполнение всех экономических соглашений, не принимала необходимых мер к возвращению военнопленных и заложников и защите прав этнических меньшинств, все еще проживавших в республике. Более того, в Чечне с каждым месяцем набирал обороты бандитизм, включая похищение людей в других регионах с целью выкупа, массовое производство фальшивых денег и наркотиков. Это ставило под угрозу безопасность Российской Федерации, особенно пограничных с Чечней субъектов федерации. Правительство Масхадова не имело сил для того, чтобы обуздать криминал, а также поставить под контроль полевых командиров (отказавшихся распустить свои вооруженные формирования) и пресечь деятельность религиозных экстремистов, наводнивших Чечню. Радикалы, группировавшиеся вокруг харизматичных полевых командиров, не скрывали намерения начать масштабную войну с целью вытеснения России с Северного Кавказа.

Воинственные заявления экстремистов, естественно, вызывали негативную реакцию российского руководства. В ответ Москва начала осторожно поддерживать некоторых представителей «старой» оппозиции, выступавших еще против Д. Дудаева и вынужденных после Хасавюртовских соглашений покинуть Чечню. В Москве было анонсировано создание Правительства национального возрождения в изгнании во главе с А. Дениевым. Ичкерийские власти болезненно отреагировали на это, потребовав от России выдать Дениева, против которого в Грозном было возбуждено уголовное дело, угрожая прервать переговорный процесс [10, с.267].

28 сентября российские диспетчеры отказались предоставить воздушный коридор самолету, на котором вице-президент ЧРИ В. Арсанов планировал вылететь в Баку. В ответ он 30 сентября потребовал вывести Представительство Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике за пределы чеченской территории, обвинив его сотрудников в проведении «подрывной деятельности» и шпионаже. В результате российские чиновники вынуждены были покинуть Ханкалу и переехать в Моздок (вскоре им, правда, разрешили вернуться в республику). В октябре Масхадов отклонил предложение посетить Москву и провести новый раунд переговоров о подготовке проекта политического договора между РФ и ЧР. В результате в Москве стали все больше убеждаться в недоговороспособности чеченского лидера [10, с.270].

Кризис в российско-чеченских отношениях

В январе 1998 г. Масхадов назначил Ш.С. Басаева на пост премьер-министра республики. Это решение (в отношении Басаева по-прежнему действовало распоряжение Генерального прокурора РФ об аресте и привлечении к уголовной ответственности за террористический акт в Буденновске, совершенный в 1995 г.) вызвало откровенное раздражение у российского президента. После того, как стало известно, что во время визита российской правительственной делегации (ее возглавлял И. Рыбкин) в Грозный российский вице-премьер О.Н. Сысуев провел переговоры с Басаевым, в российском политическом истеблишменте поднялась волна негодования [10, с.273].

15 февраля в Грозном состоялись переговоры между секретарем Совета Безопасности РФ И. Рыбкиным и президентом Чечни А. Масхадовым. В ходе них были рассмотрены вопросы об освобождении всех заложников и насильственно удерживаемых лиц, захваченных в ходе



Шамиль Салманович Басаев – в январе–июле 1998 г. председатель правительства самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия

боевых действий в 1994–1996 гг., развития экономического взаимодействия между федеральным центром и республикой [4, с.248]. Впрочем, все достигнутые договоренности не подкреплялись какими-либо практическими шагами по их реализации. Фактически бесплодными были и встречи представителей Государственной комиссии Российской Федерации по вопросам стабилизации положения в Чеченской Республике и ее развития с министрами правительства Чечни. Басаев не скрывал своего отношения к России

как к враждебному государству и заявлял о том, что намерен в скором будущем возобновить против нее боевые действия. Влиятельный полевой командир С.Радуев публично требовал возбудить уголовное дело против российского президента.

В результате российская сторона, не отказываясь от контактов с чеченским руководством, стала занимать все более жесткую позицию с целью



Валентин Степанович Власов – в 1997–1999 г. полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике

оказания давления на Масхадова. Российский бюджет на 1998 г. вообще не предусматривал расходов на проведение восстановительных работ в Чечне. Россия фактически заморозила все выплаты в бюджет Чеченской Республики, перечисляя только средства на выплату пенсий. С конца августа Москва перестала перечислять деньги Грозному за транзит азербайджанской нефти через чеченскую территорию. При этом возможное возобновление денежных выплат было поставлено в прямую зависимость от подписания компромиссного соглашения между пра-

вительствами РФ и ЧР, предполагавшего отказ чеченского руководства от требований предоставления независимости [10, с.274].

Словно бы в ответ на эту позицию, занятую Москвой, 1 мая 1998 г. в районе станицы Ассиновской боевиками полевого командира Б.Бакуева был похищен полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике В.С.Власов. Неоднократные требования российских властей освободить его оставались без ответа. Только спустя полгода, после выплаты 7 млн долларов выкупа, он был отпущен [3, с.44]. В конце сентября в Грозном был похищен еще один чиновник российского Представительства А.Саидов, который вскоре был найден убитым. В результате переговорный процесс фактически прекратился как на уровне руководителей РФ и ЧРИ, так и на уровне комиссий, ранее образованных по решению президентов Ельцина и Масхадова.

Неудавшаяся попытка возобновить диалог

Осенью 1998 г. Масхадов попытался реанимировать угасавший диалог с Россией, однако его представитель по внешнеполитическим вопросам

Ю.Э.Сослаббеков фактически говорил с Москвой языком ультиматумов, угрожая в случае отказа российских властей от удовлетворения чеченских требований полностью переориентироваться на стратегических противников России на Кавказе и даже внутрироссийских соперников Ельцина [7, с.5]. Эти шаги возымели обратный эффект: в Масхадове переставали видеть приемлемого партнера по переговорам. Кроме того, на фоне прогрессирующего политического кризиса в самой Чечне, в Москве приходили к выводу о том, что чеченский лидер фактически уже утратил реальный контроль за ситуацией в республике.

В то же время российские власти опасались захвата власти в Чечне ваххабитами, которые не скрывали своих намерений начать войну с Россией. В связи с этим в Кремле пришли к выводу о необходимости оказать ограниченную поддержку чеченскому президенту в его противостоянии с радикалами. 29 октября во Владикавказе состоялась встреча А.Масхадова с премьер-министром России Е.М.Примаковым, в ходе которой была достигнута договоренность о восстановлении за счет российского бюджета ряда крупных предприятий в Чечне и подготовке совместных инвестиционных проектов. Российский премьер пообещал осуществлять целевой перевод денег для выплат пенсий и заработной платы учителям и медицинским работникам. Кроме того, российская сторона обещала выплатить компенсации подвергшимся депортации в 1944 г. Стороны



Евгений Максимович Примаков –
в 1998–1999 гг. председатель
Правительства Российской Федерации

заявили о своей максимальной заинтересованности «в стабилизации обстановки в Чеченской Республике и на всем Северном Кавказе» [4, с.257].

1 декабря Примаков предписал всем российским министерствам и ведомствам в кратчайший срок приступить к реализации задач, определенных на переговорах во Владикавказе. В свою очередь, Б.Ельцин согласился снять с повестки дня вопрос о подготовке проекта Договора о взаимном делегировании полномочий органов государственной власти РФ и ЧР, в котором Чечня упоминалась в качестве субъекта Российской Федерации [10, с.280].

Однако реальных шагов по пути сближения предпринято не было. 7 декабря правительство Че-

ченской Республики отказалось направить своего представителя для участия в работе образованной российским правительством постоянной комиссии по проблемам социально-экономического развития республики. Чеченские власти отвергли предложение российских властей создать в республике свободную экономическую зону [4, с.259]. Более того, после того как 5 марта 1999 г. в аэропорту Грозного был похищен представитель МВД РФ в Чечне генерал-майор Г.Н.Шпигун, а 19 марта на центральном рынке во Владикавказе произошел кровавый теракт, напряженность между Москвой и Грозным вновь начала нарастать [2, с.1–2]. В телефонном разговоре с Масхадовым министр внутренних дел России С.В.Степашин фактически предъявил ему ультиматум, потребовав или навести порядок в республике, или подать в отставку с поста президента, намекнув, что в противном случае Москва перестанет оказывать ему какое-либо содействие [8, с.107].

Можно ли было избежать конфликта?

Российские власти начали принимать меры по укреплению всего периметра российско-чеченской границы, тем более что пограничные

районы Ставропольского края все чаще подвергались бандитским налетам со стороны Чечни. В свою очередь, чеченские власти обвиняли пограничные российские воинские части и милицейские отряды в постоянных обстрелах чеченских погранично-таможенных постов и нападениях на отдаленные степные хутора [10, с.286].

7 апреля вооруженные боевики вновь атаковали чиновников российского Представительства неподалеку от Грозного. В свою очередь, 16 июля в Москве был задержан министр государственной безопасности ЧРИ Т.-А.А.Атгериев, отпущенный спустя два дня после ноты протеста со стороны Масхадова [14, с.421]. На границе Чечни все чаще происходили стычки российских и чеченских вооруженных формирований с применением не только стрелкового оружия, но и боевых вертолетов. В июле на встрече в Кремле с высшими офицерами Российской Армии Ельцин заявил о необходимости «дать адекватный отпор бандитам на Северном Кавказе», выразив, впрочем, надежду на то, что масштабного конфликта с Чечней удастся избежать. В ответ МИД Ичкерии заявил о том, что вооруженные силы республики нанесут превентивные удары по России, если ее руководство «будет продолжать политику применения силы» [5, с.772].

В то же время была предпринята попытка возобновить переговорный процесс. Во второй половине апреля Масхадов распорядился сформировать рабочую группу по подготовке переговоров с российской стороной. Однако в конце апреля министр внутренних дел России С.Степашин объявил о закрытии всей российско-чеченской границы в связи с нарастанием террористической угрозы. Пресс-служба президента Чечни расценила этот шаг как попытку сорвать диалог, наметившийся между Москвой и Грозным [8, с.112].

11 июня состоялась встреча С.Степашина (ставшего к тому времени премьер-министром России) с А.Масхадовым, в ходе которой была достигнута договоренность о координации действий по борьбе с преступностью. Чеченский президент направил в Москву представителей республиканского Министерства шариатской безопасности, которые провели переговоры с руководством МВД РФ о совместном противодействии терроризму и организованной преступности [8, с.192]. Масхадов настойчиво добивался возобновления прямых контактов с российским Президентом.



Встреча председателя Правительства Российской Федерации Сергея Степашина с президентом Чечни Асланом Масхадовым в июне 1999 г. породила надежду на возможность мирного урегулирования противоречий

16 июля состоялась встреча российской (возглавлял министр по делам федерации и национальностей РФ В. А. Михайлов) и чеченской (министр внутренних дел ЧРИ К. Д. Махашев) делегаций. Стороны пришли к выводу о необходимости проведения переговоров на высшем уровне по ряду острых вопросов: координации действий в борьбе с преступностью, привлечении экономического потенциала субъектов федерации к созданию рабочих мест, осуществлению т. н. «точного строительства» объектов инфраструктуры в Чеченской Республике. Возглавляемой Михайловым Временной комиссией по проведению переговоров об урегулировании отношений органов государственной власти РФ с органами государственной власти ЧР поручалось подготовить личную встречу Б. Ельцина с А. Масхадовым [4, с. 262].

Впрочем, к этому времени Масхадов фактически полностью утратил контроль за ситуацией в Чечне. 2 августа 1999 г. отряды ваххабитов под командованием Ш. Басаева и Хаттаба с территории Чечни вторглись в Дагестан. Несмотря на то, что Масхадов осудил эту акцию, он не пред-

принял никаких реальных шагов для остановки военной провокации, организованной с территории возглавляемой им республики [5, с. 774]. Напряжение между Москвой и Грозным стало стремительно нарастать. 4 августа российская авиация нанесла бомбовые удары по территории Чечни. Российские военные самолеты стали все чаще заходить в воздушное пространство республики, что вызывало протесты Министерства иностранных дел ЧРИ. Чеченская сторона также обвиняла федеральные силы в обстреле своих погранично-таможенных пунктов.

13 августа премьер-министр России В.В.Путин официально заявил о том, что Чечня – это российская территория и российские власти имеют полное право проводить в этом регионе спецоперации. С конца августа российская авиация начала наносить регулярные удары по позициям боевиков в Чечне. 20 сентября в столице Ингушетии Магасе состоялась встреча президентов Чечни, Ингушетии и Северной Осетии, в ходе которой стороны призвали Б.Ельцина к прямым переговорам с А.Масхадовым. Федеральный центр в ответ потребовал от Масхадова решительно отмежеваться от действий боевиков в Дагестане, выдать российским властям главных организаторов вторжения, позволить российским спецподразделениям проводить на чеченской территории операции по захвату



Переговоры в Магасе в сентябре 1999 г. не смогли остановить вооруженный конфликт

и уничтожению террористов, оказывая при этом федеральным силам всю необходимую помощь [5, с.777].

Сам чеченский президент продолжал, с одной стороны, уповать на личную встречу с Б.Ельциным, а с другой, резко обвинял российские власти во вмешательстве во внутренние дела Чечни. Он отказался санкционировать ввод федеральных сил на территорию Чеченской Республики, потребовал отвести их от административных границ Чечни и неоднократно заявлял о том, что, если российские войска все же перейдут границу, он начнет против России полномасштабную войну [10, с.312]. В свою очередь, российские власти к концу сентября пришли к выводу о нецелесообразности дальнейших переговоров с Масхадовым и начале проведения полноценной контртеррористической операции на территории Чечни. 23 сентября Ельцин подписал указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации», согласно которому создавалась Объединенная группировка войск на Северном Кавказе для проведения контртеррористической операции [13]. 30 сентября российские войска вновь пересекли административную границу Чеченской Республики и начали боевые действия против отрядов сепаратистов. Началась т. н. Вторая Чеченская война.

На пути к вооруженному конфликту

Подводя итоги, следует отметить, что взаимоотношения Российской Федерации и Чеченской Республики в послехасавюртовский период развивались очень сложно. Основными и, как оказалось, непреодолимыми, являлись разногласия по вопросу о статусе республики. Чеченские лидеры настаивали на безусловном признании полной государственной независимости ЧРИ, в то время как российская сторона продолжала рассматривать Чечню в качестве своего субъекта, наотрез отказываясь признавать ее юридическую независимость. Из-за принципиальной и жесткой позиции сторон найти компромисс не удалось.

Кроме того, с каждым годом Чечня все глубже погружалась в пучину внутреннего кризиса. Правительство Масхадова быстро утратило контроль над ситуацией, реальная власть на местах принадлежала полевым командирам, что на деле обернулось полным безвластием. Это, в свою очередь, провоцировало неконтролируемый разгул преступности и создавало благоприятные возможности для политических и религиозных радикалов, усиливавших свои позиции в Чечне. Экстремисты не скры-

вали своего намерения превратить Чечню в антироссийский плацдарм на Северном Кавказе. В результате все достигнутые соглашения с официальным Грозным почти сразу же после подписания оказывались на грани срыва: правительство Масхадова не имело возможности, а зачастую и желания обеспечить их претворение в жизнь.

С другой стороны, среди российской политической элиты в тот период также отсутствовало четкое понимание перспектив решения чеченского кризиса. Частая смена председателей правительства и министров, острая борьба за власть в Кремле приводили к тому, что выработать стратегию поведения Москвы в российско-чеченских отношениях так и не удалось. Попытки оказания давления на чеченское руководство сменились демонстративным сближением с Масхадовым.

Нельзя не отметить поистине провокационную роль, которую во взаимоотношениях федерального центра с Чечней играл влиятельный в то время олигарх и политик Б.А.Березовский. Пользуясь своими связями, он (и стоявшие за ним группировки олигархата) стремился играть роль «посредника» в урегулировании наиболее острых вопросов (возвращение военнопленных, борьба с похищениями людей, переговоры по вопросам транзита нефти и т.д.), однако фактически плел закулисные интриги, не гнушаясь контактами с мафиозными структурами и экстремистами. «Чеченская карта» ловко разыгрывалась Березовским в его противостоянии с соперниками на российском политическом Олимпе, однако интересам государства при этом наносился колоссальный урон.

В результате уже в 1998 г. во взаимоотношениях Москвы и Грозного обозначился кризис, который на протяжении первой половины 1999 г. только обострялся. Безусловно, большая часть ответственности за развязывание нового вооруженного конфликта лежала на режиме Масхадова. Чеченский президент показал себя абсолютно недальновидным и даже безответственным политиком, не склонным к гибкости и компромиссам. Его попытка разговаривать с Россией языком ультиматумов и угроз была абсолютно контрпродуктивна. Масхадов выдвигал заведомо неприемлемые требования, шантажируя российское руководство, проявлял постоянные колебания, срывал наметившиеся договоренности, а в результате осенью 1999 г. оказался в одном лагере с экстремистами.

Однако нельзя не отметить, что и федеральный центр не использовал до конца всех возможностей, чтобы предотвратить вооруженный конфликт. Во взаимоотношениях с Чечней можно было, обходя вопросы, по которым были принципиальные разногласия, продвигаться по пути решения конкретных проблем, связанных с насущными социально-эко-

номическими и гуманитарными задачами. Возможно, было бы целесообразным предложить чеченским властям, не соглашавшимся в тот период на автономизацию, статус Союзного российско-чеченского государства, подобный Союзному государству суверенных России и Белоруссии. Необходимо было, не вмешиваясь напрямую, постараться изолировать радикалов, пока они еще не набрали достаточного влияния, поддерживать умеренные политические силы, готовые, с одной стороны, противостоять экстремистам, а с другой, – развивать равноправный диалог с Москвой. Так, уже в 1998 г. влиятельные полевые командиры (прежде всего, братья Ямадаевы) заняли жесткую антиваххабитскую позицию. С ними солидаризовался муфтий Чечни А.-Х. А. Кадыров, убеждавший Масхадова воздержаться от противостояния с Россией. Однако в то время Кремль не оказывал им действенной поддержки, упустив тем самым возможность нанести решительное поражение ваххабитам силами самих же чеченцев летом 1998 г.

Думается, что при более взвешенном подходе, сочетающем широкий арсенал дипломатических средств с точечным силовым подавлением радикалов, Чечню все равно удалось бы вернуть в российское конституционное пространство, избежав при этом многочисленных жертв среди мирного населения.

Библиографический список

1. Алхазуров Л. Политики толкуют Московское Заявление каждый на свой лад // Грозненский рабочий. 1996. 11–17 октября. №29. С. 1–2.
2. Асхабова З. Террористические акты ставят под угрозу мир на Северном Кавказе // Грозненский рабочий. 1999. 25–31 марта. №12. С. 1–2.
3. Блоцкий О.М. Чечня: охота боевиков-ваххабитов за депутатами // Россия и мусульманский мир. 1999. №7. (85). С. 41–45.
4. Бугай Н.Ф. Чеченская Республика: конфронтация, стабильность, мир (1990-е годы – начало XXI в.). М.: Гриф и Ко, 2006. 476 с.
5. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х тт. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. 832 с., ил.
6. Ляховский А.А. Зачарованные свободой. Тайны Кавказских войн. Информация. Анализ. Выводы. М.: Детектив-Пресс, 2006. 640 с.
7. Максаков И. У России нет выбора, а у Чечни он еще остался // Независимая газета. 1998. 30 сентября. №181. С.5.
8. Осмаев А.Д. Чеченская Республика в 1996–2005 гг.: трудный путь к миру. Грозный: Чеченский государственный университет, 2014. 550 с.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

9. Россия и Чечня (1990–1997 годы): Документы свидетельствуют. М.: РАУ-Университет, 1997. 264 с.
10. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. III. М.: Русь, 2002. 398 с., ил.
11. Тишков В.А. Путь Чечни // Московские новости. 1997. 16–23 марта. №11. С. 10–11.
12. Указ Президента от 23 ноября 1996 года №1590 «О мерах по обеспечению дальнейшего мирного урегулирования в Чеченской Республике» // Архив Президентского Центра Б.Н.Ельцина. Ф.8. Оп.1. Д.6. 23 ноября
13. Указ Президента РФ от 23 сентября 1999 г. №1255с «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Гарант. URL: <https://base.garant.ru/184295/> (Дата обращения: 24.11.2022).
14. Чечня и Россия: общества и государства. М.: Полиформ-Талбури, 1999. 432 с.
15. Чумалов М.Ю. Каспийская нефть и межнациональные отношения. М.: ЦИМО, 2000. 560 с.

Жизнь коротка, а наука долга.

Лукиан из Самосаты

Наука, как и добродетель,
сама себе награда.

Чарлз Кингсли





Михаил Ковалев

**«ЛЮДИ, С КОТОРЫМИ МНЕ
ПРИХОДИЛОСЬ ВСТРЕЧАТЬСЯ,
ПРОЯВЛЯЛИ К СОВЕТСКОМУ
УЧЕНОМУ ОЧЕНЬ МНОГО
ВНИМАНИЯ»:**

**ВИЗИТ АКАДЕМИКА Б.Д.ГРЕКОВА
В БУДАПЕШТ В 1948 г.***

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
93/94

Статья посвящена обзору поездки академика Б.Д.Грекова в Венгрию в ноябре 1948 г., где он выступил с циклом лекций по древнерусской истории в Будапештском университете. Прослеживаются обстоятельства приглашения советского ученого, подготовка и организация его визита, анализируется содержание лекций. Большое место отводится непосредственным контактам Грекова с венгерскими научными и политическими деятелями, образу советского ученого в венгерской прессе. В приложении публикуется отчет Грекова об этой поездке.

This article is devoted to the study of the journey of Academician B.D.Grekov to Hungary in November 1948, where he lectured on Ancient Russia history in the University of Budapest. The circumstances of the invitation of the Soviet scientist, the preparation and organization of his visit are studied; the content of his lectures is analyzed. A great place is given to Grekov's direct contacts with Hungarian scientific and political figures, the image of the Soviet scientist in the Hungarian press. Grekov's report on his trip was published in the appendix.

Ключевые слова: Б.Д.Греков; советско-венгерские научные связи; Будапештский университет; историография.

Key words: B.D.Grekov; Soviet-Hungarian Scientific Relations; University of Budapest; historiography.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

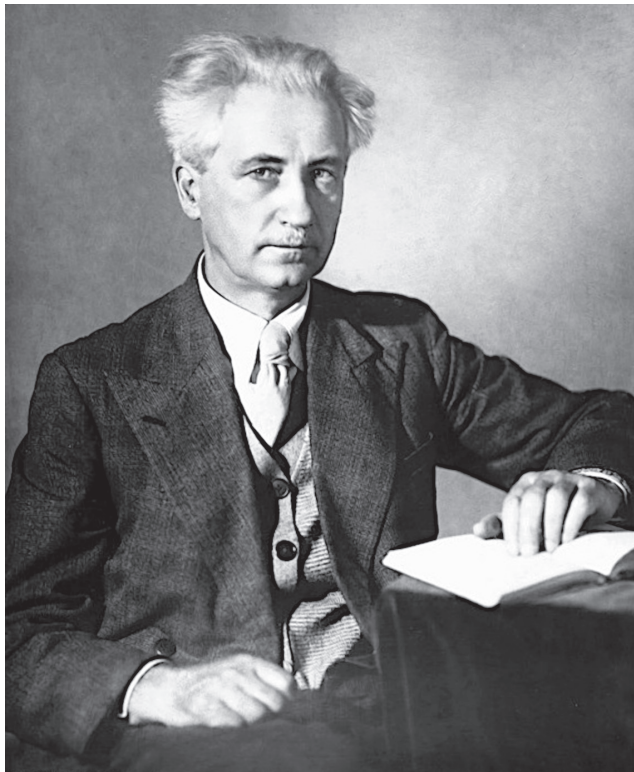
* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №21-59-23002.

Имя академика Бориса Дмитриевича Грекова (1882–1953) не нуждается в специальном представлении, столь прочно оно вписано в отечественную историографию. О его жизни и творчестве опубликовано уже очень много исследований, однако остается немало белых пятен в его научной биографии. К таковым относится международная деятельность ученого на закате его жизни, во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., когда Борис Дмитриевич становится одним из официальных посланцев советской науки за рубежом. Он начинает активно ездить в заграничные командировки в страны Восточной Европы, попавшие после окончания Второй мировой войны в орбиту советского влияния.

Сразу стоит отметить, что Греков, как человек, получивший прекрасное образование, и, несомненно, наделенный обширными познаниями, прекрасно осознавал важность развития международных научных связей, особенно со странами и регионами, которые были исторически тесно связаны с Россией и СССР. Еще весной 1945 г. во время Всесоюзного археологического совещания он говорил о необходимости изучения Балкан и даже ставил вопрос о воссоздании Русского археологического института в Константинополе [6, с.498]. Именно Греков был в числе инициаторов создания Балканской археолого-этнографической экспедиции 1946 г., хотя сам не смог возглавить ее по состоянию здоровья [6, с.501–502].

Думается, что международная деятельность Грекова, развивавшаяся вопреки его ухудшавшемуся здоровью, была связана не только с его административными постами. Его кандидатура хорошо подходила для своего рода экспорта советской науки: ученый «старой школы», принявший и признавший марксизм, человек, владеющий иностранными языками и наделенный большим личным обаянием. К этому добавится кипучая деятельность во Всемирном совете мира, активистом которого Греков стал с самого начала институционализации антивоенного движения в 1949–1950-х гг.

Одной из заграничных командировок академика Грекова – поездке в Венгрию в 1948 г. – посвящен представленный очерк и публикация отчета самого академика о поездке, сохранившегося в Архиве РАН.



Б.Д.Греков

**«Большой специалист»
и «прекрасный марксист-
ленинец»**

Из венгерских архивных документов известно, что еще в 1947 г. Будапештский университет выразил желание пригласить Б.Д.Грекова для выступления с публичной лекцией [3, 73. old.]. Но кто именно стоял за этим предложением? Тем более в ту пору, когда в Венгрии еще не утвердился коммунистический режим с его жесткой ориентацией на Москву. Можно допустить и предположить, что идея о приглашении Грекова в Будапешт принадлежала именитому историку Дюле Секфю (Szekfű Gyula; 1883–1955), который 15 октября 1945 г. был назначен послом в СССР¹ и находился на этом посту до 10 сентября 1948 г. В Москве Секфю имел возможность войти в контакты с советскими деятеля-

¹ В действительности приехал в Москву и приступил к обязанностям весной 1946 г.

ми культуры и науки. Прямых свидетельств его знакомства с Грековым нет. Правда, доподлинно известно, что уже в период пребывания в Будапеште в 1948 г., во время одного из выступлений, Борис Дмитриевич уважительно отозвался о Секфю [22, 5. old.]. Есть также веские основания полагать, что в Москве с Грековым познакомился молодой историк Йозеф Перени (Perényi József; 1915–1981), который в 1946–1947 гг. работал в венгерском посольстве [9].

22 октября 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило Президиуму АН СССР командировать Б.Д.Грекова в Будапешт сроком на две недели для чтения лекций. Борис Дмитриевич должен был отправиться в Венгрию из Польши, куда его пригласили на юбилейные торжества Польской академии знаний [7, с.220]. 5 ноября 1948 г. советский академик на поезде прибыл в венгерскую столицу, где с 6 по 17 ноября должны были состояться его лекции. В интервью, данном сразу после приезда, Греков выразил надежду, что ему удастся лично познакомиться с венгерскими историками и что его поездка послужит укреплению двусторонних научных связей [4, 1948–11–05/96].

Здесь нужно сделать важную ремарку. Внимание к российской, а тем более советской историографии в Венгрии той поры было не слишком высоким. Ею интересовались лишь отдельные исследователи, чье творчество было неразрывно связано с российской наукой, как в случае с византинистом Дюлой Моравчиком [5]. Греков, как один из главных действующих лиц советской историографии, один из ее символов, в Венгрии был малоизвестен. Потому казалось важным представить его персону венгерской общественности.

Газета “Népszava” (Народное слово) рисовала портрет Грекова не просто как одного из самых выдающихся советских ученых, но как историка с мировой репутацией. Читателям пытались разъяснить важность его трудов. Так, значимость «Киевской Руси» для венгерской науки объяснялось уже тем фактом, что предки венгров мигрировали на запад через территории восточных славян и находились с ними в прямом соприкосновении. Научное творчество Грекова представлялось как пример грамотного применения материалистической диалектики, поскольку ученый не пытался следовать заранее подготовленной схеме, был лишен догматизма и схематизма. Его книга «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века», как отмечалось в газетной статье, имела большое научное и политическое значение, ведь ни в одной стране не было такой всесторонней научной разработки истории собственного крестьянства [23, 6. old.]. Греков предстает не только как «большой специалист», как

«прекрасный марксист-ленинец», но как выдающийся педагог и организатор науки. Читателей убеждают, что нигде в мире нет такого важного центра исторических исследований, как Институт истории АН СССР, возглавляемый Грековым. Визит академика в Будапешт представляется важнейшим событием в венгерской научной жизни 1948 г. Причем от советского академика ждут важных наставлений, которые сможет использовать венгерская историография [23, 6. old.]. Оттого каждая фраза, произнесенная Грековым, немедленно превращается в лозунг. «Венгерская наука служит интересам всего народа», – подхватывает вслед за Грековым главная газета страны [10, 5. old.].

«Наш университет должен присвоить высшую степень почетного доктора»

Почти накануне приезда советского академика, 3 ноября 1948 г. собралось внеочередное заседание Совета факультета гуманитарных наук

Будапештского университета, на котором присутствовали Дюла Немет, Дюла Моравчик, Иштван Книежа, Дьердь Лукач, Золтан Трочани, Имре Лукинич, Имре Сентпетери и другие видные ученые. Сохранившийся протокол собрания свидетельствует, что перед визитом Грекова венгерские ученые решили, что «этому выдающемуся научному представителю Советского Союза наш университет должен присвоить высшую степень почетного доктора» [3, 73. old.]. Тем более что еще весной это уже сделал пражский Карлов университет.

Немедленно была создана комиссия в составе Имре Лукинича, Дюлы Моравчика, Иштвана Хайнала, Золтана Трочани, Петера Ваца, Шандора Салаи. Ее члены подчеркнули, что в своих работах Греков уделял большое место истории венгров и что неоднократно призывал к развитию советско-венгерских исторических исследований. В справке о научных заслугах Грекова, составленной Д. Моравчиком и З. Трочани, в духе времени констатировалось, что историк еще в годы учебы в университете познакомился с «Капиталом» Карла Маркса, и это знакомство определило направление его исследований [3, 75. old.]. Там же отмечалось, что своими исследованиями Греков доказал, что Древнерусское государство сложилось не под внешним влиянием, а в результате внутренних социально-экономических процессов. Тем самым он развеял легенду об отсталости восточных славян. Он же показал, что древнерусская культура в полной мере соотносилась с европейским уровнем. В этих словах был явно заметен реверанс в сторону официальной советской историографии того времени с ее воинствующим антинорманизмом. Отмечались также

исследования по истории русского крестьянства, которые были созданы в «марксистско-ленинском духе». Обсудив представление, факультетский Совет решил не проводить тайного голосования по кандидатуре Грекова. Он единогласно одобрил решение комиссии и рекомендовал внести его в срочном порядке на рассмотрение в Совет университета [3, 78. old.].

Университетский Совет под председательством ректора Д.Немета, который, заметим, был одновременно членом факультетского совета, собрался 9 ноября 1948 г. внеочередным порядком [2, 11. old.]. Докладчиком поручено было выступить лингвисту, декану факультета гуманитарных наук, профессору Миклошу Жириай (Zsirai Miklós; 1892–1955). Тот сообщил, что специальная комиссия рассмотрела кандидатуру советского академика и отметила его выдающиеся заслуги перед исторической наукой. Факультетский совет единодушно одобрил это решение. На основании этого Жириай рекомендовал направить представление на утверждение министру по делам религии и народного просвещения. Проректор университета, профессор-медик Йозеф Фридьеш (Frigeysi József; 1875–1967) одобрил представление, поддержал его и декан теологического факультета. Таким образом, после обмена мнениями кандидатура Б.Д.Грекова была единогласно утверждена университетским советом. Церемония чествования советского ученого была назначена на субботу, 13 ноября, в 17.00 [3, 79. old.]. Забегая вперед, скажем, что пройдет она в торжественной атмосфере и будет запечатлена на кинолентку.

«Русское государство существовало и до Юрика»

Первая лекция Грекова в университете состоялась 6 ноября. Газеты сообщали, что на нее «пришло большое количество представителей венгерского научного мира, и огромный зал был до краев заполнен заинтересованной аудиторией» [17, 6. old.]. Важность мероприятия символизировало присутствие советских дипломатов и венгерских политических деятелей. Со вступительным словом на русском и венгерском языках выступил декан М.Жириай. Он поприветствовал СССР как великую страну, «освободившуюся от ига гнета и эксплуатации и строящую теперь социализм», а Грекова – как известного европейского ученого, который всегда с непоколебимой волей искал и до сих пор ищет историческую правду [17, 6. old.].

Лекция была посвящена образованию Древнерусского государства. Греков убеждал, что государство появляется лишь в результате классо-



М.Жири

вой борьбы. Попутно он критиковал норманнскую теорию, апеллировал к легендарности факта о призвании Рюрика и в качестве главного авторитета приволил мнение М.В.Ломоносова. Показательно, что один из газетных заголовков, сообщавших о лекции, гласил: «Русское государство существовало и до Рюрика» [13, 6. old.]. Как все это соотносилось с венгерской историей? Греков утверждал, что венграм при изучении их истории не нужно искать героев-основателей, но необходимо пристально анализировать общественные отношения, в первую очередь сквозь призму классовой борьбы и угнетения в истории.

В следующей лекции об истоках русской культуры Греков снова уходил в глубины истории, доказывая, что у восточных славян уже к IX в. сложилась развитая материальная культура, что письменность на Руси укоренилась до принятия христианства. Но, главное, Киевская Русь имела миролюбивый характер. При Владимире I она жила в гармонии и любви с поляками, венграми и чехами [4, 1948–11–11/96]. Понятно, что подобные утверждения носили скорее политический, нежели научный характер. Представления о миролюбивости Руси по отношению к восточноевропейским соседям переносились на текущую политику СССР. Обратим внимание, что Греков говорил и о том, сколь большое влияние древнерусская культура оказала на Восточную Европу [12, 5. old.]. Из его слов явно читалось, что в настоящее время такое же плодотворное воздействие предстоит оказать Советскому Союзу.

Местные газеты тиражировали слова советского академика о том, что он с большим удовольствием приехал в Венгрию, поскольку в процессе

своих научных изысканий много занимался венгерской историей [10, 5. old.: 14, 14. old.]. По правде сказать, подобные утверждения были сильно преувеличены. Греков, занимаясь Киевской Русью, конечно, не мог обойти стороной венгров, которые были в числе ее соседей. Об этих связях он вполне оправданно упоминал в беседах с журналистами. Однако трудно поверить словам академика, впрочем, транслированных венгерскими репортерами, что во время своих исследований русского крестьянства он «глубоко погрузился и в историю венгерского крестьянства» [14, 14. old.]. Хотя Греков был представителем старой школы, которой были свойственны глубокие лингвистические познания, венгерским языком он не владел и за венгерской историографией не следил, в чем легко убедиться даже при беглом обзоре его работ. Так что к утверждению журналистов, что Греков является одним из лучших советских знатоков Арпадской эпохи [11, 3. old.], нужно относиться с большой осторожностью.

**«Мы считаем визит
профессора Грекова
к друзьям очень важным»**

Венгерская сторона устроила в честь Грекова торжественный прием в ресторане одного из лучших будапештских отелей – «Надьсалло» – на острове Маргит. О важности мероприятия свидетельствует тот факт, что его организатором стал министр просвещения и религии Дюла Ортутай [19, 3. old.]. На встречу были приглашены видные венгерские политические, научные и культурные деятели, представители советского посольства, многочисленные журналисты.

Ортутай произнес речь в честь гостя: «Мы считаем визит профессора Грекова к друзьям очень важным и хотели бы, чтобы венгерские исследователи как можно ближе познакомились с передовой культурой Советского Союза». При этом развитие советско-венгерских культурных связей не должно ограничиваться отдельными событиями, но должно стать системным. В ответном слове Греков сказал, что с началом построения народной демократии венгерская наука стала служить не классовым интересам, а интересам народа [4, 1948–11–05/96].



Д.Ортутай

На приеме в честь Грекова присутствовал молодой историк Жигмонд Пал Пах (Pach Zsigmond Pál; 1919–2001), которому впоследствии будет суждено стать одной из ключевых фигур венгерской историографии, одним из крупнейших европейских специалистов в области экономической истории. В своих статьях и выступлениях он многократно вспоминал об этой ноябрьской встрече 1948 г., правда, излагая ее с разной степенью подробностей. Греков запомнился ему седым голубоглазым стариком, исполненным достоинства и уверенности. Пах добавлял, что ему тут же вспомнилась встреча осенью 1944 г. с советским солдатом, с горящей красной звездой на фуражке, который отправился освобождать Венгрию. То была первая встреча с советским человеком. Встреча с Грековым оказалась первым знакомством с советским историком [20, 5. old.; 21, 3. old.]. Ж.П.Пах сообщал, что переведенные на венгерский язык лекции Грекова оказали большое воздействие на венгерскую историческую науку. Но так ли это? Каким было реальное влияние Грекова на венгерскую историографию? В этом еще предстоит разобраться, опираясь на новые источники.

Что касается упомянутого Ж.П.Паха, то если в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. он старался ориентироваться главным образом на советскую историографию, то уже в 1960–1970-е гг. он много сделает для интеграции венгерской науки в мировую науку. Его стараниями Будапешт посетят Фернан Бродель, Жак Ле Гофф, Эрик Хобсбаум, Франко Вентури и др. И для Ж.П.Паха, и для уже упомянутого в начале статьи Й.Перени, встреча с Грековым останется скорее предметом личных воспоминаний, нежели научных рефлексий. Хотя в случае с Перени знакомство с влиятельным советским ученым позволит сгладить последствия идеологических гонений начала 1950-х гг. Впрочем, детальный разбор влияния творчества советского ученого на восточноевропейские историографии должен стать предметом специального исследования.

Публикуемый отчет о визите в Будапешт был составлен Б.Д.Грековым для АН СССР. Его текст, напечатанный на машинке на листах формата А4, сохранился в фондах Архива РАН. Документ не подписан. Текст публикуется с сохранением авторской стилистики и пунктуации [1, л. 1–9].

ОТЧЕТ О КОМАНДИРОВКЕ В ВЕНГРИЮ Б.Д.ГРЕКОВА²

С 6 ноября по 17 ноября 1948 г. по приглашению Будапештского Университета находился в Венгрии.

Университет предложил мне прочитать несколько лекций. Я выбрал такую тематику, которая могла бы показать метод работы советских историков. Поскольку в Западной Европе весьма распространено мнение, что славяне без помощи германской расы не способны организовать свою государственную жизнь, я решил прочесть лекции на тему «Образование Русского государства», где стремился объяснить слушателям, как мы понимаем государство и как решаем вопрос об образовании любого государства, в том числе и Русского. Вторая лекция была на тему «Истоки русской культуры и культура Киевского государства». Моя задача заключалась в том, чтобы показать связь между материальной базой и явлениями надстроечного порядка. Попутно я хотел продемонстрировать роль советской археологии как одной из важнейших исторических дисциплин, значение привлечения археологии, лингвистики и этнографии для решения исторических проблем.

Третья лекция была озаглавлена «Закономерности в истории крестьян феодальной Европы», в которой я хотел ознакомить аудиторию с учением об общественно-экономических формациях в применении его к решению конкретных задач.

Все мои лекции заранее переводились на венгерский язык, печатались и в печатном виде раздавались слушателям. Делалось это потому, что сравнительно немногие из слушателей понимали по-русски.

После лекций всегда Ректор Университета³ приглашал меня и венгерских профессоров в свой кабинет, где мы вели беседы на темы, интересующие венгерских ученых. Они спрашивали об организации науки в Советском Союзе, о положении ученых, задавали также вопросы по специальности. Естественно, больше всего вопросов задавали из области истории СССР, славянских стран, истории взаимоотношений между народами венгерским и русским.

²Авторское название. Заглавные буквы и подчеркивание – в оригинале документа.

³Ректором университета в это время был всемирно известный тюрколог, академик Венгерской академии наук Дюла Немет (Németh Gyula; 1890–1976). Он возглавлял Будапештский университет в 1947–1949 гг. С 1950 г. и вплоть до выхода на пенсию в 1965 г. был директором Института языкознания Венгерской академии наук. Д.Немет владел русским языком, имел тесные связи с российскими учеными.

По прочтении этих лекций я получил от Ректора Университета следующее письмо⁴: «Глубокоуважаемый Г[осподи]н Профессор! По инициативе факультета философских наук Будапештского Университета Совет Университета принял одобренное г[осподи]ном Президентом Венгерской Республики⁵ решение об избрании Вас, господин Профессор, в знак признания Ваших заслуг в области исторических наук доктором *honoris causa* по разделу гуманитарных наук.

Я счастлив сообщить Вам, господин Профессор, об этом, одновременно доводя с уважением до Вашего сведения, что церемония посвящения Вас в доктора *honoris causa* назначена Советом Университета на 13 ноября 1948 года.

Прошу Вас, господин Профессор, в вышеозначенный день, в 5 часов дня быть в актовом зале нашего Университета (4-й район Будапешта, площадь Пазмань 1–3, 2-й этаж, 101).

Примите, г[осподи]н Профессор, искренние выражения моего совершенного к Вам уважения

Ректор (подпись)

Будапешт, 10 ноября 1948»

В назначенный срок я явился в Университет, где и произошла церемония.

Описание ее прилагаю⁶.

В тот же вечер Ректор устроил в лучшем ресторане ужин, где присутствовали профессора Университета с Ректором во главе. На ужине был обмен приветствиями и пожеланиями. Я, конечно, отвечал, отмечая важность солидарности между демократическими государствами и между учеными Венгрии и Советского Союза. Вечер прошел в очень теплых и искренних тонах.

После моих лекций я получил очень интересное письмо от одного из моих слушателей, мне совершенно неизвестного⁷. В письме, между прочим, стоит фраза, которую я считаю полезным привести

⁴Оригинал цитируемого письма обнаружить не удалось.

⁵Сакашич Арпад (Szakasits Árpád; 1888–1965) – венгерский политический деятель, социал-демократ, затем – коммунист (после объединения социал-демократов и коммунистов в Венгерскую партию трудящихся). С 3 августа 1948 г. по 23 августа 1949 г. занимал пост президента. После принятия новой конституции 20 августа 1949 г., упразднившей пост президента и установившей однопартийную систему, стал главой Президиума Венгерской республики. В апреле 1950 г. по указанию М.Ракоши, арестован и заключен в тюрьму. На сессии Государственного собрания в мае того же года лишился своего поста.

⁶Указанное приложение обнаружить не удалось.

⁷Автора этого письма установить не удалось, как не удалось найти его оригинал.



Будапешт. Октябрь 1948 г.

полностью, так как она говорит о том, что мои лекции до некоторой степени достигли той цели, какую я себе ставил. В письме значится: «Я не преувеличу, если скажу, что такие доводы, какие были в Вашем докладе, в этом зале прозвучали теперь впервые».

Венгерские ученые, особенно те, кто занимается либо историей СССР, либо историей славян, очень настойчиво просили о присылке им советской ученой литературы, жалуясь на то, что ее в Будапеште слишком мало.

В промежутках между лекциями (я читал их через день) я имел возможность знакомиться с научными и культурными учреждениями Будапешта и его окрестностей.

Был приглашен в Венгерскую Академию Наук, осмотрел ее помещение, разрушенное немцами и теперь уже в значительной мере восстановленное, видел зал заседаний, библиотеку, архив.

Тут мне рассказали, как командование Красной Армии бережно отнеслось к научным ценностям, хранимым в Академии, благодаря чему они и могли уцелеть.

В подарок здесь я получил несколько книг, между ними перевод на венгерский язык «Повесть временных лет»⁸, правда не полный, а лишь тех ее частей, где говорится о связях русского народа с венгерским.

И здесь царил такая же атмосфера доброжелательности, какую я отмечал в Университете.

Видел Будапештские музеи, был три раза в оперном театре, в ложе

министра просвещения⁹.

Он же устроил на второй день моего приезда обед, чем дал мне возможность ближе узнать ученый мир Венгрии и, в частности,



Послевоенные разрушения
в Будапештской крепости. Вторая пол. 1940-х гг.

⁸ Можно предположить, что речь идет о переводе части «Повести временных лет», сделанном профессором Анталом Ходинкой (Hodinka Antal; 1864–1946) для сборника документальных материалов о ранней истории венгров. См.: [18, 362–378. old].

⁹ Министром по делам религии и просвещения в указанное время был Дюла Ортутай (Ortutay Gyula; 1910–1978), общественный деятель и ученый-этнограф. Придерживался левых взглядов, представлял левое крыло партии мелких хозяев. В годы Второй мировой войны – участник антифашистского движения. Член-корреспондент Венгерской академии наук (1945), академик (1958). В 1946–1956 гг. и в 1958–1978 гг. был главой Венгерского этнографического общества.

С 14 марта 1947 г. по 25 февраля 1950 г. занимал пост министра по делам религии и просвещения. В этот период произошла секуляризация религиозного образования, проведена реформа Венгерской академии наук, введены новые учебные программы и учебники по советским образцам. В 1957–1963 гг. был ректором Будапештского университета. В то же время он сыграл большую роль в институционализации этнографических исследований, и при его участии в составе Венгерской академии наук в 1967 г. был создан самостоятельный Институт этнографии. Член Президиума Венгерской народной республики (1958–1978), в 1957–1964 гг. генеральный секретарь Отечественного народного фронта Венгрии.

взгляд самого министра просвещения на роль науки в демократической Венгрии.

Министр высказывался весьма определенно о том, что венгерская наука должна служить интересам венгерского народа, что Министерство посылает своих молодых ученых в СССР для специализации и, конечно, для установления и укрепления культурных связей между нашими народами.

Особенно часто приходилось мне встречаться с Председателем Общества культурной связи с СССР¹⁰, г[осподи]ном Санто¹¹. Он прекрасно говорит по-русски, жил в России, участвовал в боях с фашистами в Испании, горячий сторонник самой тесной дружбы между русским и венгерским народами.

Хочется при случае послать ему большой и сердечный привет.

Венгерские ученые дали мне возможность осмотреть археологические работы, ведущиеся в Венгрии.

¹⁰ Венгерско-советское культурное общество (A Magyar-Szovjet Művelődési Társaság) было создано в Будапеште в январе 1945 г. Его почетным президентом был избран всемирно известный ученый, Нобелевский лауреат Альберт Сент-Дьёрди (Szent-Györgyi Albert; 1893–1986). Весной 1947 г. Сент-Дьёрди, несогласный с политикой венгерских коммунистов, решил не возвращаться из командировки в Швейцарию, переехав оттуда в США. В 1948 г. Венгерско-советское культурное общество было переименовано в Венгерско-советское общество (Magyar-Szovjet Társaság), взявшее на себя пропагандистские функции и пропагандировавшее советизацию интеллектуальной жизни. Общество прекратило существование во время Венгерской революции 1956 г. На смену ему летом 1957 г. пришло Общество советско-венгерской дружбы (Magyar-Szovjet Baráti Társaság).

¹¹ Санто Режё (Szántó Rezső; 1892–1970) – венгерский политический деятель, журналист; в юности увлекся левыми идеями, участник Которского восстания матросов австро-венгерского флота 1918 г. и установления Венгерской советской республики в 1919 г., один из основателей Партии коммунистов Венгрии, в 1920 г. осужден на 15 лет, но в 1922 г. в рамках процесса обмена пленными, ему разрешили выехать в Москву. В 1920–1930-е гг. занимал различные должности в Государственной страховой компании, Отделе пропаганды Краснопресненского района Москвы и др., выезжал в длительные заграничные командировки в Лондон и Париж, в 1936–1938 гг. участвовал в Гражданской войне в Испании на стороне республиканцев. Во время Великой Отечественной войне был диктором на венгерском радио «Кошут», по окончании войны занимался репатриацией венгерских политэмигрантов на Родину. В конце 1946 г. вернулся в Будапешт, в 1947 г. возглавил Венгерско-советское культурное общество. Оставался на этом посту до 1949 г., когда получил назначение заместителем директора Национального сберегательного банка, затем стал главным редактором еженедельника «За прочный мир и народную демократию!» (Tartós békéért, népi demokráciáért!), в 1954–1956 гг. был главным редактором венгерской версии советского журнала «Новое время». Родные братья Режё Санто – Бела (Szántó Béla; 1881–1951) и Золтан (Szántó Zoltán; 1893–1977), а также сестра Гизелла (Szántó Gizella; 1884–1947), тоже были коммунистическими активистами и занимали важное место в венгерской политической жизни. Бела Санто был членом правительства Венгерской советской республики 1919 г., а Золтан Санто представителем Коммунистической партии Венгрии в Исполкоме Коминтерна в 1935–1938 гг.

Под руководством проф[ессор] Геревича¹² я видел раскопки дворца XV века короля Матиаса¹³, на месте которого был в XIX веке выстроен дворец Габсбургов¹⁴. Этот последний сильно пострадал во время войны¹⁵, что дало возможность вскрыть остатки постройки XV века¹⁶.

¹² Геревич Ласло (Gerevich László; 1911–1997) – венгерский археолог, академик Венгерской академии наук. В 1931–1935 гг. учился в Будапештском университете. С 1935 г. работал в Музее истории Будапешта (в 1950–1961 гг. – генеральный директор). С 1947 г. преподавал в Будапештском университете средневековую археологию. В 1958 г. возглавил Группу археологических исследований Венгерской академии наук, которая в 1968 г. преобразована в самостоятельный Археологический институт. Оставался его директором вплоть до 1981 г. Л. Геревич сыграл огромную роль в сохранении памятников Будапештской крепости, пострадавших во время Второй мировой войны. Он был сторонником развития деловых контактов с советскими археологами, в том числе в рамках совместных археологических раскопок.

¹³ Матьяш I (Hunyadi Mátyás; 1443–1490) – венгерский король (1458–1490) из трансильванского рода Хуньяди, традиционно именуемый в российской историографии Матвеем Корвин. В период его правления средневековое Венгерское королевство достигло пика могущества. Король считался покровителем искусств и наук, прославился как собиратель уникальной библиотеки – Bibliotheca Corviniana. При дворе Матвеева ранее других в Восточной Европе утвердилась мода на стиль итальянского Возрождения, откуда затем она распространилась в другие части региона. Эта мода была во многом связана с женой Матвеева в 1476 г. на Беатриче Арагонской (1457–1508), дочери неаполитанского короля, вместе с которой к венгерскому двору приехали многие итальянские мастера. При Матвееве была серьезно перестроена готическая королевская резиденция в Буде, ухажившая корнями еще в XIII в., в правление короля Белы IV (1206–1270), и претерпевшая масштабную перестройку во времена Сигизмунда I Люксембургского (1368–1437). В 1526 г. после победы в битве при Мохаче турки разграбили Буду, а вместе с ней и дворец Матвеева. После захвата ими города в 1541 г. королевская резиденция была частично перестроена в традициях исламской архитектуры. Здание дворца сильно страдало во время последующих многочисленных военных конфликтов. Особо сильный ущерб оно получило в 1686 г. во время осады Буды войсками Карла Лотарингского. Взрыв порохового склада практически полностью разрушил бывшую королевскую резиденцию.

¹⁴ Б.Д. Греков не совсем точен, ибо строительство на месте средневековой королевской резиденции началось еще в XVIII в. Первый небольшой дворец на ее месте появился в 1715 г., но уже в 1723 гг. сгорел. В 1749 г. началось строительство дворца Марии Терезии, которое полностью завершилось к 1769 г. Зданию был нанесен серьезный урон во время боев в мае 1849 г. между австрийскими войсками и восставшими венграми. В 1850–1856 гг. дворец был отремонтирован. На рубеже XIX–XX вв. была проведена масштабная реконструкция и перестройка дворца по проектам Миклоша Ибла (Ybl Miklós; 1814–1891) и Алайоша Хаусманна (Hauszmann Alajos; 1847–1926).

¹⁵ Будапештская крепость претерпела колоссальные разрушения во время Будапештской операции 1944–1945 гг. В январе–феврале 1945 гг. ее удерживали немецкие и венгерские войска, до последнего оказывавшие сопротивление наступающей Красной армии. Дворец Габсбургов был объят пожаром в течение нескольких дней: рухнула купольная конструкция, погибли все дворцовые интерьеры, от здания остались практически только фасадные стены.

¹⁶ Начаты в 1946 г. Ласло Геревичем раскопки дали возможность изучить сохранившиеся остатки средневекового дворца, в частности, обнаружить месторасположения королевской часовни, рыцарского зала, королевского сада, освободить остатки фортификацион-

Проф[ессор] Геревич тут же сообщил любопытные сведения, раскрытые в венгерских архивах, о связи между королем Матиасом и Иваном III Московским¹⁷. Между прочим, он сообщил, что по имеющимся архивным данным король Матиас познакомил Ивана III с знаменитым Аристотелем Фиораванти¹⁸, который по рекомендации короля Матиаса попал в Москву¹⁹. Работы Аристотеля Фиораванти в Будапеште сейчас раскрываются венгерскими археологами.

Далее руководитель нашей научной экскурсии, проф[ессор] Геревич, повез нас в гор[од] Эстергом, первую древнейшую столицу Венгрии²⁰. Тут раскопан и реставрирован Королевский дворец XI–XIII веков, разрушенный в XIII веке татарами и совершенно засыпанный землей. Археологи раскопали землю, вскрыли остатки стен, восстановили недостающие части. И сейчас посетитель может видеть дворцовую церковь, многие залы и др[угие] дворцовые помещения. В течение 10 лет, время ведения раскопок и реставрации, сделано очень много.

Дворец носит много черт чисто византийских.

ных сооружений, найти многочисленные фрагменты архитектурного декора. Археологические работы продолжались до начала 1960-х гг., став в своем роде одними из самых масштабных в Европе. В 1960-х гг. были проведены реставрационно-реконструкционные работы во дворце Габсбургов, после которых он был приспособлен под музейные экспозиции, при этом старые дворцовые интерьеры не восстанавливались. Вместе с тем следом были разобраны руины зданий поблизости, за исключением дворца Шандора и Замкового театра. В наши дни в Будапештской крепости ведутся активные работы, призванные восстановить некоторые разрушенные в период Второй мировой войны строения и одновременно исправить недостатки реконструкции 1960-х гг.

¹⁷ Иван III Васильевич (1440–1505) – великий князь Московский с 1462 по 1505 гг.

¹⁸ Фиораванти Аристотель (Ridolfo Aristotele Fioravanti; 1415–1486) – итальянский архитектор и инженер, архитектор Успенского собора в Московском Кремле. Фиораванти прибыл ко двору Матвьяша I в 1467 г. в качестве инженера и пробыл в Венгрии около полугода. См.: [8; 15].

¹⁹ В период правления Матвьяша I произошло укрепление дипломатических связей Венгрии с Московским государством. В 1482 г. Буду посетил посол Ивана III Федор Васильевич Курицын, думный дьяк, дипломат и писатель. В 1488 г. венгерское посольство посетило Москву.

²⁰ Со времен князя Гёзы (940–997) и до середины XIII в. Эстергом был фактической столицей Венгрии. В 1001 г. в Эстергоме был коронован первый венгерский король – Иштван I Святой (970/975–1038). В настоящее время – резиденция главы венгерской католической церкви.



Будапешт. Октябрь 1948 г.

Тут нашли приют Даниил Романович²¹ с матерью²² во время своего изгнания из Галича²³. Тут Даниил получил и свое образование.

Отсюда мы направились еще дальше в городок с чисто славянским именем Вышеград²⁴. Тут под наблюдением археолога проф[ес-

²¹ Даниил Романович Галицкий (1201–1264) – галицкий князь, великий князь киевский, король Руси (с 1253 г.)

²² Имеется в виду Ефросинья-Анна, она же – «Великая Княгиня Романовна» (до 1188 – не ранее 1253), жена князя Романа Мстиславича. Настоящее имя неизвестно (в монашестве – Анна, по некоторым источникам – Мария). Ее происхождение является предметом споров ученых, хотя в настоящее время выдвинута получившая широкую поддержку версия о том, что она была дочерью византийского императора Исаака II.

²³ В 1206 г. после боярского переворота вдова князя Романа Мстиславича вместе с сыновьями была вынуждена бежать в Краков. Оттуда Даниил был направлен в Венгрию на воспитание к королю Андрашу II, который активно вмешивался в борьбу за княжеский престол в Галицком княжестве.

²⁴ Вышеград в XIII–XIV вв. служил политическим центром Венгерского королевства, вплоть до переноса столицы в Буду в 1361 г.

сора] Люкс²⁵ ведутся раскопки дворца XV века²⁶. Во дворце 302 комнаты. Вверху над дворцом развалины старинного замка.

В Вышеграде наша экскурсия после осмотра археологических работ обедала. Проф[ессор] Геревич оказался человеком весьма общительным и веселым.

Общее впечатление от работ венгерских археологов – тщательность и большое умение. Техника работ великолепна. Но мне бросилось в глаза, что археология в Венгрии живет своей обособленной жизнью, она не связана с историей, не участвует в разрешении исторических проблем. Проф[ессор] Геревич на мои замечания на этот счет провозгласил тост за объединение археологии с историей. Отсюда я сделал вывод, что недалеко то время, когда венгерская археология займет то место среди исторических дисциплин, какое она занимает в СССР.

Правительство Венгерской Республики существенно поддерживает археологические изыскания.

В 1949 году в Будапеште будет археологический съезд, куда приглашены и советские археологи. Участие наших археологов в этом съезде несомненно внесет много оживления в постановку археологических работ в Венгрии.

Особенно памятно мне путешествие из Будапешта на озеро Балатон, на то самое озеро, где шли столь упорные бои Советской Армии²⁷.

Балатон – озеро около 80–85 километров в длину, в ширину от 7 до 20 км. Озеро производит впечатление моря.

²⁵ Вероятно, Б.Д.Греков допускает ошибку. Раскопками в Вышеграде с 1934 г. и вплоть до смерти руководил архитектор Янош Шулек (Schulek János; 1872–1948). Можно допустить, что советский академик искаженно воспринял на слух фамилию «Шулек», превратившуюся у него в «Люкс». Отец Я. Шулека – Фридьеш Шулек (Schulek Frigyes; 1841–1919) – был крупнейшим архитектором, создателем Рыбацкого бастиона в Будайской крепости. Я. Шулек провел глубокую реставрацию жилых строений и сада. В наши дни там размещается Музей короля Матьяша.

²⁶ Речь идет о раскопках дворца Матьяша I, который в 1476–1484 гг. расширил и перестроил старую королевскую резиденцию в раннем ренессансном стиле. Замок сильно страдал во время многочисленных войн, особенно после захвата турками в 1544 г. Был окончательно разрушен в 1702 г.

²⁷ Речь идет о Балатонской оборонительной операции 6–15 марта 1945 г., когда части 3-го Украинского фронта при участии 1-й Болгарской и 3-й Югославской армий отразили наступление немецких войск.

Я был на биологической станции, стоящей на берегу озера. Служащие в приветственной речи указали на то, что они могут здесь трудиться благодаря победе Красной армии.

Станция работает успешно: ставит интересные опыты, издает свои специальные сборники.

Из Будапешта я по предложению Дебреценского университета²⁸ отправился в Дебрецен, центр кальвинизма Венгрии²⁹.

Дебрецен – провинциальный город, но очень культурный. Здесь старинный Университет, помещающийся, однако, в новом здании, постройке 20-х годов XX века³⁰. Здание построено красиво и продуманно. Помещается оно в огромном парке.

И здесь я читал лекцию на тему «Закономерности в истории крестьян феодальной Европы». В отличие от моей будапештской университетской аудитории, дебреценская аудитория была в значительной мере студенческой.

В Дебреценском университете я посетил два семинара: семинар славяноведения и семинар по истории СССР. В славянском семинаре студенты занимаются главным образом изучением русского языка и русской литературы. В семинаре этом я застал студентов, человек 20. Занимались они Лермонтовым. Одна из студенток в моем присутствии прочла на русском языке стихотворение Лермонтова «Парус».

В Дебрецене мне показали студенческое общежитие (Collegium), основанное в 1538 году. Огромное здание с прекрасной библиотекой, архивом и музеем. Встреча с администрацией Коллегиума была исключительно сердечной.

²⁸ Дебреценский университет ведет начало с 1538 г., когда был основан Реформатский коллегийум (Református Kollégium). В 1912 г. на его основе создан Венгерский королевский университет. В 1921 г. университет получил имя Иштвана Тисы. С 1945 г. – Дебреценский университет. Университет подвергся советизации в 1949 г., в 1951 г. ему было присвоено имя Лайоша Кошута. С 2000 г. – Дебреценский университет.

²⁹ Широкое распространение реформаторских идей в Дебрецене пришлось на середину XVI в., причем лютеранство довольно быстро оказалось вытеснено кальвинизмом. Реформатский дух сохранялся в Дебрецене даже в период жесткого давления на протестантов, предпринятого в правление императора Леопольда I (1640–1705), и гонений, последовавших за подавлением Освободительной войны 1703–1711 гг. под руководством Ференца II Ракоци. Вплоть до наших дней Дебрецен остается важнейшим центром венгерского кальвинизма.

³⁰ После создания университета в 1912 г. остро встала проблема учебных помещений, поскольку старое здание Реформатского коллегийума оказалось мало для новых целей. В 1918 г. новый корпус обрел медицинский факультет. В 1927 г. было заложено здание главного корпуса в стиле необарокко, которое открылось в 1932 г. Именно в нем принимали в 1948 г. Б.Д.Грекова.

В день моей лекции ректор Дебреценского университета³¹ в одном из университетских зданий устроил ужин, на котором присутствовали профессора Университета.

В день отъезда из Дебрецена домой бургомистр города³² пригласил меня на чашку чая. Тут я имел возможность встретиться с общественными деятелями города.

В тот же вечер 17 ноября я выехал из Дебрецена через Чоп домой.

Общее впечатление от всего виденного в Венгрии – это прежде всего то, что Венгрия в значительной степени оправилась после годов войны. Очень много зданий в Будапеште уже восстановлены. Магазины полны товаров. Цены доступные, хотя, конечно, не для всех, потому что заработок обычного служащего невелик, профессор университета получает около 1200–1500 форинтов в месяц. Этой заработной платы едва хватает на прожиточный *minimum*.

Съестных продуктов много.

Люди, с которыми мне приходилось встречаться, проявляли к советскому ученому очень много внимания, интересовались научной жизнью Советского Союза, жаловались на недостаточность присылаемых из Союза научных книг, обращались ко мне со своими просьбами о высылке необходимых для их работ советских изданий.

Некоторые ученые действительно в этом отношении находятся в трудном положении: профессор Трочани³³, например, преподающий в Будапештском университете русскую литературу, не имеет академического издания истории русской литературы. Ректор Университета ну-

³¹ Ректором университета был литературовед, профессор Бела Пуканский (*Pukánszky Béla*; 1895–1950). Выпускник Будапештского университета, Пуканский был известным специалистом по немецкой литературе, членом-корреспондентом Венгерской академии наук (1932). В Дебреценском университете он работал с 1941 г. В 1948–1949 гг. занимал пост ректора. В 1949 г. на волне советизации Венгерской академии наук исключен из числа ее членов. Скоропостижно скончался от сердечного приступа.

³² Вероятно, Б.Д.Грекова в должности бургомистра принимал коммунист Янош Менеши (*Ménes János*; 1905–1993), пришедший на смену социал-демократу Кальману Сабо (*Szabó Kálmán*; 1945–1948), написавшему заявление об отставке в марте 1948 г. Однако в научной литературе указывается, что Я.Менеши заступил на свой пост в 1949 г. [16, 105. old., 116. old.]. Так что вопрос еще нуждается в прояснении. Не исключено, что в архивах Дебрецена может обнаружиться информация о приезде и приеме Б.Д.Грекова.

³³ Трочани Золтан (*Trócsányi Zoltán*; 1886–1971) – литературовед, библиотековед, писатель, выпускник Будапештского университета, в 1908–1921 гг. работал на различных должностях в Венгерской академии наук, в 1920–1930-е гг. занимался библиотечной работой, в том числе в Национальной библиотеке имени Иштвана Сечени, а также издательно-журналистской деятельностью, с 1939–1943 гг. и 1946–1950 гг. преподавал в Будапештском университете русский язык и литературу.

ждается в наших изданиях по истории Башкирии, у него нет сборника по истории народов Востока, нет словаря чувашского языка. Проф[ес-сор] Перени³⁴ просит прислать ему наши книги по русской палеографии, необходимые ему для его преподавания в Университете.

Я считаю своим долгом обратиться в ВОКС³⁵ с просьбой о высылке книг этим ученым.

Страна живет интенсивной жизнью. К Советскому Союзу отношение серьезное и дружественное. Я это ощущал при каждой встрече с венгерскими учеными и видел это в день праздника 7 ноября, организованного в Венгрии весьма торжественно и грандиозно. Я присутствовал на одном из парадов (их было несколько: около каждого памятника Советской Армии), где у памятника советским воинам, отдавшим свою жизнь за освобождение Венгрии³⁶, продефилировали войска, спортивные организации и др. Подножие памятника покрылось бесчисленными венками, возложенными от многочисленных организаций Будапешта. Первый венок возложил президент республики. Произнесена была большая речь, в которой подчеркивалось значение дружбы Венгрии с Советским Союзом.

7-го ноября вечером в театре перед спектаклем «Князь Игорь» большую политическую речь произнес президент. В антракте президент пригласил меня к себе для того, чтобы познакомиться с советским ученым, и сказал по этому поводу несколько теплых слов.

В политической жизни страны я не успел разобраться, да и трудно мне было это сделать вследствие незнания языка. Переводчик, представленный ко мне, много помогал мне понять венгерскую современ-

³⁴Перени Йозеф (Perényi József; 1915–1981) – историк, крупнейший специалист по истории Восточной Европы, выпускник Будапештского университета (1938), в 1930–1940-е гг. стажировался в Париже, работал в Стамбуле. В 1945 г. стал сотрудником министерства иностранных дел, в 1946–1947 гг. – атташе по культуре венгерского посольства в Москве, сотрудник Восточно-Европейского научного института (бывший Научный институт Пала Телеки) в 1947–1949 гг., в 1949–1957 гг. – научный сотрудник Института истории Венгерской академии наук, с 1957 г. и до выхода на пенсию в 1975 г. – заведующий кафедрой истории Восточной Европы в Будапештском университете.

³⁵Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) – общественная организация СССР, созданная в 1925 г., курировала интеллектуальные связи с зарубежными научными и культурными деятелями, включая организацию поездок, книгообмен, проведение выставок и пр. ВОКС существовала до 1957 г., вследствие последующих реорганизаций ее функции стал выполнять Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами (ССОД).

³⁶Имеется в виду Памятник советским воинам-освободителям (Szovjet hősi emlékmű) на площади Сабадшаг (Szabadság tér) в центре Будапешта. Памятник создан по проекту скульптора Антала Карою (Károly Antal; 1909–1994) в 1945 г.

ную жизнь, но, конечно, очень недостаточно, чтобы я мог составить себе ясное представление о внутренних отношениях в стране.

Однако я заметил, что большая часть молодежи ищет новых путей в науке, не удовлетворяется буржуазной трактовкой истории, экономики, философии, стремится перейти на новые пути, старается глубоко ознакомиться с теорией экономического материализма и стремится в Советский Союз для ознакомления с советскими научными достижениями. Ученые высказывали не раз мысли о желательности переводов многих советских книг на венгерский язык.

В день моего выезда из Венгрии в Москву туда же направилась группа венгерской молодежи, командированная в Москву венгерским министерством просвещения.

Все эти признаки позволяют мне сделать заключение, что венгерские ученые и венгерская молодежь совершенно искренно стремятся сблизиться с Советским Союзом, включиться в общую культурную работу, энергично поддерживают у себя демократический строй.

Б. Греков



Капелла в Будаической крепости. Современный вид. 2022 г.

Библиографический список

1. Архив Российской академии наук. Архив РАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 76. Л. 1–9.
2. Eötvös Loránd Tudományegyetem (ELTE). Egyetemi Levéltár. 1. Rektori Hivatali iratai, 1635–2018. A/4. Budapesti Pázmány Péter Tudományegyetem Egyetemi Tanácsának ülésai, 1948–1949.
3. Eötvös Loránd Tudományegyetem (ELTE). Egyetemi Levéltár. 8. Bölcsészettudományi Kar, 1773–1995. A/51 Budapesti Pázmány Péter Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karának ülésai, 1948–1950.
4. Országos Levéltár. Magyar Távirati Irodai hírei 1920–1956. Külföldi-Belföldi Hírek, 1948. November.
5. Ковалев М. В. Венгерский византист Дюла Моравчик и советская историческая наука // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13). М.; СПб. [б.и.], 2021. С. 56–90.
6. Кудряцев А. А., Гусев Н. С. Балканская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1946 г. и ее влияние на развитие советско-болгарских связей в области археологии // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 492–518.
7. Летопись Российской академии наук. Т. VII. 1946–1953. М. [б.и.], 2022.
8. Подьяпольский С. С. Деятельность итальянских мастеров на Руси и в других странах Европы в конце XV – начале XVI века // Советское искусствознание. 1986. № 20. С. 62–91.
9. Свак Д. Параллельные биографии – судьба историка в Советском Союзе и Венгрии. Штрихи к портрету Руслана Скрынникова и Йожефа Перени // Историк и мир – мир историка в России и Центрально-Восточной Европе. Будапешт. Russica Pannonicana, 2012. С. 15–26.
10. “A magyar tudomány az egész nép érdekeit szolgálja” – mondta Grekov professzor, a Szovjet Tudományos Akadémia Budapestre érkezett alelnöke // Szabad Nép. 1948. 6. November. 6. évfolyam. 256. szám. 5. old.
11. A helyzet pénteken // Magyar Nemzet. 1948. 6. november. 4. évfolyam. 256. szám. 3. old.
12. A Tudományegyetem új díszdoktora // Friss Ujság. 1948. 13. november. 262. szám. 5. old.
13. Az orosz államvár Rurik előtt is fennállott: Grekov világhírű szovjet történész előadása // Szabad Nép. 1948. 10. november. 6. évfolyam. 259. szám. 6. old.
14. Az orosz parasztság történetírója Budapesten // Szabad Szó. 1948. 7. november. 50. évfolyam. 257. szám. 14. old.
15. Balogh J. Aristotele Fioravanti in Ungheria // Arte Lombarda. Nuova Serie. 1976. № 44/45. P. 225–227.

16. Gazdag I. Debreceni polgármesterek // A Hajdú-Bihar Megyei Levéltár évkönyve. 19. évf. Debrecen, 1992. 103–122. old.
17. Grekov professzor, a Szovjet Tudományos Akadémia alelnöke az orosz állam kialakulásáról előadást tartott a budapesti egyetemen // Népszava. 1948. 10. november. 76. évf. 253–259. szám. 6. old.
18. Magyar honfoglalás kútfőiben / Szerk. Gy. Pauler, S. Szilágyi. Budapest: Magyar tudományos akadémia, 1900.
19. Ortutay Gyula miniszter ebéde Grekov szovjet professzor tiszteletére // Magyar Nemzet. 1948. 6. november. 4. évfolyam. 256. szám. 3. old.
20. Pach Z.P. A szovjet és a magyar történettudomány kapcsolatainak jelentősége, eredményei, továbbépítése // A Magyar Tudományos Akadémia Filozófiai Filozófiai és Történettudományok Osztályának Közleményei. 1975. XXIV. kötet. 1. szám. 5–16. old.
21. Pach Z.P. Közös dolgaink a történelem-kutatásban // Élet és Irodalom. 1974. 18. évf. 38. szám. 3. old.
22. Pach Zs.P. Szekfű Gyula emléktáblájánál // Élet és Irodalom. 1983. 27. május. 27. évfolyam. 21. szám.
23. Sz. S. Grekov // Népszava. 1948. 13. november. 76. évfolyam. 262. szám. 6. old.

От врачей... требуют чуда,
а если чудо свершится –
никто не удивляется.

Мария Эбнер-Эшенбах

В медицине главным
лекарством является
сам врач.

Антоний Кэмпиньский





**Владимир Бородулин,
Егор Банзелюк,
Алексей Тополянский**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

**АКАДЕМИКИ АМН СССР МИРОН СЕМЕНОВИЧ
ВОВСИ (1897–1960) И БОРИС ЕВГЕНЬЕВИЧ
ВОТЧАЛ (1897–1971), ИЛИ О НРАВСТВЕННЫХ
КРИТЕРИЯХ МОСКОВСКОЙ ТЕРАПЕВТИЧЕ-
СКОЙ ЭЛИТЫ (2-Я ПОЛОВИНА XX ВЕКА)**

УДК
614.2

Виртуоз врачебной диагностики и терапевтического мастерства Вовси был одним из самых популярных в Москве врачей, его считали и лучшим лектором по внутренним болезням. Вотчал был международно признанным естествоиспытателем, а также изобретателем и ведущим специалистом по медицинской технике, основоположником пульмонологии и клинической фармакологии в СССР. Их сблизила Великая Отечественная война: генерал-майор Вовси создавал военно-терапевтическую службу Красной (Советской) армии, полковник Вотчал в качестве главного терапевта Волховского фронта был одним из его помощников. Авторы статьи последовательно демонстрируют общие черты и различия Вовси и Вотчала на извилистом жизненном пути и вскрывают причины разрыва их многолетних отношений.

A virtuoso of medical diagnostics and therapeutic skill, Vovsi was one of the most popular doctors in Moscow, he was also considered the best lecturer in internal medicine. Votchal was an internationally recognized naturalist, as well as an inventor and leading specialist in medical technology, the founder of pulmonology and clinical pharmacology in the USSR. They were brought together by the Great Patriotic War: Major General Vovsi created the military therapeutic service of the Red (Soviet) Army, Colonel Votchal, as the chief therapist of the Volkhov Front, was one of his assistants. From 1944 Vovsi headed the Department of Clinical and Military Field Therapy of the CIU of Physicians; Votchal was the deputy head of the department. The authors of the article consistently demonstrate the common features and differences between Vovsi and Votchal on the winding path of life and reveal the reasons for the breakup of their long-term relationship.

Ключевые слова: М.С.Вовси; Б.Е.Вотчал; Д.Д.Плетнев; терапевтическая элита; нравственные критерии.

Key words: M.S.Vovsi; B.E.Votchal; D.D.Pletnev; therapeutic elite; moral criteria.

E-mail: borodullnvladim@yandex.ru; banzeluk@mail.ru; avtpo2004@mail.ru

В первой половине XX столетия, к концу 1930-х годов, столичную клинику внутренних болезней возглавляли М.П.Кончаловский, Р.А.Лурия и Е.Е.Фромгольд, о чем свидетельствуют их труды и должности, пресса, материалы всесоюзных съездов терапевтов и Московского научного общества терапевтов, воспоминания современников. Этому предшествовала политическая смерть в 1937 г. (расстрелян в 1941 г.) самого яркого лидера медицинского сообщества Д.Д.Плетнева. В те же годы из более молодого поколения клиницистов стремительно выдвигался блестящий врач и лектор, не по возрасту мудрый человек Мирон Семенович Вовси – заведующий кафедрой терапии Центрального института усовершенствования (ЦИУ) врачей.

Генерал и академик М.С.Вовси: начало творческого пути Мирон (Меер) Семенович Вовси родился 12 (24) мая 1897 г. в поселке Краславка (Креславль) Двинского уезда (Витебская губерния, ныне – Латвия) в семье торговца лесом [1]. В биографических источниках (БСЭ и др.) дата рождения указывается как 1 (13) мая 1897 года либо как 12 мая (по григ. календарю). Однако обнаруженные нами личные дела студента Императорского Юрьевского университета Меера Вовси [2] содержат точную информацию о дате рождения. В частности, там содержится «ВЫПИСЬ из метрической книги... о времени рождения Двинского 1-й гильдии купеческого сына Меера Симонова Вовси». В этом



Мирон (Меер) Семенович Вовси

документе указаны «число и месяц рождения и обрезания: Мая 12 / 19 (христ.); Ияр 22 / 29 (евр.)». По григорианскому календарю этот день соответствует 24 мая 1897 года. Там же обнаружены и фотографии молодого Вовси.

Окончив Рижское городское реальное училище, он в 1915 г. поступил в Императорский Юрьевский университет (ныне Тарту, Эстония). Он мечтал стать математиком или физиком, однако прием евреев на эти факультеты был ограничен, пришлось поступать на медицинский – по его собственному выражению, «врачом стал невольно, по недоразумению» [17]. Во время Первой мировой войны Юрьев был оккупирован, университет перебазировали в Воронеж, а М.Вовси в 1918 г. перевелся на медицинский факультет Московского университета и окончил его в 1919 г. (это был первый советский выпуск врачей). Добровольцем он ушел на гражданскую войну; служил старшим врачом 51-го полка 6-й Петроградской пролетарской дивизии.

В 1921 г. он был откомандирован на курсы врачей Наркомздрава РСФСР, в 1922 г. избран (на 3 года) [3] ординатором факультетской терапевтической клиники (ФТК) 1 МГУ, где работал под руководством профессора Д.Д.Плетнева и его ассистентов В.Н.Виноградова и М.И.Вихерта. Именно Д.Д.Плетнева он считал своим учителем и в докладе к 25-летнему юбилею кафедры терапии №1 ЦИУ врачей сам назвал себя учеником Дмитрия Дмитриевича Плетнева¹. С 1925 г. М.С.Вовси – «научный сотрудник 1-го разряда» (то есть старший научный сотрудник) клинического отдела Клинического института функциональной диагностики и экспериментальной терапии при 1 МГУ (в дальнейшем – Медико-биологический институт Главнауки), где он работал под руководством В.Ф.Зеленина [4]. В 1930 г., когда В.Ф.Зеленин был вынужден оставить свой институт и перейти на кафедру госпитальной терапии 2-го Московского медицинского института, он предложил реорганизацию аппарата дирекции Медико-биологического института, которая предусматривала, в частности: «3. Просить Главнауку вместо должности второго заместителя учредить должность старшего врача, на каковую должность просить назначить сотрудника 1-го разряда М.С.Вовси с окладом ставки зам. директора». Этот документ свидетельствует, что к началу 30-х годов М.С.Вовси был одним из ведущих сотрудников Медико-биологического института и имел особый «научный вес» в глазах основателя и первого директора института В.Ф.Зеленина. Однако после его ухода

¹Текст доклада М.С.Вовси к 25-летнему юбилею первой кафедры терапии (машинопись) передан из личного архива Т.Н.Герчиковой на хранение А.В.Топольскому.

М. С. Вовси оставался здесь недолго, что зафиксировано в приказе по институту (1933): «Отчислить ст. научного сотрудника по отд. внутр. бол. М. С. Вовси от занимаемой должности с 26/II с. г., согласно заявлению. Основание: заявление М. С. Вовси и согласие дирекции. Директор Ин-та С. Левит» [5]. А дружеские отношения Зеленина и Вовси остались на всю жизнь [15].

Архивные документы свидетельствуют, что направление основных научных интересов М. С. Вовси в 1920-е годы еще не определилось. Так, в характеристике, подписанной в 1925 г. директором ФТК М. И. Вихертом (в 1924 г. он стал преемником Д. Д. Плетнева, который перешел на кафедру госпитальной терапии) – одним из пионеров нефрологических (по болезням почек) исследований в СССР, указано, что за время пребывания в клинике научные работы Вовси носили как «научно-литературный характер» (обзорные работы о гипертонии и о хроническом нефрите), так и «клинический или экспериментально-клинический характер» (о клинике сулемовых отравлений и о роли печени в обмене аминокислот) [6]. Следовательно, почечная тематика в 1920-е гг. еще не была для М. С. Вовси предметом специальной разработки.

Второй документ, характеризующий направленность научных интересов молодого врача-исследователя, – отчет о его полугодовой научной командировке в Германию (1927). Работая в Берлине, Киле, Франкфурте-на-Майне – в клиниках и лабораториях Г. фон Бергмана и других видных представителей немецкой медицины, он ознакомился с методами изучения водного и минерального обмена, химического состава тканей, определения массы крови; микрофотокапилляроскопией, рентгенодиагностикой патологии кишечника и т. д. Даже в клинике профессора Ф. Фольгарда, европейского авторитета в вопросах почечной патологии, его интересовали только методы выявления нарушений кислотно-основного равновесия. Нет сомнений, болезни почек стали занимать все более видное место в научных интересах М. С. Вовси только с 1930-х гг. и без видимой связи с М. И. Вихертом.

С 1931 г. М. С. Вовси недолго заведовал 2-м терапевтическим отделением Басманной больницы. В 1934 г. он перешел на заведование терапевтическим отделением крупнейшей в Москве Боткинской (Солдатенковской) больницы. Именно на базе 11-го корпуса этой больницы в 1935 г. была создана третья (наряду с кафедрами Р. А. Лурии и Д. Д. Плетнева) кафедра терапии ЦИУ врачей, и доцент М. С. Вовси был утвержден руководителем кафедры. После защиты докторской диссертации и утверждения в звании профессора (1936) он был повторно, уже по конкурсу избран

заведующим этой кафедрой (№3, затем №2, в итоге №1) и руководил ею до конца своей жизни. Сначала у него было всего 4 сотрудника – всю педагогическую и лечебную работу выполняли ординаторы 11-го корпуса Боткинской больницы. В 1937 г. к нему перешли преподаватели с ликвидированной кафедры Плетнева (с базой в МОКИ) – доценты А.З.Чернов и Г.Ф.Благман, ассистенты А.Л.Шляхман, С.Г.Вайсбейн, В.Е.Фрадкина и др. На кафедре совершенствовались методы преподавания: семинарские занятия чередовались с учебными обходами, лекции – с разборами больных в аудитории, были введены занятия по электрокардиографии, рентгенодиагностике, лабораторному делу.

Военные терапевты М.С.Вовси и Б.Е.Вотчал на фронтах Великой Отечественной войны Когда началась Великая Отечественная война, беспартийный сорокачетырехлетний профессор М.С.Вовси был назначен главным терапевтом Красной армии (август 1941 г.) [11]. Генерал-майор медицинской службы (1943) Вовси стал одним из создателей отечественной военно-полевой терапии. Он участвовал в разработке и внедрении системы терапевтических мероприятий в войсках, изучал особенности заболеваний у военнослужащих в действующей армии; под его руководством и при его непосредственном участии создавались указания Главного военно-санитарного управления по лечению в условиях военного времени крупозной пневмонии, острого нефрита, ревматизма и других заболеваний; проводились фронтовые и армейские научные конференции военных врачей-терапевтов; им была подробно описана клиника огнестрельных ранений легких. Созданная в годы войны система организации терапевтической помощи обеспечила ее квалифицированное оказание в тыловых районах и полностью себя оправдала: 90,6% больных возвратилось в строй, увольнение не превышало 7%, небольшой была летальность [16, с. 12]. Главным терапевтом Красной (затем – Советской) армии М.С.Вовси оставался до 1950 г.

Ровесник Вовси полковник Б.Е.Вотчал был начальником военно-санитарного поезда, затем – главным терапевтом Волховского фронта, став, таким образом, одним из помощников Вовси. Биография Вотчала загадочна и в то же время отмечена типичными метами времени. Если верить официальным его жизнеописаниям, Борис Евгеньевич Вотчал родился в Киеве в 1895 г. (так почти до конца XX века утверждалось во всех источниках, включая энциклопедические, на русском и украинском языках), в профессорской семье потомственного дворянина, извест-

ного ботаника Е.Ф.Вотчала. Эти «канонические» сведения полностью опровергаются документами Государственного архива г. Киева². В архивном студенческом деле Б.Вотчала приведено метрическое свидетельство, в котором указано: «Покровская церковь Ново-Александрия Люблинской губернии. 1897 год. 28 мая родился, а 22 июня крещен Борис. Родители его: адъюнкт-профессор Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства Евгений Филиппович Вотчал и его законная жена Евгения Осиповна, оба православного вероисповедания». В том же студенческом деле приведен и формулярный список Е.Ф.Вотчала: в нем, а также в аттестате зрелости Б.Вотчала сведения те же. Следовательно, Б.Е.Вотчал родился 28 мая 1897 г. в Российской империи, в Ново-Александрии (уездный центр; 8 тысяч жителей, с польско-еврейским составом населения) Люблинской губернии Царства Польского (ныне город Пулавы в Польше). Кафедру ботаники в Киеве, в Политехническом институте имени императора Александра II, его отец Е.Ф.Вотчал получил в 1897 г., после чего семья жила в Киеве. Чем можно объяснить такую неувязку? Мы полагаем, что только сознательным нежеланием Б.Е.Вотчала раскрывать подробности своего происхождения и событий первых десятилетий своей жизни.

Официальная биография утверждает, что Борис Вотчал, окончив 1-ю классическую гимназию, в 1915 г. поступил на медицинский факультет Университета св.Владимира, окончил его в 1918 г., служил врачом в Красной армии, а затем проходил ординатуру в клинике Ф.Г.Яновского. Но удалось найти всего два сохранившихся архивных документа, относящихся к периоду его обучения медицине: его прошение на имя ректора университета от 20.6.1915 г. о зачислении его на медицинский факультет и заявление от 22.5.1919 г. с просьбой подтвердить его «состояние действительного студента с 1915 г.». В 1995 г. появилось первое убедительное разъяснение: его сестра Вера Евгеньевна Вотчал-Словачевская, хирург Боткинской больницы, сообщила, что во время Гражданской войны ее брат, недоучившийся студент медфака, был зачислен в Вооруженные силы Юга России, после разгрома Белой армии оказался в Крыму, был захвачен красными в плен, ему грозил расстрел [21]. Можно догадаться, что только его согласие на переход к красным в качестве зауряд-врача спасло ему жизнь. Затем он действительно служил в Красной армии, а после демобилизации работал экстерном (без зарплаты) у Ф.Г.Яновского (1922–1924) и продемонстрировал ему свои блестящие научные способности. Но получить врачебный диплом в Киеве он не мог – крым-

² Установлено проф. К.К.Васильевым.

ский эпизод дамокловым мечом висел над всей его дальнейшей жизнью. По ходатайству профессора Яновского (это одна версия) либо по просьбе Е. Ф. Вотчала, который устроил домашний прием для приехавших в Киев немецких профессоров и наркома здравоохранения Н. А. Семашко, прибывшего на встречу с ними с целью укрепления русско-немецких научно-медицинских связей (другая версия), удалось получить согласие наркома на научную командировку Б. Е. Вотчала в Германию, где он стажировался (1924–1927) в клиниках Л. Брауэра (пульмонолог) и Г. Шоттмюллера (правильнее Хуго Шоттмюллер; терапевт и бактериолог) и получил в Гамбурге врачебный диплом (1925).

Как и М. С. Вовси, Б. Е. Вотчал прошел школу совместной работы с Д. Д. Плетневым. С конца 1920-х годов он жил в Москве, работал под руководством М. И. Певзнера в отделении диететики и болезней органов пищеварения Центрального института курортологии. С созданием ЦИУ врачей (1930) он перешел в институт ассистентом на кафедру терапии, которой заведовал Р. А. Лурия, но проработал там, вопреки утверждениям официальной литературы, недолго: перешел в Московский областной клинический институт (МОКИ), терапевтическим отделением которого стал заведовать уволенный из Московского университета Д. Д. Плетнев. По свидетельству В. П. Жмуркина, ученика Вотчала, учитель рассказывал, что, узнав о возможности поработать у Плетнева, он помчался в МОКИ в такой спешке, что перепутал в своем заявлении название учреждения, где хотел бы работать³. Вотчал работал у Плетнева с 1932 г. последовательно врачом-диетологом, старшим научным сотрудником, а в 1933 г. был переведен доцентом в штат базировавшейся в МОКИ кафедры терапии №2 ЦИУ врачей. Так что он был доцентом в ЦИУ врачей до 1938 г. не на первой (у Лурии, как написано во всех источниках до второй половины 1990-х годов), а на второй кафедре терапии (у Плетнева). В 1937 г. Дмитрий Дмитриевич Плетнев был всенародно ошеломлен как «профессор–садист» на уголовном (по сути – политическом) процессе, в 1938 г. приговорен на знаменитом «бухаринском процессе» к тюремному заключению сроком 25 лет, в 1941 г. расстрелян. Б. Е. Вотчал в 1939 г. «скрылся» в московской терапевтической клинике ВИЭМ, у М. П. Кончаловского, в качестве старшего научного сотрудника.

Детектив «Загадки биографии Вотчала» на этом не заканчивается. Главный терапевт Волховского фронта Б. Е. Вотчал был в поездке, при нем была сумка, в которой находился и документ с грифом секретно-

³ *Запись беседы с доктором медицинских наук В. П. Жмуркиным в личном архиве В. И. Бородулина.*

сти. Под минометным обстрелом сумку отбросило в болото. По возвращении он доложил об обстоятельствах, при которых потерял сумку. То было время, когда Красная армия отступала, а военные трибуналы свирепствовали. Его дело было передано в военный трибунал, и 30 апреля 1942 г. он был приговорен к семи годам исправительно-трудовых лагерей. Главный хирург Волховского фронта А.А.Вишневский считал такой приговор перестраховочным; при поддержке М.С.Вовси он добился пересмотра приговора. Открытое повторное заседание военного трибунала состоялось 7 февраля 1943 г. и постановило: «Вотчала Бориса Евгеньевича от отбытия меры наказания... полностью освободить и возбудить ходатайство перед Военным Советом Волховского фронта о снятии с него судимости». На Волховский фронт он вернулся после многомесячного лагерного «отдыха» с минимальным понижением в должности – главным терапевтом 59-й армии – и уже через полгода был награжден орденом Отечественной войны II степени [23]. В 1944 г. он был переведен в Москву на лечебно-педагогическую работу.

В конце 1944 г. была создана дочерняя по отношению к кафедре терапии ЦИУ врачей кафедра клинической и военно-полевой терапии Военного факультета ЦИУ врачей, просуществовавшая 7 лет (на той же базе в Боткинской больнице); обеими кафедрами руководил М.С.Вовси. На кафедре терапии (в послевоенное время – кафедра терапии №1) работали профессор И.С.Шницер, доценты Г.Ф.Благман, Н.П.Рабинович, ассистенты М.И.Шевлягина, В.Е.Фрадкина, С.Г.Вайсбейн, А.Л.Шляхман, Н.С.Берлянд и др. Заместителем начальника кафедры военно-полевой терапии был Б.Е.Вотчал, старшим преподавателем – А.З.Чернов, преподавателями работали Е.В.Пославский, М.И.Дорохова и Г.П.Шульцев, были и вольнонаемные преподаватели.

Трудный путь М.С.Вовси в академики

Академия медицинских наук (АМН) СССР была создана в 1944 г., когда еще продолжалась Великая Отечественная война. Первый состав академиков не выбирали – их назначали после тщательной, в течение многих месяцев, проработки списка кандидатов в партийно-государственном аппарате. Кандидатуры М.С.Вовси и Б.Е.Вотчала не обсуждались. В дальнейших выборах в АМН главный терапевт Красной Армии активно участвовал, опираясь на весомую поддержку Главного военно-медицинского управления (ГВМУ) Вооруженных сил СССР, но его кандидатура встречала ожесточенное сопротивление действительного члена

АМН и очень влиятельного хирурга С.С.Юдина, который не скрывал антисемитской подоплеки своих возражений. Только в 1948 г. М.С.Вовси был избран академиком АМН СССР «как выдающийся клиницист-терапевт и как один из крупнейших организаторов военно-полевой терапии» [7]. Ко времени очередной сессии Общего собрания академии, выбиравшего новых действительных членов, Юдин уже был арестован, а «патрон» М.С.Вовси – начальник ГВМУ генерал-полковник Е.И.Смирнов уже был назначен министром здравоохранения СССР [14]. Нам не дано знать, стал ли бы (и когда?) без этой высокой поддержки профессор Вовси академиком...

В научном творчестве М.С.Вовси, терапевта широкого профиля, который интересовался самыми различными проблемами клиники внутренних болезней (от патологии легких и печени до векторного анализа в электрокардиографии), ведущими были труды по проблемам болезней почек (начиная с докторской диссертации на тему «Острый нефрит»), грудной жабы и инфаркта миокарда и по военно-полевой терапии. Среди его научных трудов военного времени – «Некоторые вопросы военно-полевой терапии» (1941); «Организация и принципы терапевтической помощи в тыловых эвакуогоспиталях» (1942); «Нефриты военного времени» (1943); «Об особенностях клинической патологии в период войны» (1944); «С.П.Боткин как терапевт госпиталей русской армии: к истории военно-полевой терапии» (1944). На XIII Всесоюзном съезде терапевтов в 1947 г. М.С.Вовси обобщил опыт работы советских врачей в программном докладе «Внутренняя медицина в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и показал, что оформившееся в годы войны учение об изменениях внутренних органов у раненых стало новой главой внутренней медицины. Он был также редактором отдела «Терапия» в многотомном издании «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После смерти в 1948 г. в Ленинграде академика Г.Ф.Ланга Вовси стал его преемником как редактор «Клинической медицины» – одного их самых известных советских медицинских журналов. Редакторами этого журнала традиционно были знаменитые терапевты Д.Д.Плетнев, Г.Ф.Ланг, а после Вовси В.Х.Василенко, Ф.И.Комаров.

Магистральные направления исследований М.С.Вовси в послевоенные годы – проблемы болезней почек, стенокардии и инфаркта миокарда. Имя М.С.Вовси занимает заметное место на страницах истории медицины, посвященных развитию учения о болезнях почек в первой половине и середине XX в. (на этой основе с 60-х годов XX в. формировалась в СССР нефрология во главе с Е.М.Тареевым) наряду с име-

нами М.И.Вихерта, С.С.Зимницкого, Г.Ю.Явейна, Ф.Г.Яновского. Еще в 1940 г. им был написан раздел «Болезни почек» в «Руководстве по внутренним болезням» (под редакцией Г.Ф.Ланга); в 1960 г. эти материалы были переизданы под названием «Болезни системы мочевыделения». Его монография «Острый нефрит» (1946) основывалась на анализе 400 клинических случаев и рассматривала вопросы этиологии, патогенеза, клинической картины, лечения и профилактики этого заболевания. В соавторстве с Г.Ф.Благманом он опубликовал монографию «Нефриты и нефрозы» (1955). М.С.Вовси видел перспективы появившегося в Европе гемодиализа и оказывал содействие Г.П.Кулакову – одному из пионеров гемодиализа в нашей стране. Монографии и периодика, материалы съездов и конференций терапевтов [20], суждения современников свидетельствуют, что к концу 1950-х гг. М.С.Вовси и Е.М.Тареев были признанными лидерами советских терапевтов в вопросах патологии почек.

Исследования клиники М.С.Вовси по вопросам патогенеза, вариантов течения, диагностики и терапии грудной жабы и инфаркта миокарда были отмечены функциональным клинико-экспериментальным подходом, с использованием биохимических и инструментальных методик, вошедших в клинику к середине XX в. Накопленный клинический материал (1500 больных стенокардией и почти 1000 пациентов с острым инфарктом миокарда) был положен в основу программного доклада М.С.Вовси XIV съезду терапевтов (1956). В этом докладе была дана и четкая характеристика промежуточных форм коронарной болезни сердца (по современной терминологии – нестабильная стенокардия и не Q-образующий инфаркт миокарда). В 1961 г. посмертно были опубликованы его «Клинические лекции (болезни сердца и сосудов)», которые, к сожалению, лишь частично доносят до нас мастерство Вовсилектора. Работы М.С.Вовси в области сердечно-сосудистой патологии позволяют считать его одним из видных представителей кардиологической школы Д.Д.Плетнева.

Лектором М.С.Вовси был исключительным, в совершенстве владел искусством отбирать и упрощать материал для лекции, чтобы все было понятно всем, сохраняя при этом глубину обсуждаемого предмета. Подробно беседуя с больным во время клинического обхода или разбора, он неизменно ободрял и успокаивал пациента. У него был редкий дар не терять «ариаднину нить» в лабиринте противоречивых клинических фактов, обобщать выявленные симптомы и в доступной аудитории форме выстраивать безупречно логичные диагностические заключения, что делало его лекции и разборы больных, а также заключающие выступ-

ления на консилиумах незабываемыми для слушателей и участников. Свой опыт преподавателя М.С.Вовси обобщил на конференции терапевтов в 1959 г. в программном докладе «Совершенствование врачей-терапевтов».

Диагнозы он ставил простые, логичные и точные, в сложных случаях сначала выделял ту часть диагноза, которая не вызывала сомнений, а затем обсуждал спорную его часть; сложных комбинаций лекарств не любил и был противником полипрагмазии. Л.М.Вовси вспоминала: «...у него существовало понятие – хороший доктор. Это мог быть академик, профессор, молодой ординатор, студент-практикант. Хороший доктор – это было главное определение качества врача. Но и он сам, по-видимому, полностью укладывался в это определение. Он замечательно умел войти в контакт с любым больным, понять его страдания, его боль. Когда я ему как-то сказала, почему знакомый так тебя мучает, у него болит палец, а у тебя столько больных с инфарктами, инсультами? Папа сказал: "Ты не понимаешь, у него болит его палец"». Он и сам осознавал свое призвание, да несомненно, и был прежде всего врачом-лечебником, а потом уже лектором, исследователем, генералом. Когда в богатой врачебными талантами Москве говорили о самых лучших врачах, всегда называли имя Вовси, наряду с В.Х.Василенко, И.А.Кассирским (а если речь шла о самых ярких ученых, представлявших это поколение терапевтической элиты и определявших движение научной терапевтической мысли, фигурировали обычно Е.М.Тареев, А.Л.Мяников, И.А.Кассирский).

Коллеги и все, кому приходилось общаться с М.С.Вовси, отмечали его приветливость, доброжелательность, интеллигентную мягкую манеру поведения (понятно при этом, что генерал, который создавал терапевтическую службу Красной Армии и долгое время успешно ею руководил, не мог быть мягким человеком). Мирон Семенович любил театр, музыку, прекрасно понимал живопись и «урывал время» для культурного отдыха и «личной жизни» у лечебной работы, которая заполняла все его дни.

Дело кремлевских врачей

В начале 1950-х годов в обстановке апофеоза государственной политики антисемитизма в СССР органы госбезопасности стали раскрывать знаменитое «дело врачей». Широко известный терапевт, консультант Лечсанупра и лечащий врач видных советских военачальников, не только еврей, но к тому же – двоюродный брат трагически погибшего (уби-

того сотрудниками КГБ) председателя Еврейского антифашистского комитета С.М.Михоэлса (настоящая фамилия – Вовси), генерал и академик М.С.Вовси оказался идеальной кандидатурой, чтобы поставить его во главе сфабрикованного списка «убийц в белых халатах». 13 января 1953 г. в «Правде» было опубликовано сообщение ТАСС об аресте группы врачей-вредителей: «Некоторое время тому назад органами госбезопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза. В числе участников этой террористической группы оказались проф. Вовси М.С. ...Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву "об истреблении руководящих кадров СССР" из США от организации Джойнт через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса...». Арестованный М.С.Вовси уже на следующий день (вместе с В.Н.Виноградовым и А.М.Гринштейном) постановлением президиума был исключен из списка действительных членов АМН СССР как враг народа [8].



М.С.Вовси 1953 г.

После смерти Сталина, в ночь с 3 на 4 апреля 1953 г., М.С.Вовси вместе с другими участниками дела врачей был освобожден из тюрьмы

и доставлен домой, с кроваво-синюшными следами на руках и на ногах от тяжелых наручников и кандалов. На следующий после освобождения день он приступил к работе и прочитал лекцию слушателям ЦИУ врачей. Полностью реабилитированный, 10 апреля 1953 г. он вновь (как и другие «враги народа»-академики) стал действительным членом АМН СССР [9].

Когда в Боткинскую больницу вернули огромный архив арестованного по «делу врачей» заведующего больничным отделом медицинской статистики Н.Б.Рабиновича, среди его материалов как бы случайно «затесался» документ ужасающей «убойной силы» – донос на М.С.Вовси: его подписал Б.Е.Вотчал. Сотрудников больницы этот документ привел в шоковое состояние⁴. Один из старых и очень уважаемых ассистентов Вотчала Н.А.Долгопоск в кабинете шефа потребовал у него объяснений, и тот кричал: «А что я мог поделать под дулом пистолета!». Эта печальная история объясняет нам уникальный в практике подготовки выборов академиков и членов-корреспондентов АМН СССР случай: при выборах в 1953 г. очевидный кандидат Б.Е.Вотчал взял самоотвод (заявление профессора Б.Е.Вотчала на имя директора ЦИУ врачей В.П.Лебедевой от 4.11.1953 г.) [10]. Понятно, что такой невиданный пересмотр собственных амбиций легче всего объяснить позицией М.С.Вовси; только после его смерти Вотчал мог вернуться к предвыборной борьбе за место в академии. Именно тайные головокружительные сюжеты в биографии Вотчала объясняют нам столь запоздалое его вхождение в состав терапевтической элиты: к середине шестидесятых годов XX столетия (время избрания его в состав академии) его сверстники Василенко, Вовси, Мясликов, Нестеров, Тареев давно были на руководящих позициях в научном сообществе терапевтов.

Не приходится сомневаться: такая взрывная, как у Бориса Евгеньевича, жизнь – словно разведчика в тылу врага – могла существенно сказаться на формировании его представлений о том, что дозволено, а что – нет в обществе с «двойной моралью». Человек высокого ума и редких талантов, блестяще образованный, вполне доброжелательный и даже обаятельный, он считал для себя излишними жесткие нравственные требования, характерные для его первого учителя – «святого доктора» Ф.Г.Яновского. Вероятно, ему была ближе свобода в вопросах морали,

⁴ Об этом скандале рассказывали В.И.Бородулину член-корр. АМН СССР, заведующий кафедрой ЦИУ врачей Г.П.Кулаков, ассистенты кафедры Вотчала – Л.А.Каневский и кафедры Вовси – Т.Н.Герчикова. Личный архив В.И.Бородулина.

характерная для его второго учителя – Д. Д. Плетнева. И разве только для Плетнева, Вотчала? Конечно, нет.

Мудрый человек, Мирон Семенович принимал жизнь такой, какая она есть, и не следовал жестким принципам. Я. Л. Рапопорт в разговоре с В. Д. Тополянским вспоминал, как однажды в сердцах сказал о неблаговидном поступке коллеги: «Но это же просто стыдно!» А Мирон Семенович ответил назидательным афоризмом: «В наше время ничего не стыдно»... Поработавший под руководством Вовси профессор И. С. Шницер вспоминал, что не было ни одного случая, когда бы академик кому-нибудь отказал в какой-либо просьбе, и добавлял, что не припомнит и случаев, когда бы он что-нибудь действительно сделал для того, чтобы просьба была выполнена. Многие близко знавшие Мирона Семеновича коллеги понимали, что это было принципом его поведения, не мешавшим ему оставаться хорошим, милым и очень доброжелательным человеком.

Вторая половина XX века вошла в историю клиники внутренних болезней в России как финальный этап классической медицины, на знамени которой красовалась «Клятва Гиппократа» [12]. Советская медицина подчеркивала с официальных трибун верность (в большой мере чисто декларативную) принципам гуманизма как важнейшей основы врачебной профессии, разрабатывала современный вариант «Присяги советского врача» (1971), вводила в учебные программы медицинских вузов курс врачебной этики. Под мощным напором министра здравоохранения (1965–1980) академика Б. В. Петровского громогласно осуждалось «аморальное поведение» (например, коллеги, принявшего корзину фруктов и винных бутылок от благодарного пациента из Средней Азии). То были времена господства «двойной морали», и выдающиеся хирурги и столь же пламенные борцы за высокую нравственность советского врача академики Б. В. Петровский и Ф. Г. Углов в своей личной жизни никогда не считались со строгими ограничениями, накладываемыми официальной моралью. Соответственно, все лидеры советских врачебных элит, за немногими исключениями, говорили публично одно, подразумевали другое, даже если в самой глубине души считали третье.

Научные терапевтические школы М. С. Вовси и Б. Е. Вотчала: быть и небыть

Врачебные и научные взгляды М. С. Вовси развивали его многочисленные ученики. Кроме упомянутых выше сотрудников кафедр

и клиники, можно назвать и уролога-нефролога члена-корреспондента

АМН СССР Г.П.Кулакова: пионер гемодиализа в Москве, он подчеркивал, что работал на стыке урологии и терапии, и называл своими учителями выдающегося уролога А.П.Фрумкина и М.С.Вовси. И все же нет достаточных научных оснований говорить о школе Вовси: нет (в отличие, например, от Кассирского или Мясникова, Нестерова или Тареева) ни единого творческого почерка, характерного именно для этой школы, ни развернутого плана исследований, объединяющего несколько поколений учеников. Создание собственной научной школы он не ставил себе важной жизненной целью и целеустремленной деятельности в этом направлении не вел – в силу не только своей занятости, но и своего отношения к жизни в целом (в реалиях советской действительности).

Совсем другая картина со школой Вотчала. В 1960-х годах на кафедре терапии №2 ЦИУ врачей под его руководством формировалась очень яркая научная школа: Н.А.Магазаник, В.П.Жмуркин, М.Г.Слущкий и др. Она развивала три ведущих направления научного творчества учителя. Во второй половине 1930-х годов он провел цикл исследований венозного тонуса, а затем и периферического кровообращения в целом; можно полагать, что здесь сказалось кардиологическое направление работ клиники Д.Д.Плетнева. Результаты этих исследований были обобщены в докторской диссертации (завершена и защищена в клинике ВИЭМ у М.П.Кончаловского) и в публикациях Б.Е.Вотчала [19].

Второе направление исследований – клиническая физиология (биомеханика дыхания) и патология (патогенез, лечение, классификация хронических неспецифических заболеваний легких, ХНЗЛ) органов дыхания – принесло ему мировое признание и вывело его на роль лидера отечественной пульмонологии как самостоятельного научно-учебного направления в клинике внутренних болезней. Он был и организатором одного из первых пульмонологических отделений в городских больницах страны. На его кафедре активно готовили кадры врачей-пульмонологов. Его исследования были отмечены особой методической изощренностью. В течение четверти века он играл руководящую роль в создании новой медицинской техники в стране. Изучая механизмы легочной вентиляции, он первым описал клапанный механизм бронхиальной обструкции (1947). Он выявил диагностические возможности форсированной спирометрии, сконструировал первые отечественные модели плетизмографа и пневмотахометра. Функциональную пробу для оценки трахеобронхиальной проходимости и сегодня называют пробой Вотчала – Тиффно.

Третье направление – изучение возможностей и обоснование принципов лекарственной терапии у постели больного. Эта тематика занимала

его с конца 1920-х годов; исследования завершились выпуском классического руководства (точнее, лекций Б.Е. Вотчала – выдающегося образца пособия по формированию клинического мышления врача, кладезя афоризмов, парадоксов, мудрых суждений выдающегося клинициста) [18]; он стал общепризнанным основоположником (наряду с И.А. Кассирским) клинической фармакологии как новой клинической научно-учебной дисциплины в СССР.

Биографы насчитывают около 250 научных работ Б.Е. Вотчала; у него 11 авторских свидетельств на изобретения. Под его руководством защищено 60 диссертаций на звание кандидата или доктора медицинских либо технических наук. Среди них – докторские диссертации А.С. Белоусова, Г.Л. Левина и М.Г. Соловья по проблемам гастроэнтерологии; однако здесь работали вполне самостоятельные исследователи, и нет достаточных оснований включать их в школу Вотчала. К сожалению, после его смерти формирование этой перспективной школы оборвалось; никто из учеников Вотчала не вошел в терапевтическую элиту.

М.С. Вовси и Б.Е. Вотчал в звездной терапевтической элите 50–60-х годов XX века

В середине XX века в московской врачебной элите конкуренция лидеров была высочайшей: столица активно «всасывала» лучших специалистов, в том числе и клиницистов, со всех концов Советского Союза, чему способствовала целенаправленная политика государства. Достаточно вспомнить, что терапевтические кафедры в московских медицинских вузах одновременно занимали академики В.Х. Василенко, В.Н. Виноградов, А.Л. Мясников и Е.М. Тареев (1-й ММИ им. И.М. Сеченова), П.Е. Лукомский и А.И. Нестеров (2-й ММИ им. Н.И. Пирогова), М.С. Вовси, Б.Е. Вотчал и И.А. Кассирский (ЦИУ врачей). Но и при такой высочайшей конкуренции и Вовси (в 1950-е), и Вотчал (в 1960-е годы) были очень заметны.

Виртуоз врачебного диагностического мастерства М.С. Вовси был одним из самых популярных врачей Москвы. Ему сопутствовала и слава лучшего лектора в клинике внутренних болезней. Когда его хоронили, директор Института терапии АМН СССР А.Л. Мясников высказал вслух то, что было на устах у всех: «Он был самый умный из нас». В свою очередь, Б.Е. Вотчал, наряду с Е.М. Тареевым и И.А. Кассирским, был международно признанным врачом – естествоиспытателем, энциклопедистом, а также изобретателем, специалистом в области медицинской

техники; все, кто с ними общался, ощущали их высокую культуру и интеллектуальную мощь.

Последнее десятилетие жизни М.С.Вовси было омрачено еще одним тяжелым испытанием – в результате мучительной смертельной болезни он потерял ногу. Несмотря на болезнь, до конца апреля 1960 г. он еще ездил в клинику, читал лекции, разбирал сложные диагностические случаи. Свидетельство его мудрости и исключительного мужества оставил нам Я.Л.Рапопорт: «Спустя 6 лет после освобождения, которые он провел в заслуженном почете крупного ученого, замечательного врача и сердечного человека, у него развилась саркома ноги, потребовавшая ее ампутации (он вскоре после этого умер). Я навестил его на следующие (или вторые) сутки после операции. Он был в слегка возбужденном эйфорическом состоянии и сказал мне: "Разве можно сравнить мое теперешнее состояние с тем, которое было тогда? Теперь я потерял только ногу, но остался человеком, а там я перестал быть человеком"» [22, с. 125].

Эпилог

Находясь после операции в санатории в Волынском, М.С.Вовси диктовал Т.Н.Герчиковой свою книгу «Болезни системы мочеотделения», изданную посмертно. И конечно, он продолжал лечить, консультировать. Последний месяц смертельно больной Мирон Семенович провел в своем кабинете в Боткинской больнице; в ночь с 5 на 6 июня 1960 г. его не стало. Он похоронен на Донском кладбище. Борис Евгеньевич прожил еще одно десятилетие. Последний свой год и он тяжело болел: у него обнаружили рак пищевода, он проходил лучевую терапию, но до последних дней жизни продолжал читать лекции и интересоваться ходом научных исследований сотрудников. Похоронен на Новодевичьем кладбище. В том же 1971 г. и тоже от рака пищевода скончался академик Иосиф Абрамович Кассирский: московская терапевтическая элита потеряла самых ярких своих представителей. А в благодарной памяти потомков запечатлелось, что среди лидеров той блистательной терапевтической элиты именно Е.М.Тареев, И.А.Кассирский, Б.Е.Вотчал олицетворяли собой тип врача-естествоиспытателя, энциклопедиста, свободно ориентирующегося в новейших открытиях естествознания и техники, использующего эти достижения в собственном научном творчестве.

Библиографический список

1. Архив РАМН. Ф.Р-6742 (ВИЭМ). Оп.2. Д.81. Л.310.
2. Rahvusarhiiv. Дела ЕАА.402.1.5035 и ЕАА.402.1.5036.
3. ЦАГМ. Ф.1609. Оп.1. Д.578. Л.74.
4. ЦАГМ. Ф.1609. Оп.1. Д.992. Л.1–10.
5. Архив РАМН. Ф.2 (ВИЭМ). Оп.2. Д.81. Л.310, 320, 338.
6. Архив РАМН. Ф.2 (ВИЭМ). Оп.2. Д.81. Л.328.
7. Архив РАМН. Ф.9120. Оп.8/2. Д.31. Л.38.
8. Архив РАМН. Ф.9120. Оп.8/2. Д.31. Л.45.
9. Архив РАМН. Ф.9120. Оп.8/2. Д.55.
10. Архив РМАНПО. Ф.Р-3566. Оп.3. Ед. хр.882.
11. Алексанян И.В., Шульцев Г.П., Кнопов М.Ш. Выдающийся ученый, терапевт и педагог (к 90-летию со дня рождения М.С.Вовси) // Клиническая медицина. 1987. №9. С.128–129.
12. Бородулин В.И., Альбицкий В.Ю. Реквием по медицине Гиппократов, или Клиника XX века как заключительный этап классической медицины в России (на модели терапевтической и педиатрической клиник) // Вопросы современной педиатрии. 2022. №21(4). С.315–325.
13. Бородулин В.И., Глянцев С.П., Сточик А.А. Страница истории советской клинической медицины: создание АМН СССР и организационное оформление терапевтической элиты (1944–1948) // История медицины. 2019. №6(3). С.197–205.
14. Бородулин В.И., Зеленин А.В. Владимир Филиппович Зеленин: время и жизнь. М.: МЕДпресс-информ, 2012. С.140–141.
15. Внутренние болезни. Военно-полевая терапия / Под ред. А.Л.Ракова, А.Е.Сосюкина. СПб, 2003.
16. Вовси Л.М. Воспоминания // URL: <http://lifshits.org/1953-LV.doc> (дата обращения 26.11.2022).
17. Вотчал Б.Е. Очерки клинической фармакологии. 2-е изд. М.: Медицина, 1965. 491 с.
18. Вотчал Б.Е. Периферическое кровообращение, его изменения при некоторых патологических состояниях под влиянием терапевтических агентов, а также новые пути его изучения. Дисс. докт. М., 1941. 109 с.
19. Гукасян А.Г. Эволюция отечественной терапевтической мысли (по материалам съездов и конференций терапевтов). М.: Медицина, 1973. 368 с.
20. Карпиловский Л. России славный сын. К столетию со дня рождения профессора Б.Е.Вотчала // Медицинская газета. 1995. 1 ноября.
21. Рапопорт Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М.: Книга, 1988. 270 с.
22. Сточик А.М., Жмуркин В.П., Пантелеева Е.Ю. Роль А.А.Вишневого в преодолении трудных этапов жизненного пути Б.Е.Вотчала // Медицинская профессура СССР. Материалы международной конференции. М.: Шико, 2008. С.212–214.

Мало что-то изобрести –
нужно ещё, чтобы кто-нибудь
оценил изобретение и хотя бы
украл его.

Кароль Ижиковский

Неизвестно, что человек ещё
выдумает: голова круглая.

Хенрик Ягодзиньский





Евгения Лупанова

«КАК ПРОЧЕН И ХОРОШ ВАШ МЕХАНИЗМ ОТКРЫТЫЙ...»

ЧАСЫ С ОКОШКАМИ ДЛЯ
НАБЛЮДЕНИЯ РАБОТЫ МЕХАНИЗМА
В СОБРАНИИ МУЗЕЯ ЛОМОНОСОВА
МАЭ (КУНСТКАМЕРА) РАН

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК

069(01)+93

На современном рынке представлен широкий выбор часов с прозрачной задней крышкой и «скелетонов», лицевая сторона которых позволяет наблюдать за работой механизма. В музейных собраниях сохранились довольно многочисленные примеры часов XVII–первой половины XVIII в. с окошками, через которые можно видеть механизм. В статье подробно рассмотрены пять часов из коллекции Музея Ломоносова в составе МАЭ (Кунсткамера) РАН. Экспонирование подобных предметов и выверенный с исторической точки зрения рассказ об их истории может быть удачным ходом музейного маркетинга в современных условиях.

Modern market presents a wide choice of watches and clocks with clear back lid and front cover (“skeletons”). There are quite numerous examples of clocks of the 17–18th centuries with special windows for observing the work of mechanism. Five clocks of this type from the Lomonosov’s museum MAE (Kunstkamera) RAS are under consideration in the article. Exhibiting them with reliable historical information can be successful in modern complicated conditions of competition for visitors’ attention.

Ключевые слова: часы; наблюдение работы механизма; продвижение товара; статусный предмет; музейный маркетинг; история и современность.

Key words: clock; watch; watching work of mechanism; promotion; status object; museum marketing; history and modernity.

E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

Повсеместное распространение универсальных гаджетов выводит из употребления целый ряд предметов, казавшихся необходимыми еще 20–30 лет назад. Нет необходимости носить с собой отдельно часы, записную книжку, калькулятор, деньги и проездной билет. Специальные программы заменяют собой особые приспособления и толстые справочники – они используются для решения специфических задач, таких, например, как определение названия растения или настройка музыкального инструмента. Удобство и точность мобильных приложений почти не оставляют места в будущем массивным фолиантам и камертонам. Такие предметы на наших глазах превращаются из функциональных в антуражные и символические, призванные придать обладателю особую индивидуальность, подчеркнуть его связь с сообществом единомышленников или профессионалов.

В этих условиях часы находятя в значительно более выигрышных условиях по сравнению с компасами и метрономами. Аксессуар не выходит из моды в век, когда люди все чаще определяют время, глядя на экран телефона. Некоторые любители собирают у себя разные часы – каждый предназначен для использования в соответствующих условиях или в качестве дополнения к тому или иному гардеробу. Но в сфере часового производства от производителей требуется изрядная доля творчества для того, чтобы товар продолжал находить спрос. Новые технические решения, необычное оформление и маркетинговые ходы должны способствовать сохранению товара в числе желанных приобретений.

Одним из доказавших свою эффективность вариантов такого воздействия на потребителя является демонстрация работы механизма. Часы с прозрачными корпусами и крышками привлекают к себе особое внимание как человека, впервые увидевшего такой предмет, так и уже искушенного ценителя, вписывающего каждый новый опыт в имеющийся багаж знаний и впечатлений. Вниманию покупателей на рынке предлагается широкий спектр «скелетонов» – настенных, настольных, наручных, карманных; от китайского ширпотреба до эксклюзивных моделей. На форумах ценителей часов большинство опытных пользователей высказываются о том, что на протяжении долгого времени им не надоедает любоваться работой механизма через прозрачный корпус. «Выглядят они внушительно и стильно, точно дороже своей цены. Массивные, блестящие (но нет впечатления дешевой китайской побрякушки), производящие впечатление. С костюмом деловым так вообще бомба! Бегающие внутри колесики и шестеренки завораживают, можно надолго залипнуть, наблюдая за ними», – делится впечатлениями счастливый обла-

датель [6]. О наблюдении за работой хоть и устаревшего по нынешним меркам, но тем не менее оригинального устройства, один блогер высказывается: «Такие вот были удивительные механизмы, работой которых можно любоваться вечно. Притягивает не хуже журчащей воды ручья или танца языков пламени над потрескивающими поленьями костра» [2].

Одним из инструментов борьбы за внимание клиента на рынке товаров и услуг является формирование имиджа продукта. В свою очередь, одним из важнейших элементов этого имиджа является история. Если у человека есть желание и время на вдумчивый выбор, то покупая, скажем, чашку, он предварительно интересуется признаками настоящего фарфора, существующими фирмами, отзывами об использовании их продукции. Среди сухих справочных сведений об успехах работы предприятия подробная историческая справка обычно выглядит очень выигрышно – она позволяет надолго задержать внимание случайно заглянувшего на сайт клиента, способствовать формированию образа серьезной организации, знающей, ценящей и продолжающей лучшие традиции, связанной с учеными кругами. Убедительность создаваемого образа при этом намного важнее научной достоверности. Часто создатели бренда сознательно идут на сочинение легенд для формирования требуемого представления [4].

На большинстве сайтов, явно или скрыто рекламирующих часы-скелетоны, можно прочесть, что такие часы появились в 1760 г. и связаны с именем французского королевского мастера А.-Ш.Карона [3; 17;



Современные часы-«скелетоны»

18]. На некоторых других сайтах говорится, что возможность наблюдать за происходящим внутри часов появилась на заре существования механических приборов измерения времени – перед первыми мастерами сначала стояла задача спрятать и обезопасить сложное и хрупкое устройство, а потом – снова показать это чудо современной техники во всей его красе [13; 14].

При высоком интересе к предметам подобного рода удивительно, что до сих пор специалисты

в области истории и музейного дела не представили широкой публике часы, приспособленные для удобного наблюдения за работой механизма, в виде особой выставки, каталога или, как минимум, статьи об этих достойных восхищения приборах. Наша статья призвана хотя бы отчасти заполнить имеющуюся лакуну.

Музей Ломоносова в составе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук хранит хоть и небольшую, но уникальную по своему составу коллекцию научных инструментов XVIII в. В ее состав входят часы, являвшиеся в ломоносовское время не столько предметом повседневности, сколько атрибутом ученых и просвещенных европейских государственных деятелей. Практическое значение измерителей времени пока еще редко заключалось в организации ежедневного распорядка дня (еще в XX в. для этого продолжали широко использоваться небесные светила – солнце и звезды – подсказывавшие в течение столетий нашим предкам время начала работы, обеда, выгона скота, вечерней молитвы и прочих регулярно совершавшихся действий [10; 11; 12]).

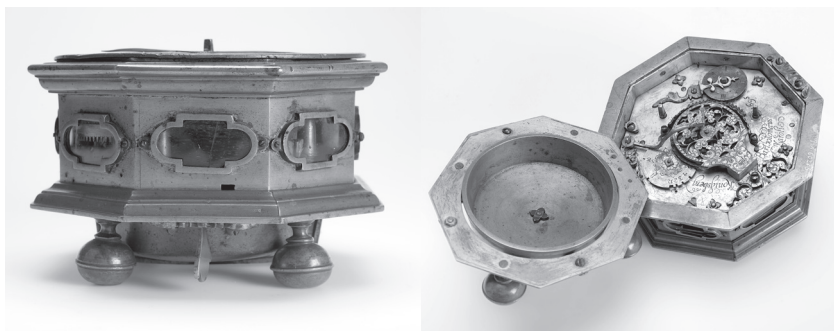
Часы были незаменимым спутником путешественников и картографов. Решение уравнений типа «время – скорость – расстояние» позволяло определить пройденный путь, рассчитать оставшееся расстояние до пункта назначения, определить координаты на местности. Определение координат производилось посредством астрономических наблюдений с использованием специального оборудования, в число которых входили часы. В XVIII в., как и в предыдущие два столетия, это часто были часы солнечные и звездные. Век механических часов наступал очень постепенно. Мастеров, умевших изготавливать эти сложные устройства, было мало; каждый из них дорожил секретом ремесла и старался держать его в тайне; погрешность показаний минута в сутки считалась показателем высокого качества, а при определении координат такая погрешность влекла за собой ошибку величиной в несколько миль. Это было особенно чувствительно и важно в морских путешествиях. Поэтому в области навигации вопрос изготовления качественных хронометров имел жизненно важное значение, причем как на уровне безопасности отдельно взятого корабля, так и на уровне империй, показателем мощности которых был боеспособный военно-морской флот. Изготовление морских хронометров представляло собой особо сложную задачу. Качка исключала возможность использования маятника; перепады температуры и давления, повышенный уровень влажности являлись тяжелым испытанием для хрупких и несовершенных механизмов.

В собрании Музея Ломоносова хранятся трое настольных механических часов конца XVII–XVIII вв., которые могли выдержать эти испытания с большей честью, чем другие приборы того же времени (МАЭ № 7733-1, МЛ-273; МАЭ № 7733-7, МЛ-281; МАЭ № 7733-8, МЛ-282). Такие часы имеют устойчивый шестигранный корпус и горизонтальный циферблат. Они могут быть атрибутированы как относящиеся к типу морских, но едва ли именно эти экземпляры использовались для навигации – все они имеют устройства репетиции (МАЭ № 7733-1, МЛ-273; МАЭ № 7733-7, МЛ-281) или боя (МАЭ № 7733-8, МЛ-282), излишние для навигационных целей, делающие общее устройство более сложным и хрупким. Наличие боя или репетиции оценивалось как важное с практической точки зрения и противопоставлялось излишним развлекательным элементам, попеременно периодами входившим в моду и казавшимся вчерашним днем: «...ныне часов с игрушками почти не делают; но к стенным и столовым часам прибавляют репетицию и будильник, яко вещи нужные, а не для забавы», – можно прочесть в одном популярном издании [9, с.150].

Часы из коллекции Музея Ломоносова имеют подписи мастеров-изготовителей – Эразма Бетцмейера (МАЭ № 7733-7, МЛ-281), рижского часовщика Михаэля Шульца (МАЭ № 7733-8, МЛ-282) и кеннигсбергского Бартоломео Кароли (МАЭ № 7733-1, МЛ-273).

Оформление часов отличается изяществом – они имеют орнаментальное обрамление и фигурные стрелки, притом орнамент нанесен не только на внешние комплектующие, но и на те, которые становятся доступными для осмотра при поднятии нижней крышки. Важно отметить ее наличие на всех трех часах – продуманную и удобную систему открытия того, что в других случаях остается скрытым за внешним декором. Украшение механизмов внутри выглядит даже более затейливым по сравнению с внешним. Создается впечатление, что работа прибора и внешнее оформление, по замыслу мастера, должны заинтриговать, и только затем счастливый обладатель часов может открыть самое интересное и прекрасное – насладиться наблюдением работы внутреннего механизма. Притом приближение к этой тайне должно быть постепенным – между наблюдением за движением стрелок и щелчком нижней крышки предполагался осмотр механизма через специальные боковые окошки, расположенные на каждой из шести граней; их можно видеть на всех трех часах, о которых сейчас идет речь. Это удовольствие должно было быть растянуто во времени – двое из трех часов имеют только

часовую стрелку, кажущуюся неподвижной, ее перемещение становится заметным только при длительном наблюдении.



МЛ-273 Часы работы Б.Кароли из коллекции Музея Ломоносова МАЭ РАН

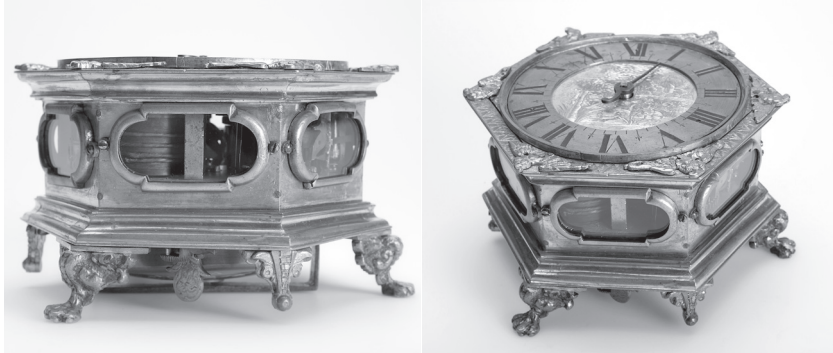


МЛ-273 Часы работы Э.Бетцмейера из коллекции Музея Ломоносова МАЭ РАН



Особое изящество внешнего оформления отличает часы работы М. Шульца. Их ножки выполнены в форме львиных лап, на центральной части выгравирована жанровая сценка: на фоне утопающего в зелени городка изображен охотник на коне, впереди него бежит собака. Но нельзя выделить из трех рассматриваемых часы с наиболее изощренным внутренним оформлением – здесь каждый мастер постарался в максимальной мере реализовать свой художественный талант. Этот факт еще раз указывает на то, что по замыслу именно за нижней крышкой таилось самое главное и самое прекрасное. Именно под крышкой все три мастера, не связанных единством городского цеха, написали свои имена. Наличие на часах имени изготовителя было и остается важным символом

высокого качества – он свидетельствует, что предмет сделан не обезличенным коллективом, а человеком, вкладывающим в свою работу душу и дорожающим своей репутацией [9, с. 95].



МЛ-273 Часы работы М.Шульца из коллекции Музея Ломоносова МАЭ РАН

Посетители музея обычно обращают внимание на то, что часы работы Б. Кароли и М. Шульца имеют только одну часовую стрелку. Следует также отметить, что и на их шкалах имеются только римские цифры, обозначающие часы, в то время как на большинство других механических часов (в т. ч. с закрытыми механизмами) XVII–XVIII вв. наносилась вторая шкала – арабские цифры с шагом через 5 обозначали минуты. Примером тому являются часы работы Э. Бетцмейера. Этот факт указывает на сохранение архаичной традиции, уходящей в прошлое в течение XVIII в.: по аналогии с солнечными часами, имевшими только один указатель времени – указывавший час гномон, ранние механические часы изготавливались тоже с одной стрелкой, которая, по замыслу, должна была заменять гномон в пасмурную погоду. Позже эти механизмы стали иногда совершенствовать – добавлять к ним минутную стрелку. В уже цитировавшемся выше издании начала XIX в. автор оценивал такие часы как совсем старые, отжившие свой век; к опыту их улучшения он относился скептически и не советовал читателям покупать такие, неодобрительно высказываясь о распространенном тогда стереотипе о надежности старинных часов при низкой стоимости [9, с.149–151].

В свете изложенного более рельефно проступают ценность и точность двух других часов из коллекции Музея Ломоносова МАЭ РАН, также имеющих боковые окошки для наблюдения за работой механизма – не-

мецких настенных часов XVII в. (МАЭ №7733-11; МЛ-285) и настольных XVIII столетия (МАЭ №7733-9; МЛ-283).

Немецкие часы имеют две часовые шкалы, одна из них подвижна, и ее положение регулируется относительно оси; часы имеют также две часовые стрелки, большая указывает час на большой шкале, малая – на малой. Таким образом, часы, предположительно, предназначались для сравнения времени в двух разных часовых поясах. Особое практическое значение это свойство имело в условиях путешествий: долгота определяется как разница момента истинного астрономического полудня между событиями в точке наблюдения и на нулевом меридиане (каковым сейчас является Гринвич, а в XVIII в. их существовало несколько). Этот факт широко известен с древних времен, но ориентирование в пространстве в XVII–XVIII в. с опорой на эти сведения было затруднено качеством техники. Выше уже говорилось о том, что даже среди лучших мастеров редко встречались умельцы, изготавливавшие часы, которые не ушли бы и не отставали бы ни на одну минуту в сутки.

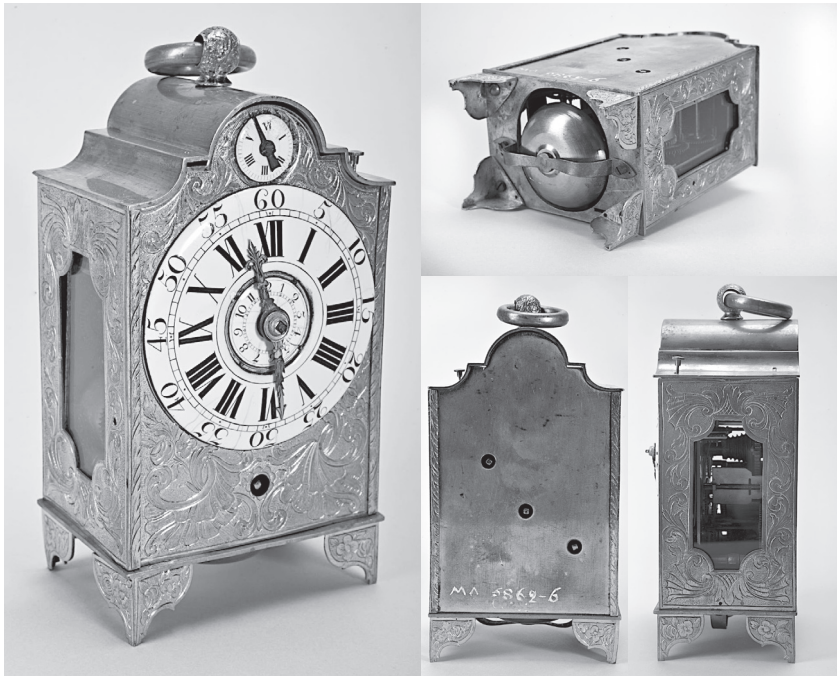


МЛ-285 Часы работы неизвестного немецкого мастера, из коллекции Музея Ломоносова МАЭ РАН

Что касается нижнего циферблата этих часов, разделенного на четыре равные части, то можно было бы предположить, что он минутный, но предположение, что часы предназначались для навигационных целей, влечет за собой иную логику рассуждений – в этом случае вероятнее, что мастер сделал специальный циферблат для указания фаз луны. Известно, что полная луна находится на юге, концы растущего полумесяца указывают на запад, убывающего – на восток. Навигационный функционал логично влечет за собой также вывод о том, что часы предназначались не просто для крепления на стене или кареты. Часы изящно оформлены – при изготовлении использована позолота, корпус украшен

растительным орнаментом; навершие, в котором размещен механизм репетиции, оформлено в форме купола, а по углам размещены четыре стрельчатые башенки.

Европейские часы, атрибутированные как настольные (МАЭ №7733-9; МЛ-283), также могли использоваться в качестве дорожных. Наличие наверху кольца для подвешивания является характерным признаком каретных часов, довольно широко представленных в музейных собраниях. По сравнению с рассматривавшимися до сих пор, они представляют новый этап развития часового дела – здесь уже есть не только минутная, но и секундная стрелка, циферблаты выполнены из эмали. Корпус также изготовлен с использованием позолоты и украшен богатым растительным орнаментом. По аналогии со стенными часами МАЭ №7733-11; МЛ-285, они имеют в центре подвижный циферблат для сравнения местного времени с временем в другой часовой зоне, но для указания часа на нем служит не специальная стрелка, а та же, которая показывает время на основном циферблате.



МЛ-285 Часы работы неизвестного немецкого мастера, из коллекции Музея Ломоносова МАЭ РАН

Таким образом, в Музее Ломоносова хранится пятеро часов XVII–XVIII вв., позволяющих наблюдать работу механизма. В других коллекциях можно найти целый ряд аналогичных примеров. Часы такого типа, сделанные европейскими мастерами в разные периоды времени, можно увидеть в частном музее «Собрание», на экспозициях и в фондах Государственного Эрмитажа [5, с. 48–49, 58–59, 65], Политехнического музея [14, с. 61, 95–96, 101–108, 141, 163, 168, 177, 197], Ростовского областного музея краеведения, Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника и целого ряда других.

В заключение можно сказать, что работа часового механизма во все времена была и остается завораживающим зрелищем; наблюдение за ним создает ощущение причастности к тайнам науки, демонстрация позволяет обладателю прибора показать себя человеком состоятельным, интересующимся техникой и знающим в ней толк. Такой имидж был особо актуальным в эпоху моды на механицизм; особый шарм он имеет и сейчас – в век, который мы гордо именуем веком высоких технологий. В XVIII – начале XIX в. соблазн показать знакомым не просто дорогие часы, но и внутренний механизм в процессе работы был настолько велик и такое развлечение настолько широко распространено, что автор просветительской публикации предостерегал читателей: «Обыкновение показывать в беседах внутреннюю красоту часов составляет суетность, вред приключаящую. Посему открывать часы свои как можно реже, особливо же в пыльных местах, а всего меньше после того, как комнату подметут, также в поварне и комнатах, наполненных пудрой, дымом, парами, особливо же укусными и другими едкими испарениями;... носового табаку монады, когда в носу находится полный заряд, также резлетываются, могут попасть в раскрытые часы, кои от того ржавеют» [9, с. 141].

Хотя начало каждого нового всплеска интереса к часам с прозрачным корпусом позиционируется в рекламных материалах в качестве достижения новейших технологий, музейные коллекции неизменно представляют нам такие приборы как всего лишь несколько подзабытое старое. Этот вывод является перспективным с точки зрения современного музейного маркетинга в условиях конкурентной борьбы за внимание посетителей. Динамично развивающаяся индустрия развлечений ставит традиционные музеи в сложные условия [1; 7; 8; 16]. Поиск новых принципов отбора предметов для экспонирования и их презентации приобретает жизненно важное значение. Представление часов, приспособленных для демонстрации работы механизма, и выверенный с исторической

точки зрения рассказ об их истории может быть удачным ходом в этих условиях. Особенно успешным этот опыт, несомненно, будет в случае реставрации и экспонирования действующих механизмов на специальных подставках с прозрачным дном и зеркалом, позволяющим осматривать находящееся за крышкой.

Библиографический список

1. Бакаютова Л.Н. Сущность и основные направления модернизации технических музеев (на примере музеев связи) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. 2008. №58. С.17–21.
2. Завораживающая магия работы механизма автореверсера [электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/X69b4rMhYzk3Secv>
3. Коломиец А. Интересно о часах-скелетонах [электронный ресурс]. URL: <https://deka.ua/articles/interesno-o-chasakh-skeletonakh/279/#1>
4. Малышкина Е.А. История бренда или история о бренде // Социально-экономические явления и процессы. 2014. №3(61). С.72–75.
5. Механические диковины. Музыкальные, часовые, анимационные механизмы XVII–XIX веков в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: ГЭ, 2015. 132 с.
6. Мужские часы Winner Skeleton – по-деловому стильно [электронный ресурс]. URL: https://otzovik.com/review_1743352.html
7. Набиуллин А.Ф., Шакиров А.С., Мухтов И.Г. Проблемы внедрения стационарных интерактивных мультимедиа систем в музейные экспозиции. Риски и решения // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. №31. С.235–243.
8. Носкова А.Ю. Арт-терапия и сенсорная депривация как ресурс в работе психолога // Смысл, функции и значение разных отраслей практической психологии в современном обществе. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2017. С.122–128.
9. Открытые тайны древних магов и чародеев или волшебные силы природы в пользу и увеселение употребленные. М.: Университетская тип. Ч.IX. 1804. 540 с.
10. Петряшин С.С. Воспроизводство практик за пределами традиции (за пределами сельских практик ориентации во времени по солнцу) // Этнографическое обозрение. 2018. №2. С.172–186.
11. Петряшин С.С. Модернизация сельского времени: ориентация по небесным светилам и часам // Антропологический форум. 2017. №34. С.156–178.
12. Петряшин С.С. Советская «колонизация» сельского времени: традиционные и новые практики ориентации во времени // Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию революции 1917 года в России). Материалы Шестнадцатых

Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. Российский этнографический музей. СПб.: Изд.-полиграф. центр СПб. ун-та технологии и дизайна, 2017. С. 16–20.

13. Скелетоны [электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BA%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%BD%D1%8B>

14. Фокина Т.А. Часы мастеров и предприятий России XVIII – начала XX веков из собрания Политехнического музея. Каталог. М.: РПФ «НИК», 2007. 240 с.

15. Часы скелетоны или искусство «обнажения» часового механизма [электронный ресурс]. URL: <https://watch-help.ru/blog/istorii-chasov/chasy-skelefony-ili-iskusstvo-obnazheniya-chasovogo-mekhanizma/>

16. Шляхтина Л.М. Рекреационно-образовательная миссия современного музея: образование или развлечения // Вопросы музеологии. 2013. №2(8). С.206–212.

17. Cartwright A. Skeleton watch guide: what is a skeleton watch & how do they work? [электронный ресурс]. URL: <https://www.uniformwares.com/skeleton-watch/>

18. Wolf C. The skeleton watch screams luxury. So what is it? [электронный ресурс]. URL: <https://www.gq.com/story/watch-glossary-skeleton>

Каждое супружество –
мезальянс.

Карл Краус

Прошлое, хранящееся в памяти,
есть часть настоящего.

Тадеуш Котарбиньский

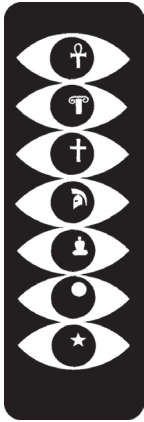
Брак – слишком совершенное состояние для несовершенного человека.

Никола Шамфор

Единственной мерой времени является память.

Владислав Гжегорчик





Александр Соколов

**ОТНОШЕНИЕ
РОМАНОВЫХ
К БРАКАМ
В ИМПЕРАТОРСКОЙ
ФАМИЛИИ:**

**КОНЕЦ XIX –
НАЧАЛО XX ВВ.**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
929.52

В статье рассматривается отношение членов Российской Императорской фамилии к матримониальной политике династии в конце XIX – начале XX вв. В этот период наиболее остро встали вопросы о мorganатических браках и внутрдинастических союзах. В статье дается оценка как индивидуальному восприятию Романовыми процессов в сфере матримониальной политики, так и устоявшимся воззрениям на проблемы браков. Источниковую основу работы составляют переписка, дневники и воспоминания представителей Императорской фамилии.

The article examines the attitude of members of the Russian Imperial family in the matrimonial policy of the dynasty in the late 19th – early 20th centuries. During this period, the most acute questions arose about morganatic marriages and intra-dynastic unions. The article assesses both the individual perception of the Romanovs processes in the field of matrimonial politics, and the established views on the problems of marriages. The sources of the article are correspondence, diaries and memoirs of representatives of the Imperial family.

Ключевые слова: генеалогия; Дом Романовых; источники личного происхождения; матримониальные связи; мorganатический брак.

Key words: genealogy; House of Romanov; sources of personal origin matrimonial ties; morganatic marriage.

E-mail: al.s.sokolov@yandex.ru

Источники личного происхождения в информационном отношении являются ценнейшим и одновременно одним из наиболее сложных и неоднозначных компонентов целостного социогенеалогического исследования рода. При оценке такого вида источников ведущий отечественный генеалог начала XX в. Л. М. Савелов отмечал сочетание их бесспорной гносеологической ценности с авторской субъективностью в изложении различных аспектов истории рода [26, с. 39]. Этот тезис отчасти относится к освещению в письмах, дневниках и мемуарах представителей Дома Романовых комплекса вопросов, связанных с матримониальными связями Императорской фамилии рубежа XIX–XX вв.

Браки Романовых на рубеже XIX–XX вв.

Брачные связи Российского Императорского Дома являлись одним из фундаментальных критериев социокультурного бытования династии, на котором в значительной степени основывалось внутри- и внешнеполитическое положение правящего рода. Начиная с первой половины XVIII в. матримониальная политика Романовых была ориентирована исключительно на царствующие и владетельные дома Европы, что преследовало цель поднятия статуса правящей семьи во внутривосточном социуме, а также поддержания и приумножения престижа династии в среде европейских монархий [27, с. 25–26]. Однако со второй половины XIX в. Дом Романовых столкнулся с фундаментальными трансформациями в социальной структуре российского общества, повлекшими постепенные, но необратимые изменения восприятия брака внутри самой династии и встретившими отпор со стороны императора.

Матримониальная формалистика, ставшая очевидным архаизмом уже в начале XX в., была отражена в воспоминаниях великой княжны Марии Павловны, ставшей в 1908 г. супругой герцога Седерманландского Вильгельма: «Я знала, что настанет день, и мне придется выйти замуж за иностранца, и только невероятное везение даст мне возможность сделать выбор по велению сердца. Во все времена великокняжеские браки заранее планировались; я была воспитана так, что принимала это за неизбежность» [16, с. 81]. В свою очередь, рост превалирования морганатических браков над династическими лапидарно отразил в воспоминаниях великий князь Александр Михайлович: «В <...> членах Императорской фамилии чувствовалось недовольство и отсутствие дис-

циплины. <...> Теперь же каждый из великих князей считал возможным в выборе подруги жизни следовать влечениям своего сердца» [6, с. 193].

Морганатический брак как ценностная катастрофа

К рубежу XIX–XX вв. получила заметное распространение практика заключения морганатических (неравнородных) браков без согласия

императора. Многие Романовы тяжело воспринимали нарушение установленных правил матримониальной политики своими родственниками, поскольку игнорирование династического законодательства понижало престиж фамилии. В большинстве случаев морганатические браки воспринимались как явление, дискредитирующее Императорскую фамилию и тем самым подтачивающее основы общественного порядка. Например, великий князь Владимир Александрович осуждал своего брата Алексея Александровича за стремление жениться на А.В. Жуковской против воли родителей: «Ни упрекать, ни давать тебе наставления я не намерен, – писал Владимир Александрович брату 17 (29) сентября 1871 г. – Да и не считаю себя в праве это делать. Если я тебе все это высказал, то это единственно с целью объяснить тебе, насколько возможно и насколько ты сам захочешь понять то решительное несогласие Папá (Александра II. – А.С.) и Мама́ (императрицы Марии Александровны. – А.С.) на то, на чем ты так настаиваешь. Если ты сам своими глазами мог бы видеть, какое горе ты оставил за собой, ты, конечно, ужаснулся бы. И если ты страдаешь и тоскуешь, то, поверь мне, Мама страдает вдвое больше тебя» [5, л. 9–9об.].

Скандалный брак великого князя Павла Александровича с О.В. Пистолькорс также был крайне негативно оценен Романовыми и, в частности, великой княгиней Елизаветой Федоровной: «...бедный Павел – он настолько ослеплен, что женившись на этой низкой, безнравственной женщине счел свой долг исполненным, а совесть успокоенной. А другой его первейший долг – по отношению к государю и державе!» [24, с. 76]. Кроме того, преждевременная смерть великой княгини Ольги Федоровны в 1891 г. была воспринята в Императорской фамилии как прямое следствие шока от известия о вступлении ее сына, великого князя Михаила Михайловича в морганатический брак с внучкой А.С. Пушкина, графиней С.Н. Меренберг. Александр III в письме к цесаревичу Николаю Александровичу охарактеризовал произошедшее следующим образом: «...тут еще этот несчастный идиот Миша (великий князь Михаил Михайлович. – А.С.), который выдумал жениться без разрешения



Великий князь Михаил Михайлович со своей морганатической супругой графиней С.Н.Меренберг и детьми

и благословения родителей. Эта весть ужасно огорчила Д<ядю> Мишу (великого князя Михаила Николаевича. – А.С.) и жестоко отозвалась на здоровье бедной Т<ети> Ольги (великой княгини Ольги Федоровны. – А.С.), у которой и без того сердце было далеко не в порядке» [23, с.232]. Примечательно, что здесь Александр III акцентирует внимание на личном благословении родителей, хотя по состоянию на 1891 г. членам Дома Романовых было запрещено вступать в неравнородные браки, которые де-юре признавались недействительными [28, с. 76–77].

Впрочем, изначальные критические оценки в адрес вступавших в морганатические браки Романовых со временем могли сглаживаться ввиду влияния общих тенденций эпохи. В 1895 г. великий князь Николай Ми-

хайлович писал Николаю II о том, что вышеозначенный брак Михаила Михайловича постепенно стал находить понимание в его семье: «Я <...> боялся встретиться с Madame Мишой (графиней С.Н.Меренберг. – А.С.), которой еще не видал и вовсе не торопился лицезреть. К сожалению, она сумела уже вполне покорить сердца Папа (великого князя Михаила Николаевича. – А.С.) и многих моих братьев. Но с сестрой, кажется, они разошлись во время последнего пребывания Папа в San Remo. <...> Вообще эта несчастная женитьба Миши в 1891 году – может быть, года сгладят это впечатление» [22, с.334].

Позиция императора

Императорская власть конца XIX – начала XX в. являлась своеобразным гарантом соблюдения династических законов. Вследствие этого российская монархия негативно оценивала феномен игнорирования правовых норм, установленных в «Учреждении об Императорской фамилии» и регламентировавших принципы заключения браков. В первую очередь это затрагивало тех членов разветвленной династии, которые состояли с монархом в наиболее близком родстве и в будущем теоретически могли претендовать на престол. В 1902 г., вскоре после заключения великим князем Павлом Александровичем морганатического брака, Николай II написал вдовствующей императрице Марии Федоровне: «Имея перед собой пример того, как незабвенный Папа (император Александр III. – А.С.) поступил с Мишей (великим князем Михаилом Михайловичем. – А.С.), не трудно было мне решить, что сделать с [дядей] Павлом. Чем ближе родственник, который не хочет исполнять наши семейные законы, тем строже должно быть его наказание» [18, с.433]. Нравственная оценка Николаем II подобных случаев матримониального самоуправства была напрямую связана с нежеланием великих князей подчиняться фундаментальным требованиям династического законодательства, что расценивалось императором как моральное разложение Дома Романовых: «Как все это больно и тяжело, и как совестно перед всем светом за наше семейство! Какое теперь ручательство, что Кирилл (великий князь Кирилл Владимирович. – А.С.) не сделает того же завтра, и Борис (великий князь Борис Владимирович. – А.С.) или Сергей Михайлович поступят так послезавтра. И целая колония русской Императорской фамилии будет жить в Париже со своими полузаконными и незаконными женами. Бог знает, что это такое за время, когда один только эгоизм царствует над всеми другими чувствами: совести, дол-



Великий князь Кирилл Владимирович и великая княгиня Виктория Федоровна (Виктория Мелита, принцесса Саксен-Кобург-Готская)

га и порядочности!» [18, с.433]. Стремление Николая II поддерживать статус Дома Романовых ярко проявилось и в его негативном отношении к мorganатическому браку великого князя Михаила Александровича в 1912 г. Неприятие им этого союза основывалось в том числе на том, что факт вступления брата императора в неравнородный брак без согласия монарха создавал нежелательный контраст с предстоящими событиями, которые должны были способствовать укреплению имиджа династии: «Ему (Михаилу Александровичу. – А.С.) дела нет <...> до скандала, кот[орый] это событие произведет в России. И в такое время, когда

все говорят о войне, за несколько месяцев до юбилея Дома Романовых!!» [18, с. 875].

Отдельные Романовы, анализируя последствия морганатических браков для вступающих в них членов династии (изгнание из России, отчуждение от родственников), косвенно и неявно осуждали излишнюю строгость императора. Великий князь Константин Константинович дал тревожную оценку последствиям строгих мер в отношении его двоюродных братьев – великих князей Михаила Михайловича и Павла Александровича: «...иначе нельзя было поступить (изгнание Павла Александровича. – *А.С.*); того требовала строгая справедливость. Такой же случай был в марте 1891 года (неприятие брака Михаила Михайловича. – *А.С.*) и, следовательно, требовалась точно такая же мера. Но тогда она только казалась заслуженной и особого сожаления не возбуждала; теперь же сердце больно сжимается, когда подумаешь о будущности, об искалеченной жизни в изгнании и, главное, о бедных милых детях (сыне и дочери Павла Александровича от первого, равнородного брака, отданных на попечение великому князю Сергею Александровичу. – *А.С.*)» [21, с. 332].

Признание брака законным вне зависимости от происхождения супруга или супруги являлось прерогативой российского монарха. Но при этом влияние на признание или неприятие императором конкретного союза могли оказывать императрица и супруги великих князей. В частности, изначальная неприязнь императрицы Александры Федоровны к принцессе Виктории Мелите Саксен-Кобург-Готской, расторгнувшей брак с братом императрицы Эрнстом Людвигом Гессенским, стала причиной опалы и высылки из России великого князя Кирилла Владимировича, ставшего вторым мужем Виктории Мелиты. «Строгость этого решения совершенно ошеломила нас, так как Государь никогда не намекал на возможность таких суровых мер в отношении меня и Даки (Виктории Мелиты. – *А.С.*). Более того, когда бы я ни поднимал этот вопрос, он всегда выражал искреннюю надежду, что все образуется» [8, с. 198], – писал Кирилл Владимирович в воспоминаниях. Занимая четвертое, а с 1909 г. третье место в порядке наследования российского престола, Кирилл Владимирович тем не менее не выражал опасений за свое будущее, поскольку серьезное ослабление власти Николая II над Домом Романовых делало его возвращение в Россию и восстановление в правах лишь вопросом времени: «Из-за суровости решения, вынесенного в Санкт-Петербурге, наш брак, увы, не принес ей, английской принцессе, титула великой княгини. Однако разразившаяся буря несколько

не омрачила нашей радости от возможности быть, наконец, вместе, и жизнь манила обещанием счастья» [8, с. 198–199]. Следует отметить, что близость к наследованию престола могла использоваться Романовыми и для оправдания вступления в морганатический брак. В письме к вдовствующей императрице Марии Федоровне в 1912 г. великий князь Михаил Александрович писал: «...не желая тебя огорчать, я, может быть, никогда бы <...> не решился [на морганатический брак], если бы не болезнь маленького Алексея (цесаревича Алексея Николаевича. – А.С.) и мысль, что наследником меня могли бы разлучить с Наталией С[ергеевной], чего теперь уже быть не может» [2, л. 76]. Эта же причина указывалась Михаилом Александровичем в качестве оправдания своего поступка и в письме к Николаю II [1, л. 90].

С другой стороны, некоторые члены императорской фамилии со временем начинали тяготиться своими непризнанными императором браками, поскольку это не позволяло им вернуться в привычную социальную среду. Так, в 1904 г. великий князь Николай Константинович, к тому моменту четверть века пребывавший в изгнании за кражу и вступивший в 1878 г. в морганатический брак, писал великому князю Михаилу Александровичу: «...я согласен на все, что могло бы устранить препятствия к достижению моего счастья и свободы, а именно: расстаться с Натальей Александровной (Дрейер, неравнородной супругой Николая Константиновича. – А.С.), дав ей полную самостоятельность» [7, с. 152].

Противники неравнородных браков

Помимо императоров, основным противником морганатических браков было старшее поколение Романовых, занимавшее по этой проблеме охранительную позицию. Вдовствующая императрица Мария Федоровна, крайне негативно воспринявшая морганатический брак своего сына Михаила Александровича, писала 4 (17) ноября 1912 г. Николаю II: «...Это невыразимо отвратительно во всех отношениях и меня совершенно убивает! Я только об одном прошу, чтобы это осталось в секрете, чтобы не было еще одного нового скандала. Такие браки, заключенные секретно, нужно всем своим видом игнорировать. Я думаю, что это единственное, что можно теперь делать, иначе я уже больше не покажусь, такой позор и срам! Бог ему простит, я только о нем могу сожалеть. Но, Боже мой! Какое горе и как трудно переносить такие удары!» [18, с. 873]. Николай II, стремившийся поддерживать свой имидж как гаранта соблюдения установленных законом норм матримониальной

политики, был солидарен с матерью. Новость о женитьбе своего брата он характеризовал как «отвратительную»: «К несчастью, между мной и им сейчас все кончено, потому что он нарушил свое слово. Сколько раз он сам мне говорил, не я его просил, а он сам давал слово, что на ней (Н.С.Брасовой. – А.С.) не женится. И я ему безгранично верил! Что меня особенно возмущает – это его ссылка на болезнь бедного Алексея (цесаревича Алексея Николаевича. – А.С.), которая его заставила поторопиться с этим безрассудным шагом! <...> Стыдно становится и тяжело. У меня тоже была первая мысль скрыть это известие, но <...> я понял, что теперь ему нельзя приехать в Россию. Рано или поздно все узнают здесь и будут удивлены, почему с ним ничего не сделали, тогда как с другими было поступлено очень строго?» [18, с.875].

Консервативно настроенные представители Императорской фамилии понимали, что наблюдаемое ими самоуправство в отношении браков связано, прежде всего, со стремлением членов династии к личной свободе и преодолению ставшей архаизмом формалистики. Вместе с тем противники неравнородных союзов полагали, что стремление к независимости, которое еще можно было оправдывать с точки зрения прав индивидуума, все же не является весомой причиной для игнорирования законов. Так, в марте 1916 г., накануне развода великой княгини Ольги Александровны с принцем П.А.Ольденбургским ради морганатического брака с Н.А.Куликовским, императрица Александра Федоровна писала Николаю II: «...Нас угнетают намерения и планы бедняжки Ольги на будущее <...>. Твоя славная родная сестра делает такие вещи! Я все понимаю и не упрекаю ее за ее стремление прежде всего к свободе, а затем к счастью, но она вынуждает тебя идти против законов семьи – когда это касается самых близких, это еще больнее. Она – дочь и сестра государей! Перед всей страной, в такое время, когда династия переживает такие тяжелые испытания и борется против революционных течений, это грустно. Общество нравственно распадается, и наша семья показывает пример – Павел (великий князь Павел Александрович. – А.С.), Миша (великий князь Михаил Александрович. – А.С.) и Ольга...» [19, с.164]. В то же время Александра Федоровна понимала, что одной из причин обширного игнорирования законов о браках в Императорской фамилии является падение авторитета российской монархии в целом и Николая II, в частности: «Как можем мы удержать остальных от подобных браков? <...> Мы были слишком добры и слабы по отношению к семье, а должны были бы во многих случаях приструнить молодых. <...> Может быть, это нехорошо, но я надеялась, что Петя

(принц П.А.Ольденбургский. – А.С.) не даст развода. Это может показаться жестоким, я не хочу быть такой, так как нежно люблю Ольгу, но я прежде всего думаю о тебе и о том, что она заставляет тебя нехорошо поступать» [19, с. 164–165].

Эпистолярное наследие Романовых зафиксировало нарастание к 1917 г. обстановки напряженности из-за роста числа мorganатических браков среди тех ближайших родственников монарха, которые в перспективе могли бы вступить на престол. В 1912 г. великий князь Николай Михайлович в письме к Николаю II давал тревожную оценку неравнорного брака великого князя Михаила Александровича: «Много я думал о том положении, которое создается от брака Миши. Если он подписал или подпишет акт отречения, то это весьма чревато последствиями и вовсе нежелательными» [22, с.356]. Выход из сложившейся ситуации Николай Михайлович видел в изменении закона о престолонаследии: «...Ты имеешь право изменить закон о престолонаследии. <...> Так, например, если Ты пожелал бы передать права наследства в род Твоей старшей сестры Ксении (великой княгини Ксении Александров-



Великий князь Николай Михайлович

ны. – А.С.), то никто, и даже юристы с министром юстиции не могли бы тебе представить какие-либо доводы против такого изменения закона о престолонаследии. Если я позволю себе говорить и излагать такого рода соображения, то единственно потому, что возможное отречение от престола Миши я считаю просто опасным в государственном отношении» [22, с.356]. Примечательно, что супругом Ксении Александровны был брат Николая Михайловича – великий князь Александр Михайлович. Это дает основание констатировать возможное наличие у Николая Михайловича, принадлежавшего к младшей ветви мужского потомства Николая I, корыстных замыслов по собственному династическому сближению со старшей ветвью императорского рода.

Одновременно письмо Николая Михайловича 1912 г. дает основание утверждать, что он либо не разбирался в нюансах династического и, в частности, матримониального законодательства, либо его некомпетентность в действительности была попыткой дезинформировать монарха. Так, упоминая об изначально не признанном браке великого князя Кирилла Владимировича, он пишет: «...Кирилл, как женатый на двоюродной сестре, тоже уже потерял свои права на престол, и в качестве *héritier presomptif* (предполагаемого наследника (фр.). – А.С.) явится Борис (великий князь Борис Владимирович. – А.С.). Если это будет так, то я прямо-таки считаю положение в династическом смысле угнетающим» [22, с.356]. Вместе с тем еще в 1907 г. Николай II именным указом признал брак Кирилла Владимировича и, даровав его супруге титул великой княгини, а дочери титул княжны императорской крови, де-юре признал их частью Императорской фамилии [25, с.454].

Некоторые члены Императорской фамилии, критически относившиеся к неравнородным бракам, стремились морально реабилитировать заключавших подобные союзы Романовых путем возложения всей ответственности на светское общество. Например, великий князь Константин Константинович считал великого князя Павла Александровича, заключившего морганатический брак с О.В.Пистолькорс, лишь жертвой интриг: «У меня не хватает силы обвинять [великого князя Павла Александровича] за дерзкий поступок <...> Вот к чему влечет великосветская замашка сводить замужнюю женщину (О.В.Пистолькорс. – А.С.) с молодым человеком. Но обыкновенно пошалают и разойдутся; а тут ошиблись в расчете: сближали, сводили, поощряли заигрывание, но не сообразили, что порядочный человек пойдет дальше и неминуемо доведет дело до конца. Главный грех не на душе жертвы этой возмутительной забавы, а на совести тех, кто ей услаждались, и теперь, когда она стала

несчастьем многих неповинных, кричат о безнравственности и забывают, что сами же создали все это зло» [21, с.332–333].

Одновременно великий князь Константин Константинович упрекал некоторых Романовых в лицемерии и одиозном восприятии предпринятых Николаем II мер в отношении Павла Александровича. Дневниковая запись Константина Константиновича от 21 октября (3 ноября) 1902 г. описывает его разговор с великим князем Борисом Владимировичем, утверждавшим, что «...приказ об исключении Павла со службы (из-за морганатического брака. – *А.С.*) прискорбен тем, что роняет великокняжеское достоинство, которое, в особенности в наше время падения престижа авторитета Императорской фамилии надо бы всячески поддерживать». Комментируя его взгляд, Константин Константинович обвинил Бориса Владимировича в двойной морали: «Мне думается, что наше достоинство падает не от таких приказов, а от причин, их вызывающих, т.е. от беспорядочного поведения великих князей, поведения, едва ли чуждого самому Борису» [10, с.150–151].

Внутридинастический брак как феномен конца XIX – начала XX в.

Разветвление Дома Романовых к концу XIX в. и нежелание его отдельных членов вступать в браки с представителями иностранных

владельческих Домов стимулировали развитие такого явления, как внутридинастический брак. Несмотря на очень слабое распространение, такой тип брака вплоть до 1917 г. оставался для некоторых членов Дома Романовых желаемым приоритетом, хотя и проблематичным при практическом осуществлении. Наиболее привлекательным внутридинастическим союзом являлся брак с ближайшим родственником правящего императора. Например, в 1909 г. великий князь Константин Константинович выражал сожаление по поводу того, что не может выдать свою дочь (княжну императорской крови Татьяну Константиновну) за брата Николая II (великого князя Михаила Александровича) по причине отсутствия у гипотетического жениха интереса к предполагаемой невесте. «Глядя на Мишу (великого князя Михаила Александровича. – *А.С.*), сидевшего рядом с Татианой (княжной императорской крови Татьяной Константиновной – *А.С.*), я про себя думал: Ах, если бы..! Но он об ней и не думает», – писал великий князь в своем дневнике [11, с.95].

Представители младших ветвей потомства Николая I понимали, что их стремление приблизиться в родственном отношении к императору путем брака с кем-либо из его ближайших родственников может создать

негативное впечатление расчетливого замысла. Вышеупомянутый пример великого князя Николая Михайловича контрастирует с позицией по этому вопросу князя императорской крови Иоанна Константиновича, рассматривавшего в качестве будущей супруги дочь Николая II – великую княжну Ольгу Николаевну. В 1904 г. он писал своей матери: «...Беда в том, что <...> "Она" – царская дочь, и что, Боже сохрани, про меня подумают, что я делаю это из-за каких-нибудь интриг» [14, с.34]. Спустя 10 лет брат Иоанна Константиновича, князь императорской крови Константин Константинович, также безуспешно пытался заключить брак с Ольгой Николаевной. В 1914 г. он писал родителям: «...Вчера мы проводили румын (румынского принца Кароля, рассчитывавшего жениться на Ольге. – А.С.). Кажется, их приезд в Россию окончился не в их пользу. <...> Насколько я помню из разговора с Мамá, румынский Carolo стоял первым кандидатом, я же вторым. Может быть, стоит попытаться счастье» [14, с.46].

Неприязнь императора к некоторым Романовым проявлялась в желании приближать их к старшей ветви фамилии посредством брака. Видимо, это обстоятельство поспособствовало отказу Александра III от идеи королевы Греции Ольги Константиновны (дочери Константина Николаевича) устроить династический союз ее дочери Марии с цесаревичем Николаем Александровичем (будущим Николаем II), о чем Ольга Константиновна написала в конце 1890 г. в письме к брату, великому князю Константину Константиновичу: «...как ты думаешь, грешно с моей стороны тайно желать, чтоб М[ария] вышла за Ники, чтоб для них сделать исключение?» [3, л.162].

Помимо вышеописанного примера препятствий на пути к заключению внутрдинастического брака, были и другие преграды. Брак с дочерью российского монарха мог встретить сопротивление не только со стороны невесты, но самих императора или императрицы. Подобное проявилось при попытке великой княгини Марии Павловны (вдовы великого князя Владимира Александровича) устроить в 1916 г. брак своего сына, великого князя Бориса Владимировича, с дочерью Николая II, Ольгой. «Мысль о Борисе чересчур несимпатична, – писала императрица Александра Федоровна Николаю II, – убеждена, что девочка никогда не согласится за него выйти, и я вполне понимаю ее. Только никогда не давай Михень (великой княгине Марии Павловне. – А.С.) угадать, что другие мысли наполняют ум и сердце девочки» [19, с.62–63]. Иные препятствия для внутрдинастического брака были связаны со сложными взаимоотношениями и интригами внутри разветвленной Императорской

фамилии. Князь императорской крови Олег Константинович, помолвленный в 1914 г. с княжной императорской крови Надеждой Петровной, выражал в своем дневнике желание скорейшего заключения брака, препятствием которому было негативное отношение общественности к ее матери – черногорке Милице Николаевне [13, с. 8]. В письме к отцу, великому князю Константину Константиновичу, Олег Константинович писал: «...говорить с тетей (великой княгиней Милицей Николаевной. – А.С.) нельзя, не предупредив об этом Государя. Но Государю надо будет сказать, что я с тетей еще ни о чем не говорил. <...> Во всяком случае, это надо делать так, чтобы тетя Милица об этом не знала: она в состоянии все расстроить, если услышит, что Государя спросили раньше, чем ее» [15, с. 71].

Браки Романовых и внешняя политика начала XX в.

Существенный отпечаток на позицию членов Императорской фамилии относительно устройства личной жизни их потомства наложили

внешнеполитические обстоятельства, зачастую сопряженные с проблемами религиозного характера. Великий князь Константин Константинович в 1909 г. согласился с мнением министра иностранных дел А.П.Извольского о политической опасности рассматривавшегося брака между исповедующим католицизм баварским принцем Францем Иосифом и православной княжной императорской крови Татьяной Константиновной. Из дневника великого князя следует, что его супруга искала помощи у своих родственников, нащупывая рычаги для сведения сватовства Франца Иосифа на нет. «Относительно баварца (принца Франца Иосифа. – А.С.) жена (великая княгиня Елизавета Маврикиевна. – А.С.), посоветовавшись с матерью, телеграфировала мне, чтобы я удержал Татиану от приезда в Либенштейн. Но несколько позже пришла другая телеграмма от жены: ее сестра, через которую переговаривались с баварцем, известила, что там передумали, и баварец Франц Иосиф не приедет в Либенштейн» [11, с. 114–116].

Проблемы религиозного характера носили не только внешнеполитический, но и внутрдинастический характер. К началу 1890-х гг. ряд великих княгинь продолжали исповедовать лютеранство, отказываясь переходить в православие, что создавало некоторую напряженность во взаимоотношениях внутри части Императорской фамилии. Таковым в 1891 г. стал, согласно оценке Александра III в письме к наследнику, поздний переход в православие великой княгини Елизаветы Федоров-



Цесаревна Мария Федоровна с цесаревичем Александром Александровичем (будущим императором Александром III)

ны: «В вербную субботу 13 апреля произошло присоединение Эллы к православной вере. <...> Конечно, Михень (великая княгиня Мария Павловна (старшая). – *А.С.*) и Мавра (великая княгиня Елизавета Маврикиевна. – *А.С.*), как истые лютеранки, не присутствовали, да оно и понятно, не могло это событие быть им приятно, но бедные Владимир (супруг Марии Павловны великий князь Владимир Александрович. – *А.С.*) и Костя (супруг Елизаветы Маврикиевны великий князь Константин Константинович. – *А.С.*) очень и очень грустят, и для них и за них больно!» [23, с.234].

Источники личного происхождения раскрывают настороженное отношение Романовых к бракам с представителями недавно утвердившихся на престоле царствующих родов, чье положение на общеевропейском династическом пространстве не устоялось или не обладало достаточным авторитетом. Великий князь Константин Константинович дважды (в 1909 и 1910 гг.) сталкивался с намерением сербского короля Петра I Карагеоргиевича устроить брак сербского наследника Александра с княжной императорской крови Татьяной Константиновной. «...Король застиг меня врасплох, – писал в дневнике великий князь. – Не мог же я сказать королю, что противлюсь этому браку ввиду того, что сербская династия недостаточно утвердилась на своем шатком престоле» [11, с. 263]. Опасения Константина Константиновича основывались на том, что Петр I Карагеоргиевич заступил на сербский престол в результате государственного переворота в Белграде в 1903 г., когда была убита королевская семья Обреновичей.

При рассмотрении брачных проектов с Домом Романовых европейские владетельные Дома внимательно следили за поддержанием своей династической репутации при заключении брака. Срыв запланированного брака из-за объективной причины заставлял иностранные монархии вносить коррективы в тактику поддержания собственного матримониального престижа. Например, после смерти цесаревича Николая Александровича в 1865 г. королева Дании Луиза Гессен-Кассельская колебалась дать скорое согласие на брак невесты скончавшегося цесаревича – принцессы Дагмар – с его братом Александром Александровичем – будущим Александром III. По этому поводу Александр Александрович записал в дневнике: «Папа (император Александр II. – А.С.) объясняет то, что королева не желает прислать Дагмар теперь так: потому что королева боится, чтобы не подумали, что она непременно желает выдать свою дочь скорее, чтобы не показать вид, как будто бы боится потерять случай» [4, л. 34об.].

Браки накануне падения монархии

Знаковым событием в истории брачной политики Романовых стал именной высочайший указ Николая II от 11 (24) августа 1911 г., дозволявший морганатические браки для князей и княжон императорской крови при условии их отказа от прав на престол. Мемуары князя императорской крови Гавриила Константиновича позволяют судить о том, что для либерализации матримониальной политики в начале XX в. уже

сложилась благоприятная обстановка в самой Императорской фамилии, поскольку значительная часть Романовых, включая вдовствующую императрицу Марию Федоровну, не была против корректировки законодательства, а основным препятствием являлась консервативная позиция Николая II. «В семействе стали подниматься голоса о желательности изменения этого закона, – вспоминал Гавриил Константинович, – и Государь сказал матушке (матери Гавриила Константиновича – великой княгине Елизавете Маврикиевне. – *А.С.*): "Я три месяца мучился и не мог решиться спросить Мамá (вдовствующую императрицу Марию Федоровну. – *А.С.*), а без ее санкции я не хотел принимать что-либо. Наконец, я ей сказал про Татиану и Багратиона <...> и о возможном изменении закона. Я боялся, что она скажет, а она ответила <...>: "Давно пора переменить"» [9, с. 80].

Несмотря на частичную «демократизацию» брачной политики в отношении князей и княжон императорской крови их симпатия к морганатическим бракам до Февральской революции во многом носила скрытный характер. Опаска быть отчужденными от Императорского Дома из-за отсутствия согласия на брак императора не позволила некоторым представителям династии придать свои мезальянсы публичной огласке. Так, князь императорской крови Гавриил Константинович в 1916 г. записал в дневнике: «Я тоже женился, но, к сожалению, только гражданским браком на Антонине Рафаиловне (Степанович) Нестеровской. Мы с ней сошлись 9 апреля 1912 г. в Монте-Карло, а 18 мая обручились секретно на квартире ее дяди, Степана Васильевича Нестеровского, чтобы благословить и закрепить наш союз» [12, с. 10]. Пять лет спустя, уже накануне Февральской революции, Гавриил Константинович придал свой морганатический брак частичной огласке, добившись от своей матери, великой княгини Елизаветы Маврикиевны, согласия на него. Однако воспоминания Гавриила Константиновича указывают на все еще сохранявшиеся отрицательные оценки морганатических браков у Романовых даже в период утраты монархом контроля над обширным Императорским Домом. «Она (великая княгиня Елизавета Маврикиевна. – *А.С.*) дала свое согласие, но потом жалела об этом и считала, что дала его в минуту слабости. Тем не менее она не считала возможным взять его обратно» [9, с. 220–221].

Источники личного происхождения Дома Романовых начала XX в. раскрывают и тот факт, что члены Императорской фамилии, желавшие заключить неравнородные браки, могли помогать друг другу в их реализации. Так, Гавриил Константинович писал в воспоминаниях: «...Мне по-

звонил Сандро Лейхтенбергский (Александр Георгиевич, седьмой герцог Лейхтенбергский. – А.С.) и спросил, как я отношусь к вопросу о своей свадьбе – он тоже собирался жениться на Надежде Николаевне Игнатьевой, рожденной Каралли. Сандро сообщил, что его двоюродная сестра Тина Зарнекау знает священника, который может нас обвенчать» [9, с.220–221]. Кроме того, ближайшие родственники заключивших мезальянсы великих князей могли активно ходатайствовать перед императором в разрешении определенных вопросов, связанных с общественным положением морганатической супруги или потомства. Например, в 1904 г. великий князь Сергей Александрович просил Николая II откликнуться на прошение своего брата – попавшего в опалу за морганатический брак с О.В.Пистолькорс великого князя Павла Александровича – поддержать дарование его неравнородной супруге в Баварии титула графини фон Гогенфельзен. Сергей Александрович, выполняя функцию посредника между императором и Павлом Александровичем, писал Николаю II: «Мне представляется, что о чем он просит, вполне рационально, и если и ты того же мнения, то, будь мил, и черкни только



Н.А.Куликовский с великой княгиней Ольгой Александровной

одно слово: согласен. <...> Мне кажется, что вполне безразлично, будет ли она (О.В.Пистолькорс. – А.С.) носить фамилию итальянскую или немецкую – лишь бы она носила какую-нибудь фамилию – ей на даровщинку все же приятнее!!» [17, с. 104].

Отсутствие согласия императора на брак вынуждало заключать в обстановке тайны даже те неравнородные браки, которые находили поддержку у ближайших родственников монарха. Так, морганатический брак великой княгини Ольги Александровны с Н.А.Куликовским, нашедший поддержку со стороны мужа сестры Николая II, великого князя Александра Михайловича, а после определенных колебаний и у вдовствующей императрицы Марии Федоровны, был заключен без публичной огласки. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Александра Михайловича от 5 (18) ноября 1916 г.: «...Было установлено, что для тайны Мамá (вдовствующая императрица Мария Федоровна. – А.С.) должна была выехать со мной. <...> Были приняты меры, чтобы никакой полиции нигде не было. Я для этого звал к себе губернатора и передал категоричное приказание» [20, с. 119]. Впоследствии в мемуарах Александра Михайловича венчание Ольги Александровны, несмотря на присутствие влиятельных членов Императорской фамилии, характеризовалось как «...очень скромная, почти тайная от всех свадьба» [6, с.216].

Комплиментарные оценки Александром Михайловичем морганатических браков Ольги Александровны с Н.А.Куликовским и своего брата Михаила Михайловича с графиней С.Н.Меренберг [6, с. 100] вступают в противоречие с его критическими выпадами в адрес изначально не признанных императором браков великих князей Михаила Александровича, Кирилла Владимировича и Павла Александровича: «Все эти три великих князя выражали явное неуважение к воле Государя и являлись весьма дурным примером для русского общества» [6, с. 194]. Женильба великого князя Кирилла Владимировича на своей двоюродной сестре Виктории Мелите характеризовалась Александром Михайловичем как «факт неслыханный в анналах царской семьи и православной церкви» [6, с. 193]. Такая субъективность объясняется, в частности, близкими родственными связями Александра Михайловича с Ольгой Александровной через ее сестру, Ксению Александровну – супругу великого князя.

Несмотря на то, что практика заключения морганатических браков к концу существования монархии в основном подвергалась критике лишь императорами и частью старшего поколения Романовых, среди молодых представителей фамилии она также могла восприниматься не-

готивно. В сознании отдельных молодых членов Дома Романовых понятие неравнородного брака было связано с внебрачными отношениями и интригами, дискредитировавшими Императорский Дом. «Мы, князь, <...> не имеем права себя компрометировать. <...> [Я] говорил о Кшесинской, Гоге, об интригах в балете, об эксплуатации царской семьи балетными негодьями и негодяйками. С виду все это кажется заманчивым, веселым, красивым, и на самом деле результат всего – позор, надувательство и обман», – такое мнение о связях некоторых членов Императорской фамилии выражал в 1914 г. князь императорской крови Олег Константинович [13, с. 9–10].

Заключение

Источники личного происхождения членов Российского Императорского Дома конца XIX – начала XX вв. отразили широкую совокупность проблем, с которыми столкнулась династия на рубеже веков. Воспоминания, дневниковые записи и эпистолярное наследие Романовых того времени не только отражают эволюцию воззрений на брачную политику, но и свидетельствуют о живучести устоявшихся в Императорском Доме матримониальных традиций, игнорировании обширных изменений в российском обществе.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1301. Л. 90.
2. ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2223. Л. 76.
3. ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 218. Л. 162.
4. ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 34 об.
5. ГА РФ. Ф. 681. Оп. 1. Д. 36. Л. 9–9 об.
6. Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. 270 с.
7. «Власть, почести и богатство никогда меня не привлекали»: письма великого князя Николая Константиновича. 1901–1904 гг. / публ. Т. А. Лобашковой // Исторический архив. 2013. № 2. С. 145–155.
8. Воспоминания великого князя Кирилла Владимировича / под общ. ред. Ю. С. Памфилова; сост. и коммент. В. М. Хрусталева. М.: ПРОЗАИК, 2020. 480 с.

9. Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце: из хроники нашей семьи. СПб.: Логос, 1993. 280 с.

10. Дневник великого князя Константина Константиновича. 1902–1903 гг. / сост., предисл. и коммент. Т.А.Лобашковой. М.: Буки Веди, 2015. 560 с.

11. Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. / сост., предисл., коммент. Т.А.Лобашковой. М.: Буки Веди, 2015. 560 с.

12. Дневник князя императорской крови Гавриила Константиновича, 1897–1916 гг. / предисл. и коммент. Т.А.Лобашковой. М.: Буки Веди, 2016. 558 с.

13. Дневник князя императорской крови Олега Константиновича. 1900–1914 гг. / сост., предисл., коммент. Т.А.Лобашковой. М.: Буки Веди, 2016. 560 с.

14. Князь императорской крови Константин Константинович, 1890–1918: биография и документы / сост., предисл. и коммент. Т.А.Лобашковой. М.: Буки Веди, 2014. 560 с.

15. Князь императорской крови Олег Константинович, 1892–1914: биография и документы / сост. и предисл. Т.А.Лобашковой. М.: Буки Веди, 2014. 560 с.

16. Мария Павловна, вел. кн. Мемуары. М.: Захаров, 2004. 512 с.

17. «Мы переживаем страшно трудные времена»: письма великого князя Сергея Александровича Николаю II. 1904–1905 гг. / публ. Г.А.Литвиненко // Исторический архив. 2006. №5. С.101–109.

18. Переписка императора Николая II с матерью – императрицей Марией Федоровной. 1894–1917 // подгот., пер. и предисл. Е.И.Чирковой. М.: Индрик, 2017. 1056 с.

19. Переписка Николая и Александры Романовых. Т.4. 1916 г. М.: Гос. изд-во, 1926. 438 с.

20. Письма великого князя Александра Михайловича к жене, великой княгине Ксении Александровне (1916–1917) / публ., вступл. и коммент. З.И.Беляковой // Звезда. 2002. №9. С.118–133.

21. Письма великого князя Константина Константиновича великому князю Сергею Александровичу, 1882–1904 гг. / сост., предисл. и коммент. Т.А.Лобашковой. М.: Буки Веди, 2016. 560 с.

22. Письма великого князя Николая Михайловича к императору Николаю II // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Вып. 9. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1999. С.326–370.

23. Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Вып. 9. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1999. С.213–250.

24. Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны к императрице Марии Феодоровне, императору Николаю II, великой княжне Ольге Николаевне, великому князю Сергею Александровичу, великому князю Павлу Александровичу, княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой, князю Феликсу Феликсови-

чу Юсупову-младшему / сост. Т. В. Коршунова и др. М.: Православное сестричество во имя преподобномученицы Елизаветы, 2011. 430 с.

25. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е: в 33 т. 1907: Т. 27. СПб.: Гос. тип., 1910. 1286 с.

26. Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии: в 2 ч. Ч. 1. М.: Моск. археол. ин-т, 1908. 115 с.

27. Соколов А. С. Браки династии Романовых как проблема антропологического антагонизма (XIX – начало XX в.) // Россия XXI. 2021. № 3. С. 25–26.

28. Соколов А. С. Браки и разводы в династии Романовых: последняя треть XVIII – начало XX в.. М.: Старая Басманная, 2022. 204 с.



Олег Волобуев

**АЛУПКА – МОСКВА.
АСПИРАНТУРА.
1960–1965**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

929

В центре повествования воспоминания автора об участии в конкурсе учебников по истории для школ рабочей молодежи и последующем обучении в аспирантуре Московского областного педагогического института. Все события даются в контексте целевой направленности и творческой деятельности автора, его научного становления и личного самоанализа. В разделе «Штрихи к портретам» характеризуются доктор исторических наук, научный руководитель соискателя, В.Ф.Антонов, а также соавтор по художественно-исторической хрестоматии, посвященной древнему миру, А.В.Шестаков.

In the center of the narrative are the author's memoirs of participation in the competition of history textbooks for schools of working youth and subsequent postgraduate studies at the Moscow Regional Pedagogical Institute. All events are given in the context of the target orientation and creative activity of the author, his scientific development and personal introspection. In the section "Strokes to portraits", V.F.Antonov, Doctor of Historical Sciences, supervisor of the applicant, as well as A.V.Shestakov, co-author of an art-historical reader dedicated to the ancient world, are characterized.

Ключевые слова: аспирантура; методика преподавания истории; учебники; диссертация; Московский областной педагогический институт; С.А.Секиринский; В.Ф.Антонов; А.В.Шестаков; В.Мессинг.

Key words: graduate school; history teaching methodology; textbooks; dissertation; Moscow Regional Pedagogical Institute; S.A.Sekirinsky; V.F.Antonov; A.V.Shestakov; V.Messing.

E-mail: volobuevov@yandex.ru

Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2021. №2, 5–6; 2022. №2; 3; 4.

**Триггер: путеводная вера
в перспективу**

Казалось бы, что может быть проще, чем периодизация собственной жизни. Многие знают строки Маяковского: «Я родился, рос, кормили соскою, жил, работал, стал староват... Вот и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова». Это тоже периодизация, только не датированная, а поэтически ритмированная.

До сих пор моя мемуарная периодизация строилась по географическому принципу «где тогда жил». А жил я там, куда заносил меня ветер судьбы. Но дойдя в своих воспоминаниях до аспирантуры, я задумался над тем, что как аспирант я не сводим к трем московским годам жизни. По существу, это и еще два предшествующих аспирантуре года подготовки к ней. Тем более, что для обоснования такой периодизации была у меня еще одна рубежная дата – образование семьи и рождение сына в 1960 г. Так вот и обрисовалась пятилетка: «Алупка – Москва. 1960–1965 годы».

Но здесь требуется еще одно пояснение. Я не собирался, да и не собираюсь выстраивать нарратив по биографической линии моей интимной жизни. Это была моя жизнь, и память о ней должна уйти вместе со мной. Не потому, что мне надо что-то скрывать, а потому, что это замкнутое личное пространство, мой интим. И я не хочу ни с кем им делиться.

И, наконец, третье пояснение. В 1958 г. я заболел, и это было странное заболевание. Меня одолела физическая слабость. Мне трудно стал даваться, например, даже незначительный подъем по склону. Весь день я отлеживался, а по вечерам отрабатывал свои учебные часы в школе (благо, рядом с домом). Хождение по врачам, биохимические анализы, которые я делал благодаря знакомствам в лаборатории военного санатория, не проясняли картины. Мне даже поставили «хитрый» диагноз – «дисфункция эндокринной системы», хотя позднее, по утверждению квалифицированных врачей, такого медицинского диагноза (диагноз – то или иное конкретное эндокринное заболевание) не может быть. Короче говоря, я промучился со своей неизвестно откуда взявшейся напастью года два. Два года мне было не до аспирантуры.

Резонно поставить вопрос, что же меня спасло. Ответ предельно прост: до сих пор не знаю, что это было и как я от этого «не знаю чего» избавился. Но две рекомендации, на мой взгляд, может быть, помогли мне выправиться к середине 1959 г. Первая – прием настой-

ки китайского лимонника, что помогает при низком артериальном давлении. Вторая – рекомендация одного опытного фельдшера: пить по утрам стакан воды с разведенной на ночь столовой ложкой меда. Сказанное – это не советы, а сугубо личный, не основанный на достижениях медицины, опыт. Лекарства лекарствами, но надежный выход из таких депрессивных ситуаций – мобилизация внутренних биоресурсов организма. А их немало, только мы не научились ими управлять. Чаще всего рычаги управления организмом и его недугами нащупываются инстинктивно. Я, еще будучи студентом, переболел гепатитом и получив в итоге хронический холецистит, обратил внимание на то, что организм сам настойчиво требует сладкого. Так, меня, как магнитом, стало тянуть к пирожным, а когда здоровье выправилось, тяга к пирожным спала и надолго наступило равнодушие к сладкому. С тех пор я всегда прислушивался к тому, что подсказывает организм в отношении рациона.

Думаю, что мое тогдашнее состояние объяснялось временно утраченной перспективой. Возвращение веры в перспективу могло поставить меня на ноги лучше китайского лимонника. Последнее относится уже не столько к физико-химическому функционированию биологического организма, сколько к психоневротическому состоянию человеческой личности. Если на длительный срок психоневротическое равновесие нарушается, то это приводит к расшатыванию эндокринной системы и всей системы обменных связей. Мы очень мало знаем о таинственных процессах, происходящих в «черном ящике» мозговой энергетической базы деятельных инициатив.

В связи с этим я не могу не вспомнить один эпизод в дни гастролей в Ялте известного в 1960-е годы экстрасенса Вольфа Мессинга. Затрудняюсь назвать точно год происшествия. Это было или незадолго до поступления в аспирантуру (а может и ранее), или в летние отпускные периоды моей аспирантуры. Выступления Мессинга проходили в здании Ялтинского театра, и я купил три билета на его гастроль для себя и Славы Татарского. К тому времени Слава Татарский женился на Ане, выпускнице нашего ялтинского сельскохозяйственного техникума.

Я не запомнил все манипуляции с людьми и предметами, которые демонстрировал Мессинг. Но когда знаменитый экстрасенс (он называл себя телепатом) пригласил желающих принять участие в поиске спрятанных вещей, то я передал на сцену коротенькую записку, в которой выразил желание принять участие в эксперименте. Я не знаю,

сколько было желающих, но я попал в число приглашенных. Мессинг цепко ухватил меня за руку, и я должен был мысленно провести его через залу к нужному ряду и нужному креслу, после чего он должен был достать спрятанную в сумочке Ани искомую вещь. Не знаю – то ли Мессинг загипнотизировал меня, то ли он передавал какие-то приказы через импульсы своего электромагнетизма (идеомоторика), – но в моем сознании родилось (или было в него привнесено) желание помочь ему. Мессинг тянул меня за собой, как может тянуть поводок большая и сильная собака, я же «мысленно» подсказывал, куда надо идти и что надо делать. Поставленная задача была выполнена и мной, и Мессингом «на "отлично"».

Что это было? Свыше данная способность «читать мысли» или фокус высочайшего класса? Не берусь, честно, до сих пор судить. Но, поскольку я отыскивал в Интернете (и не нашел) дату гастролей Мессинга в Крыму, мне попалось несколько воспоминаний авторов, на которых Вольф Мессинг произвел такое же сильное впечатление, как и на меня. Среди них выделю представившегося как Юрий Акунин автора, описавшего гастроль Вольфа Мессинга в Тбилиси 1968–1969 гг. В частности, в его тексте есть упоминание о задании «мага», в принципе совпадающем с моим ялтинским поиском вещи рука в руку с Мессингом. Автор спрятал платок во внутреннем кармане пиджака первого попавшегося на глаза мужчины, сидевшего в конце зала [24]. Жаль, но автор не описывает, какие эмоции он испытывал, будучи партнером-индуктором экстрасенса. Упоминания о жгучем желании помочь ведущему партнеру я ни у кого не встречал.

Экскурс в гастроль Вольфа Мессинга важен для понимания сложности психических ключей деятельных инициатив. Проявленная мной инициатива участия в конкурсе на создание учебников по истории для школ рабочей молодежи, объявленного в 1960 г. в «Учительской газете», зарядила меня энергией преодоления провинциального сна души.

Для того, чтобы написать учебник, мне нужен был партнер. Моих знаний по истории достаточно было для школы, но недостаточно для автора учебника. Ни известности в педагогических кругах, ни специализации по тому или иному хронологическому периоду мировой или отечественной истории у меня не было. Нацелился я на школьный курс истории Средних веков. И принял решение, не опирающееся на прежний опыт общения с моими вузовскими преподавателями: предложить соавторство самому уважаемому из них медиевисту –



Сергей Анатольевич Секиринский на балконе своей квартиры в Симферополе.
1960-е гг. Из семейного архива

Сергею Анатольевичу Секиринскому. Это была авантюра, и она увенчалась успехом.

Визит к Сергею Анатольевичу, признанному авторитету и самому интеллектуальному преподавателю истфака, запомнился мне благодаря эмоциональной окрашенности встречи. Семья Секиринских жила на улице Ленина, в одном из институтских дворов. Там было здание с характерной для циркумпонтийской¹ архитектурной традиции внешней лестницей, ведущей на балконы, опоясывающие верхние этажи. Квартиры, расположенные вдоль фасада, имели вход-выход на эти довольно широкие балконы. С трепетом я поднимаюсь без приглашения и без предупреждения по лестнице. Незванный гость с неожиданным предложением.

Сергеем Анатольевичем оказался дома и как-то непринужденно принял бывшего студента. Он всегда отличался демократизмом и вниманием к людям. Я очень переживал, что беседа по тем или иным причинам не состоится. Но Сергей Анатольевич поддержал мое намерение участвовать в конкурсе и даже дал согласие на соавторство. Так началось наше творческое содружество, которое направило мою судьбу в ранее не планировавшуюся сторону.

¹Циркумпонтийская архитектурная традиция воплощена в тысячелетнем балкано-анатолийском доме с верандой-балконом, нависающей над первым хозяйственным этажом.

Вернусь к ситуации с учебниками. Одновременно с перестройкой системы школьного образования в 1960/1961 гг. (в соответствии с законом об укреплении связи школы с жизнью и переходом от семилетнего неполного среднего образования к восьмилетнему) возник вопрос о подготовке новых учебников для школы. Вслед за конкурсами на составление учебников для восьмилетней и средней общеобразовательной трудовой политехнической школы были также объявлены конкурсы на составление учебников по элементарным курсам истории для 5–8 классов школ рабочей и сельской молодежи.



Характерная лестница в доме на улице Ленина, где жила семья Секиринских. В центре – сын Сергея Анатольевича, историк С.С.Секиринский, 2012 г. Из семейного архива

Да и в целом вне зависимости от реформаторских инициатив неугомонного Н.С. Хрущева назрела смена учебников истории как с точки зрения их содержания (пересмотр отдельных историографических догм и мифов сталинского времени), так и исходя из их методического несовершенства. Уточню последнее утверждение на примере учебников А.В. Мишулина [16], С.И. Ковалева [18] по Древнему миру и Е.А. Косминского по Средним векам [20]. Я не постесняюсь назвать их, как и другие учебники того поколения, примитивными учебниками. И никакого преуменьшения авторитета их авторов – ведущих антиковедов и медиевистов того времени – в этом нет. В нашем утверждении есть лишь достаточно объективное указание на сухую конспективность и социологичность учебного текста при полном отсутствии методической оснащённости. Конечно, в этих учебниках можно найти и детализированные бытовые зарисовки, и впечатляющие сцены из военной истории, но это не меняет общего характера их нарратива.

Появившийся впервые в 1957 г. учебник по истории Древнего мира Ф.П. Коровкина явил новый тип учебника с разветвленным методическим аппаратом: системой вопросов и заданий к параграфам и главам, богатым иллюстративным оформлением, адаптированными выдержками из исторических источников и т. д. [19]. Чуть позже вышел похожий по типу учебник А.В. Ефимова по Новой истории для более старших классов [14]. Этими пробными учебниками начиналось моделирование учебника современного типа, рассчитанного на активную познавательную деятельность школьников. Руководствуясь этими образцами и поисками, мы приступили к подготовке учебника для школ рабочей молодежи. Эта работа заняла у нас примерно год времени.

Летом 1961 г. Сергей Анатольевич приехал ко мне в Алупку, и мы «вбыструю» заканчивали подготовку учебника. Как всегда, оставались огрехи. Но учебник, наконец, был сверстан вручную и отправлен адресату на всесоюзный конкурс. Оставалось ждать результата.

В целом, наш учебник нельзя было назвать особо новаторским, но он (повторюсь) вполне вписывался в рамки нового поколения учебников истории. В нем не так много было авторского в основных подходах, но кое-что все-таки имелось. По содержанию это была попытка преодолеть европоцентризм в восприятии Средневековья как явления мировой истории. Поэтому появилось два параграфа, посвященных Америке и Африке в доколониальное время. Ранее материал о доколумбовой Америке включался в тему о начале колониальных захва-

тов и тем самым значимость ее самобытных цивилизаций невольно смазывалась. А о средневековой Африке вообще сведения в учебнике отсутствовали. В соответствующем параграфе нашего учебника нашлось место для христианской Эфиопии и для государств Западно-Сахарской Африки – Ганы и Мали. Это стремление расширить историко-географические представления о Средневековье проявилось и в расстановке акцентов в материалах по истории культуры. В дальнейшем в самый популярный школьный учебник по истории Средних веков Е. А. Агибаловой и Г. М. Донского был включен параграф, посвященный государствам и народам Африки и доколумбовой Америки [1].

Остановлюсь кратко и на основных составляющих методического аппарата. Вопросы к параграфам мы стремились связать с учебными текстами и всеми остальными компонентами методического аппарата. Как пример, приведу несколько заданий по теме «Создание централизованного Французского государства. Столетняя война». В их числе были такие: «1. Опишите по картине, изображающей битву при Креси, вооружение французских и английских воинов. 2. Покажите по карте рост королевского домена с XI по XV века. 3. Почему стало возможным объединение французских земель в XV в.?».

К каждому параграфу учебника были подобраны фрагменты из исторических источников, достоинством которых была их краткость. Большинство документальных текстов сопровождалось вопросами и заданиями, не просто рассчитанными на повторение фактов, а ориентированными на развитие исторического мышления.

Особо хотел бы отметить подбор учебных иллюстраций. На конкурс был отправлен не только список иллюстраций для учебника, но и французские образцы-открытки из цикла миниатюр «Времена года», украшавших «Великолепный часослов герцога Беррийского» (XV в.). Их мне прислал дядя Женя. В этом цикле миниатюр представлен календарь из 12 месяцев года с двумя сквозными изобразительными сюжетами: жизнь французской знати и крестьянская повседневность (сезонные сельскохозяйственные работы). Миниатюры в дальнейшем были использованы (без моего ведома) в оформлении учебника «История средних веков» Агибаловой и Донского. Но я все равно рад, что так получилось: мне известно, что многим ученикам рисунки запомнились, как запомнился раненый дротиком Спартак на обложке учебника Мишулина.

Из других составных частей методического аппарата учебника упомяну краткий исторический словарь и 44 вопроса для итогового повторения. А вот чем я горжусь до сих пор, так это тем, что хронологическая таблица включала всего-навсего обязательных 12 дат. Перегруженность датами имеет печальный результат: их начисто забывают. А ведь самый главный результат в хронологической грамотности учеников – это не удержание в памяти дат, а хронологическая ориентация, т.е. соотнесение событий с их историческим временем: в каком веке и в какую эпоху произошло событие, как оно синхронизируется с другими событиями.

1962 год был для меня рубежным и радостным. Наш с Сергеем Анатольевичем учебник получил поощрительную премию на конкурсе. Первая не досталась никому, а вторую присудили авторскому коллективу из Киева. Следует признать, что наш учебник был сыроват.

К этому времени я сдал в Крымпединституте кандидатский экзаме́н по философии и готовился к сдаче кандидатского экзамена по иностранному языку. Мне исполнялось 30 лет, и я расценивал это как свой последний шанс стать вузовским преподавателем и ученым. Это был не эмоциональный порыв, а давняя цель.

Но при Хрущеве были изменены правила поступления в аспирантуру. Надо было иметь после окончания вуза трехлетний стаж работы по специальности. Первую попытку я предпринял в 1957 г., когда, будучи в Москве, пытался установить связь с аспирантурой Института этнографии. Была согласована даже тема реферата по специальности. Этой темой стали караимы – немногочисленная, исповедовавшая иудаизм и говорившая на одном из тюркских языков этноконфессиональная группа, проживавшая в Крыму и на территории бывшего Великого Литовского княжества (Тракай, Луцк). Но с намеченной колеи – я уже упоминал об этом – меня выбила длительная болезнь.

Ободренный успехом на конкурсе, я решил поступать в аспирантуру по методике преподавания истории. Постепенно я заинтересовался педагогикой, начинал задумываться над вопросами предметного и общего преподавания. Как-то я написал в Министерство просвещения СССР письмо с предложением засчитывать при поступлении в вуз баллы за внеурочные успехи по предмету, соответствующему избираемой специальности (участие в предметных кружках; археологических, геологических и других экспедициях; конструировании, составлении коллекций, рефератов и т.п.). Ответ из Министерства я получил, и суть его заключалась в том, что вступительные экзамены

вполне обеспечивают качественный отбор абитуриентов. Больше я никогда в Министерство просвещения/образования не писал. А начисление абитуриентам баллов за достижения на конкурсах и участие в различных проектах сейчас стало составной частью критериев отбора в вузы.

Аспирантура по методике преподавания истории тогда имелась только в трех педагогических вузах: двух московских и ленинградском, герценовском. Я приобрел легкую туристическую путевку в Москву и решил прозондировать ситуацию.

С рукописью отмеченного премией учебника и имея два сданных кандидатских экзамена (по философии и немецкому языку) я приехал в Москву. Начал поиски возможной аспирантуры с визита к заведующему соответствующей кафедрой Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Петр Васильевич Гора принял меня без особого интереса и несколько формально. Узнав, что вместо реферата в аспирантуру я хотел представить учебник истории, он заявил: учебник – это еще не методика преподавания истории. Надо признаться, меня такое заявление удивило. Учебник требовал немало не только исторических, но и методических размышлений (о труде я уже не говорю: это не реферат написать). Тогда я еще не понимал, что в рамках одной специализации можно было заниматься самой разной проблематикой, и это важно учитывать при поступлении в аспирантуру.

Но еще больше огорчило меня признание Петра Васильевича, что у него уже есть желаемый претендент на место в очной аспирантуре. В дальнейшем у меня, уже московского доцента, сложились очень хорошие отношения с Петром Васильевичем, а в ту пору я был благодарен ему за правду о грустных перспективах поступления в аспирантуру возглавляемой им кафедры.

Следующим адресом был Московской областной педагогический институт имени Н. К. Крупской (МОПИ), ныне известный как Московский государственный областной университет (МГОУ). Найдя этот институт, я выяснил, что кафедрой методики преподавания истории заведует некто Василий Федорович Антонов. Никакого представления о нем я не имел, но попал на прием к нему в тот же день. За столом в кабинете проректора по научной работе (Антонов был не только зав. кафедрой, но и проректором) сидел молодежавый человек. Сидел не сгибаясь, с прямой спиной. Встретил заинтересованно. Расспрашивал, втягивал в разговор. То, что я соавтор учебника по истории,

ему понравилось. Предложение представить вместо положенного реферата текст учебника Антонов принял. В конце довольно длительной беседы с мужицкой простотой заявил, что я ему подхожу. Не скрыл он, правда, и того, что уже пригласил к себе в аспирантуру своего вузовского ученика, Василия Павловича Золотарева из Липецкого пединститута (где до перевода в Москву работал Василий Федорович). Честность в отношениях между людьми дорогого стоит.

Единственный предстоявший мне вступительный экзамен сдал по высшему уровню и имел самые высокие шансы быть принятым в аспирантуру. Но в очную аспирантуру было только одно место, второе пробить через министерство Василию Федоровичу не удавалось. Тогда будущий научный руководитель попросил меня добиться направления в целевую аспирантуру. Направление от Крымского педагогического института я получил благодаря ходатайству Сергея Анатольевича Секиринского. Оба этих человека, С. А. Секиринский и В. Ф. Антонов, на начальном этапе определили мой путь в науку и профессию.

Предстояло самое трудное. Очное обучение требовало расставания с недавно образовавшейся семьей и малолетним ребенком. Я, конечно, представлял возможные грустные последствия, но и отказаться от имманентного зова души не мог. С молодой супругой я переговорил, и согласие на жизнь врозь на время учебы было мне дано. Мотивацию эпизода с поступлением в аспирантуру я бы выразил в таком образе. Конь нетерпеливо бьет копытом и высекает искры из булыжника. Не успеешь – и он умчится к кому-то другому. А ты? А ты останешься проигравшим скачки. Иди – выбирай! А твое решение, если ты рискнешь, сулит прорыв в будущее...

Так сработал триггер – спусковым крючком стало получение премии на конкурсе учебников.

Московская аспирантура

Первым аспирантом Василия Федоровича по специальности «методика преподавания истории» был молодой человек Борис Фурманов, получивший образование в одном из белорусских вузов. Он разрабатывал тему использования аудиосредств в обучении истории и был составителем документальной аудиохрестоматии для старших классов по школьному курсу истории СССР. Диссертацию Фурманов так и не защитил и после

учебы в аспирантуре преподавал в Московском заочном педагогическом институте (МГЗПИ).

Василий Федорович в ту пору не имел особого опыта в выборе исследовательских тем по методике преподавания истории, хотя сам был незаурядным вузовским лектором. Начинать с аспирантов-неудачников было не в его стиле. Поэтому он тщательно готовился к последующему набору в аспирантуру и к определению тем кандидатских диссертаций. Перед ним стояла трудная задача выбора тем диссертационного исследования для двоих принятых на очное обучение аспирантов – В.П. Золотарева и меня. Мы оба поработали в школах (Василий Золотарев даже директором был) и, честно говоря, больше, чем Антонов, нахлебались и общешкольной педагогики, и предметной дидактики. Мы, провинциальные котятка, были наивны и не подготовлены к аспирантской премудрости. Но в то же время трезво мыслили в отношении поиска диссертабельной темы исследования.

На одной из наших встреч – Золотарева и меня – с Антоновым (встречи были регулярными) мы втроем пришли к коллективному заключению, что больше всего подошли бы темы по развитию историко-методической мысли, а поиск (здесь сказался интерес нашего научного руководителя к персоналиям) надо ориентировать на фигуры тех крупных историков, которые писали учебники. Несколько недель (кажется, не больше) рытья в библиотечных наносах и завалах нам понадобилось, чтобы остановиться на двух персоналиях: Н. И. Карееве и Н. А. Рожкове. Василию Павловичу (по выбору, одобренному Антоновым) достался Кареев, мне – Рожков. Замечу: темы распределил Василий Федорович, но выбор этих персоналий был сделан нами в ходе бесед в библиотеке имени В. И. Ленина. Обе темы стали сквозными в наших научных биографиях². В выборе тем ошибок не было допущено.

Жил я на протяжении трех аспирантских лет, с 1962 по 1965 гг. в общежитии, расположенном в 1-м Переведеновском переулке (ныне – просто Переведеновский пер.). В этом здании теперь размещается Институт лингвистики и межкультурной коммуникации (в составе МГОУ). В комнате, куда меня определили, проживало три аспиран-

² В. П. Золотарев защитил в 1992 г. диссертацию на соискание научной степени доктора исторических наук по теме «Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция» (СПбГУ). Мою монографию, в основе которой лежит кандидатская диссертация, см.: [12].

та (с учетом моей персоны). Все трое были великовозрастными для аспирантуры. Соломон Осятинский, ставший потом кандидатом физико-математических наук, отслужил в армии, окончил вуз и до поступления в аспирантуру работал вузовским преподавателем в Южно-Сахалинске. Николай Воробьев, выпускник Военно-лингвистического института, бывший офицер и будущий доктор педагогических наук, приехал из Благовещенска-на-Амуре. Все сокомнатники были нацелены на завершение диссертаций в положенные сроки.

Жили мы дружно, с пониманием и уважением относились друг к другу, сами убирали комнату, готовили еду. За все время совместного проживания никаких ссор и конфликтов. Раз в три дня каждый из нас вступал в дежурство по комнате: готовил и убирал. Еда была незатейливой: чаще всего вареный картофель с мясом в подливке, что заменяло первое и второе блюда. Так как я был неумейкой по части домашнего хозяйства, то мне зачастую заботливо помогал Соломон. В частности, он, подавая пример, учил меня даже такому простому делу, как мытье полов.

Последний год обучения в аспирантуре житейский состав нашей комнаты изменился. Соломон Осятинский женился и защитил диссертацию. Николай Воробьев стажировался в ГДР (он писал диссертацию о гедеэровской системе среднего профобразования). Моим сотоварищем по комнате стал Алексей Петрович Плотников из Тульского педагогического института. Как и я, он был женат. Но, в отличие от меня, имел не только преподавательский, но и армейский жизненный опыт. И Алексей Петрович, и его жена, Валентина Ильинична, с которой он меня позднее познакомил, заканчивали исторический факультет Тульского пединститута. С Алексеем мы, как говорится, сошлись на почве общих интересов, и наши отношения сохранились на годы – и когда я работал в Крыму, и когда стал москвичем.

Жил недолго с нами в одной комнате и еще один – не очень приятный – персонаж. О нем я не хочу даже вспоминать, замечу только, что после конфликта с Алексеем Петровичем он вынужден был куда-то перебраться. И это был единственный человек из всего аспирантского общежития, о котором нельзя даже спустя годы сказать ничего хорошего. Такие и еще похуже, бывает, встречаются на нашем жизненном пути.

Кухня на весь аспирантский этаж была общая. Туалет тоже общий, но, конечно, с индивидуальными кабинками. В кухне обычно всегда кто-нибудь был. Так сказать – это были совмещенные кухня

и клуб. Здесь аспиранты общались друг с другом. Из аспирантов тех лет по специальности «История» назову Алевтину Сергеевну Кузину, выпускницу МОПИ, проработавшую некоторое время учителем в Чечено-Ингушской автономной республике. Аспиранты из Узбекистана и Таджикистана образовывали небольшие землячества. Каждый день они готовили плов, в который закладывалось много моркови. Все они специализировались, главным образом, по молекулярной акустике. Обособленно также держались аспиранты из Азербайджана. Но все минисообщества, в целом, жили дружно.

Руководителем аспирантов-физиков, как правило, был профессор, физик-экспериментатор, Василий Федорович Ноздрев. Он же возглавлял наш областной педагогический институт с 1960 по 1974 годы. Василий Федорович увлекался поэзией, писал стихи, организовывал встречи с поэтами, был автором ряда стихотворных сборников. И в этом амплуа стал более известным среди студентов и аспирантов, нежели по своим тоже заслуживающим внимания научным достижениям³. Секретарем парткома МГОУ тогда был А.С.Городилов, бывший чекист, служивший в свое время в СМЕРШе и попавший в государственную опалу в связи с делом Л.П.Берия. В дальнейшем Александр Степанович длительное время возглавлял, будучи деканом, исторический факультет.

Во время моей учебы в аспирантуре деканом факультета была Ю.П.Балашова. Заведующим кафедрой истории СССР стал В.Т.Круть, сменивший умершего профессора А.И.Козаченко – кумира обучавшейся в аспирантуре Алевтины Кузиной. Самым авторитетным преподавателем кафедры истории СССР тогда, кроме В.Ф.Антонова, был А.С.Трофимов. На кафедре также работали доценты И.В.Дубровина и К.И.Антонова. Наиболее известными профессорами по всеобщей истории были А.С.Самойло, специалист по истории Англии, и Н.Ф.Колесницкий, специалист по средневековой истории Германии. Над докторской диссертацией на кафедре всеобщей истории работал Е.А.Кургинян, ставший в будущем заведующим кафедрой Новой и Новейшей истории.

Е.А.Кургинян и И.В.Дубровина были, так сказать, восходящими звездами факультета. Ирина Владимировна сменила на посту декана Юлию Петровну, Ерванд Амаякович стал секретарем партбюро факультета. Вместе они представляли слаженную пару гнедых, тянущих факультетскую колесницу, и были на редкость внимательны к студен-

³ В Интернете о В.Ф.Ноздреве как о поэте куда больше сведений, нежели как об ученом.

там. Алевтина Сергеевна Кузина (Сычева) в сборнике воспоминаний так характеризует Ерванда Амаяковича: «Е.А.Кургиняну можно было написать письмо из Чечни, попросив помочь с литературой, с трактовкой определенных исторических проблем. Занятой человек писал огромные письма, в которых давались ценные советы» [21, с.86].

Хотя аспиранты, как правило, активного участия в жизни исторического факультета не принимали, приходилось ходить на партсобрания, которые часто оставляли неприятный осадок. Он возникал после оглашения анонимных («подметных», по определению А.С.Кузиной) писем с поклепами на некоторых преподавателей. Протицируем выдержку из ее воспоминаний: «Когда в 1953 году мы пришли на факультет, до нас доходили сведения о доносах, подметных письмах. Ходили слухи, об этом говорил лично мне Кургинян Е.А., что одним из авторов был преподаватель Шевяков. Все это требует изучения, уточнения. Авторы подметных писем интересовало образование, семейное положение ведущих преподавателей факультета. Рослого, интеллигентного, с военной выправкой Козаченко А.И. приписали к белогвардейским офицерам. Всей своей жизнью он доказал преданность своему делу, воспитал целую плеяду ученых – честных, добросовестных. Создаваемая атмосфера и необходимость оправдаться отражалась на здоровье. В результате – рак. Интриги велись около интеллигентных преподавателей Самойло А.С., Крушкол Ю.С., Штейнберга Е.А. Никто из них не обозлился, не выливал грязь и желчь перед студентами, а учили добру, делу, профессионализму. Защитой, заслуном, служили активные позиции комсомольцев и партийной организации. На истфаке была очень сильная партийная организация, которую возглавлял Е.А.Кургинян» [21, с.86–87]. Что касается выступлений Шевякова на партсобраниях, которые действовали раздражающе на мои барабанные перепонки, то свое отношение к ним я уже выражал.

Мы мало общались с преподавателями других кафедр. По существу, аспиранты более или менее знали состав своей кафедры. Их диссертационные будни сводились либо к работе в библиотеке, либо к экспериментальной работе (физика, химия, биология). Если взять нашу комнату, то обычно с утра двое из нас уезжали в библиотеку, а один, как я уже об этом говорил, оставался на хозяйстве. Вечером – кто раньше, кто позже – являлись на спалье. И так изо дня в день. Телевизоров в комнатах не было, радио тоже. Газеты читали в библиотеке. О политике разговаривали редко. Не вспоминаю ни од-

ного конкретного разговора на политические темы. Вне аспирантской среды иногда такие сюжеты затрагивались.

Но политика всегда вторгалась в нашу жизнь. С 1 октября 1962 г. я был зачислен в аспирантуру, а 24 октября США начали военно-морскую блокаду Кубы. Разразился Карибский кризис. Но мы были мало информированы советскими СМИ о том, что мир находился в те дни на грани ядерной войны. Аспиранты проводили время в библиотеках и лабораториях и только после Карибского кризиса смогли осознать историческую значимость событий. Кроме советско-американских отношений, волновало и наращивание обострения в отношениях с КНР. Мао Цзедун проводил культурную революцию и обвинял руководителей КПСС в ревизионизме, была объявлена «Великая война идей между Китаем и СССР». От некоторых моих московских знакомых можно было даже услышать о грядущем военном столкновении двух крупнейших коммунистических держав. К сожалению, такое и случилось на острове Даманском в 1969 году. К снятию Хрущева с должности генсека многие отнеслись положительно. Помню, что когда я на следующий день приехал работать в библиотеку, ко мне подошел один из постоянных читателей, с которым у меня было шапочное знакомство, и возбужденно стал делиться со мной радостной новостью.

В культурную жизнь Москвы я полноценно не включался. Было много трудностей и забот. Одолевали меня две проблемы. Оставленная в Алупке семья и болезнь сына, которого после долгих мыканий удалось устроить в московскую Боткинскую больницу, где его все-таки поставили на ноги. И это была, в первую очередь, заслуга матери, Людмилы Андреевны. А вот в семье в силу разлуки сложились запутанные отношения.

Второй неотложной проблемой была необходимость помогать деньгами семье. Одним из источников пополнения моего скудного кошелька стали платные просветительские лекции по линии общества «Знание». В мою тематику входили, главным образом, самые ходовые лекции о международном положении. Часто они велись прямо на работе, в обеденный перерыв и, естественно, не отнимали много времени. Труженикам было обычно не до «происков мирового империализма». Вечерние лекции проводились иногда в клубах тех или иных предприятий и профсоюзов. Они обычно сочетались с какими-то культурными мероприятиями.

Все это требовало большого напряжения сил. Но я был молод и любил работать. Летом я еще успевал попасть на заочную сессию в Крымский



Мой сын Алик

педагогический институт, где подрабатывал преподавателем-почасовиком.

Как это ни покажется противоестественным, но в течение трех лет аспирантуры я мало пользовался культурными ресурсами столицы. Правда, приходилось бывать на поэтических вечерах в Политехническом музее. Евтушенко завораживал выразительным чтением стихов. В нем были сильны артистизм и обаяние. Вознесенский покорял художественной изощренностью своей поэзии. Одна моя знакомая называла его «воробышком». Изредка посещал встречи с разными, порой для меня случайными, писателями. Пришел к заключению, что быть неплохим писателем может и человек, не отличающийся высоким уровнем интеллектуальности. За все время аспирантуры не написал ни одной поэтической строчки.

На первом плане у меня всегда была диссертация. Диссертация давалась трудно. По существу, это была тройная работа: и по развитию

отечественной историко-методической мысли, и по истории исторической науки, и по политической биографии Рожкова. Немножко остановлюсь на трудностях. История исторической науки была для меня предметом неизвестным. Когда я учился в педагогическом институте, ее не было в вузовском учебном плане. И я решил: необходимо прослушать солидный вузовский курс по русской историографии. В МГУ я договорился с профессором Анатолием Михайловичем Сахаровым и прилежно посещал его лекции. Впоследствии он издал свой лекционный курс и попросил меня быть рецензентом [25].

Сложнее оказалось справиться с политической биографией Н. А. Рожкова. Дело в том, что он, будучи после Первой российской революции политическим ссыльным в Сибири, отошел от большевизма, с которым был связан в те революционные годы. В 1917 г. Рожков выступал с объединительных позиций, надеясь на сближение двух фракций РСДРП. Октябрьскую революцию он не принял, считая, что Россия не готова к социалистической революции по уровню массовой культуры (прежде всего, образования) и развитию капиталистических отношений. После Октября Рожков связал свою политическую судьбу с меньшевиками, был внесен в 1922 г. в списки высылаемых за границу противников советской власти («философский пароход»), но ходатайствовал об оставлении его в Советской России. В конечном счете после постановки вопроса о его судьбе на ряде заседаний Политбюро ЦК РКП(б) было принято решение о высылке опального историка в Псков. После смерти Ленина (опять-таки по решению на высшем партийном уровне) Рожков смог обосноваться в Москве и умер в 1927 г. на посту директора Государственного исторического музея.

В связи с политическим прошлым Н. А. Рожкова мне пришлось работать с литературой в закрытом фонде Ленинской библиотеки. Это очень расширило профессиональный политический кругозор. Интерес к меньшевизму прочно засел в моей голове. Но в то же время личность В. И. Ленина, хотя и воспринималась уже не как идеал, но, пожалуй, восхищала своей политической мощью – как интеллектуальной, так и волевой.

Фигура Рожкова была очень неподходящей для темы кандидатской диссертации. И надо отдать должное смелости и твердости Василия Федоровича: он не побоялся дать такую тему аспиранту. Правда, тема утверждалась после XX съезда КПСС. И тем не менее (о чем я скажу позднее) без идеологических наскоков с политическим уклоном дело все же не обошлось.

Работа над творческим наследием Н. А. Рожкова свела меня с его второй супругой, доктором исторических наук Марией Константиновной Рожковой, которая работала в Институте истории АН СССР. Наше знакомство состоялось, когда я уже закончил рукопись диссертации. Мария Константиновна, испытывавшая все трудности «жены меньшевика», вначале проявляла в общении большую осторожность, но все же позже допустила к некоторым сохранившимся у нее бумагам, которые сейчас хранятся в рукописном отделе РГБ. Практически в диссертации они не были использованы. Мария Константиновна была приглашена Антоновым на мою защиту и присутствовала на ней. Доверием ко мне она прониклась уже после защиты диссертации.

В самом начале 1965 г. в «Ученых записках» МОПИ была напечатана моя довольно большая статья об историко-методическом наследии Н. А. Рожкова [13], а диссертация была рекомендована к защите на заседании кафедры, в конце 1964/65 учебного года. Тогда же был напечатан и разослан автореферат диссертации. Диссертационный совет состоялся 4 ноября 1965 г., когда я уже приступил к работе в должности старшего преподавателя Крымского педагогического института. На защиту в Москву я приехал из Симферополя. Вместе со мной в тот же день проходила и защита моего сокомнатника по общежитию, Алексея Плотникова.

Диссертация получилась трехслойная (Рожков как историк, педагог, политик), все время увеличивалась и обернулась 313 страницами текста, без учета списка источников и литературы. В какой-то мере я перехватил исследовательскую эстафету, прерванную в начале 1930-х гг., поскольку после смерти Николая Александровича никто фундаментально его научной биографией и творческим наследием не занимался. А за прошедшее время многое в общественной атмосфере и развитии исторической науки изменилось. Предстояло сделать нелегкий стартовый (в известном смысле для советской исторической науки после XX съезда КПСС) и финальный (в смысле получения ученой степени) для меня шаг.

Мои оппонентами были доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Валентин Николаевич Бочкарев и кандидат исторических наук, доцент Исаак Яковлевич Лернер. Оба оппонента были фигурами примечательными в научной и учительской среде профессиональных историков. В. Н. Бочкарев, как и Н. А. Рожков, был учеником В. О. Ключевского, специализировался по истории русского Севера. В 1915 г. Бочкарев стал приват-доцентом

Московского университета, а в 1917 г. профессором. Некоторое время он был членом кадетской партии, что не раз в советское время ставили ему в вину. В тяжелый для историков 1930 г., когда по сфабрикованному так называемому «Академическому делу» привлекли более 100 ученых и краеведов, арестовали и В.Н.Бочкарева. Суд приговорил его к трем годам ссылки. Послевоенным местом работы Валентина Николаевича был Коломенский педагогический институт, где он заведовал кафедрой истории, им же созданной. В пору моей диссертационной защиты он почти ничего не видел, пришлось приходить к нему домой и читать вслух диссертацию. Не могу не отметить, что он выслушал все содержание диссертации от начала до конца и сам продиктовал отзыв. Таковы были его добросовестность и ответственность. В кулуарах (кто с ехидцей, а кто ради красного словца) поговаривали: кадет защищает меньшевика. Я, конечно, узнал об этом только после защиты. Моими оппонентами были ученые объективные и требовательные.

И.Я.Лернер первоначально специализировался как медиевист, кандидатскую диссертацию он защитил в 1948 г., вернувшись с фронтов Великой Отечественной войны. Но в 1950 г. был осужден на 5 лет лагерей за антисоветскую пропаганду. Разумеется, после XX съезда КПСС был реабилитирован, но длительное время переходил с работы на работу, пока не устроился в один из НИИ Академии педагогических наук. Позже И.Я.Лернер стал известным методистом-историком, доктором педагогических наук, академиком РАО, заслуженным деятелем науки РСФСР.

С оппонентами мне очень повезло. Но защита прошла не без скандала. Преподаватель МОПИ доцент Ю.П.Аксенов был «обижен» В.Ф.Антоновым и решил сорвать обиду на соискателе. Им оказался я. Уже в ходе защиты Аксенов стал сбивать меня репликами с места, а когда дело дошло до вопросов, затеял провокацию (иначе это не назовешь). Он задал «убийственный» вопрос: «Как можно положительно оценивать Рожкова, если тот был меньшевиком?» Это был удар «ниже пояса». Диссовет замер. Но к ответу на коварный вопрос недоброжелателя я был готов. Суть ответа заключалась в разделении научного и преподавательского значения деятельности, с одной стороны, и политической позиции историка, с другой. После тайного голосования, во время подсчета голосов, ко мне подошел Исаак Яковлевич и тихо сказал, что один–два голоса «против» ничего не решают. Однако результат голосования был неожиданным: все члены

диссертационного совета проголосовали «за». «Оттепель» в стране все же давала о себе знать. А люди – они, ведь, разные. Некоторые из них, сводя счеты друг с другом, больно затрагивают чужие судьбы, не задумываясь над этим. Определенную роль могло сыграть и присутствие на защите Марии Константиновны Рожковой, доктора исторических наук, сотрудника академического Института истории СССР, о чем еще в начале заседания диссертационного совета объявил Василий Федорович. Больше всего я ему обязан аспирантурой, в которую он меня принял, и диссертацией, научным руководителем которой он был.

Штрихи к портретам.
Василий Федорович Антонов

О роли Василия Федоровича в моей жизни я раньше упоминал в своих публикациях, но на этот раз хочу написать подробнее.

Василий Федорович в годы моей аспирантуры был един в трех лицах: проректор МОПИ по научной работе, зав. кафедрой методики преподавания истории и преподаватель кафедры истории СССР. По отношению к аспирантам, да и вообще по отношению ко всем, кто к нему обращался, Антонов был человеком демократичным. Он в высокой степени обладал самоуважением, чувством достоинства, с вниманием относился к вузовским сотрудникам и аспирантам. Эти и другие черты его личности отражены в воспоминаниях бывших аспирантов, в том числе и моих (см.: [10]).

Тогда, в свои первые мопийские годы, Василий Федорович работал над докторской диссертацией об исторической концепции П.Л.Лаврова⁴. И был увлечен этим исследованием. В те же годы он удивительно быстро написал обобщающую работу «Революционное народничество» [7]. Буквально за несколько лет Антонов стал заметной фигурой среди историков русского народничества. А это были известные в научных кругах имена! И Антонов заслужил место в их ряду свежестью, неординарностью и четкостью своих суждений.

Как ученого-исследователя его отличала самостоятельность мысли, научная смелость, принципиальность в отстаивании своих и других разделяемых им взглядов⁵. Особенно это проявлялось в его последних работах, посвященных «иконам» советской историографии револю-

⁴Докторская диссертация защищена В.Ф.Антоновым в 1969 г. в Московском государственном педагогическом институте им. В.И.Ленина.

⁵Более подробно о работе В.Ф.Антонова в МОПИ см.: [11].

ционно-демократической общественной мысли [8; 2; 9]. В день моего 70-летия В.Ф. Антонов подарил мне две книги, только-только тогда изданные. Книги были названы вызывающе и нарочито провоцирующе: «А.И. Герцен. Общественный идеал анархиста» и «Н.Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста». В опубликованных воспоминаниях об В.Ф. Антонове я уже писал об этом. Но сейчас дополнительно подчеркну, что его со времени погружения в историческую концепцию П.Л. Лаврова глубоко интересовала (и даже более того – лично волновала) проблема общественных идеалов в русской историко-философской мысли. В осознании этих идеалов Василий Федорович ощущал связь истории с современностью. Он искал, анализировал и выявлял в размышлениях Лаврова, Герцена, Чернышевского об исторических путях России возможные компоненты социалистического будущего, как реалистически конструктивные, так и утопически несостоятельные. Вектор историографических поисков стал особенно актуальным в первое постсоветское десятилетие, когда остро встал вопрос о научном объяснении идейного и политического провала советского социализма и требовалось определить отношение к социалистическим идеям, как марксистским, так и немарксистским.

Были ли народнические мыслители эволюционно настроенными или звавшими «к топору» анархистами, пусть каждый сам определяет свою точку зрения. А может (я так полагаю) они просто реагировали на возникавшие и меняющиеся исторические ситуации, сохраняя при этом веру в свои общественные идеалы и в свои представления о будущем.

Е.Л. Рудницкая, известный специалист по истории русской общественной мысли XIX в., как-то применительно к размышлениям А.И. Герцена заметила: «Для него было очевидным, что никакая революция свободы дать не может, пока нет тех, кому эта свобода нужна. И к концу жизни он задается вопросом, если произойдет революция, установится новый строй, станет ли лучше?» [23, с.293].

Остро реагировал на исторические ситуации, совпавшие с периодом его жизни, и Василий Федорович. В нем было что-то, на мой взгляд, от героев его публикаций-персоналий – и в мировоззрении, и в характере (какая-то «несгибаемость», – по определению его ученика, доктора исторических наук В.В. Зверева, – в убеждениях и нравственной позиции). Об этих эмоциональных и интеллектуальных переживаниях Васи-

лия Федоровича свидетельствуют записи в дневниках, которые велись с 1951 по 2006 годы⁶.

Не случайно Антонов менял места своей педагогической деятельности. Похоже, он при всех достоинствах был «трудным орешком» для сослуживцев из-за своей принципиальности. Так, после защиты докторской диссертации он отработал «девятилетку» (с 1971 по 1980 г.) в Университете дружбы народов. В 1980–1982 гг. вернулся ненадолго заведующим кафедрой в МОПИ. Последним местом его допенсионной преподавательской работы (в 1982–1990 гг.) стал Московский педагогический государственный университет (МПГУ).

Проявлял В.Ф.Антонов также интерес и к школьному преподаванию истории. Им была подготовлена «Книга для чтения по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.», выходявшая тремя изданиями [3; 4; 6]. В 1987 г. это пособие для учащихся было переведено на молдавский язык [5].

После падения и разрушения СССР (когда в стране повторилась государственная трагедия, к счастью, не столь кровавая, как в 1917 г.) В.Ф.Антонов принимал активное участие в научной и общественной жизни в рядах поборников «нового строя» (уже не социалистического). Примечательно, что на почве расхождения во взглядах Василий Федорович заглушил многолетнюю переписку со своим бывшим учеником Василием Павловичем Золотаревым, профессором Сыктывкарского госуниверситета им. Питирима Сорокина. Расхождения во взглядах на события в СССР/России у Василия Федоровича имелись и с другими его учениками. Все они были в одном ключе – в отношении к прошлому и к пришедшему ему на смену «новоделу». В письме, написанном автору этих воспоминаний и датированном ноябрем 1996 г., А.В.Шестаков пишет: «Вас.Федоровичу стараюсь писать. Наши политические разногласия – не помеха к сохранению прежних отношений к учителю». Прочитирую также выдержку из письма А.В.Шестакова ко мне от 19 января 1997 г., дающую представление о сути расхождений: «Я очень давно ничего не писал Василию Федоровичу... Я почувствовал, он чуть ли не восторженный поклонник ельцинско-чубайсковских деяний. В этом отношении мы оказались на разных позициях. Ему кажется, что приметно улучшилось благосостояние людей. Можно решительно все купить,

⁶Небольшие их фрагменты опубликованы в сборнике воспоминаний и статей, посвященном памяти В.Ф.Антонова [10, с.7–12] и моей статье в «Вестнике МГОУ» [11]. Надеюсь на их введение в научный оборот в будущем.

приобрести, найти. Все это по меркам, приложимым к собственному состоянию. Сколько я знаю, он и раньше не жил плохо, не в нужде. Теперь же при семье "в два профессора", конечно, можно считать многое доступным. В нашем очень богатом по своим природным возможностям Алтайском крае жизнь стала несравненно более тяжелой, чем раньше. В 1996 году особенно. Более 50% предприятий в Барнауле не работают. Тысячи людей не получают зарплату до полугода. Во втором полугодии мы с Катей не получали пенсию 4 месяца. Потом за два месяца задолженность погасили (в пору выборной кампании), а сейчас вот вновь три месяца не выдают ни рубля.

Одной из общественных инициатив, осуществлению которой Антонов отдал немало сил и времени, была попытка организации свободного от государственной опеки самоуправляемого Исторического общества. Это общество он хотел создать на базе Публичной исторической библиотеки в Москве. Василий Федорович активно вербовал сторонников своей идеи, однако ее реализация, насколько я знаю, дальше первичных шагов не продвинулась. По словам профессора



Собрание сторонников создания вольного Исторического общества.

В центре фотографии (второй ряд) в светлом пиджаке В.Ф.Антонов, справа от него В.В.Журавлев, за ним виднеется (выглядывает) В.В.Зверев.

В первом ряду сидят: второй слева Б.С.Итенберг, за ним (последовательно) – Д.И.Олейников, А.В.Шубин, Т.В.Антонова, В.В.Шелохаев. Из личного архива В.В.Зверева

В. В. Зверева, В. Ф. Антонов сначала обсуждал вопрос о создании общества в узком кругу, затем вынес его на обсуждение примерно двух десятков историков, в те годы преимущественно молодых людей. Но на этом учредительном заседании дело и закончилось.

Наши отношения «учитель–ученик» продолжались, можно сказать, с момента моей аспирантуры вплоть до смерти Василия Федоровича. Особенно часто мы встречались, когда я перебрался из Симферополя в Москву. Тогда я жил в Бабушкинском районе Москвы по ул. Тайнинской, а Василий Федорович – в том же районе по ул. Ленской. Даже вместе ходили в лес по грибы. Но основной круг приятелей Василия Федоровича включал людей его поколения. Одним из них был Анатолий Васильевич Ушаков, заведующий кафедрой истории СССР в Московском заочном педагогическом институте, хотя, замечу, он был человеком несколько иного склада, чем Василий Федорович.

Не ведаю, какое место занимал я в мыслях и чувствах Василия Федоровича, но в моей жизни он прочно занял место Учителя.

Анатолий Шестаков

Какие только не бывают соискатели ученых степеней! Бывает и такое, что соискатель ученой степени кандидата наук оказывается старше своего научного руководителя. Анатолий Васильевич Шестаков был на пять лет старше Василия Федоровича Антонова. Он родился в январе 1914 г., в год, когда «последний самодержец» в ряду династии Романовых, вступив в войну с кайзеровской Германией, оборвал на экономическом подъеме путь России в светлое будущее, по прогнозу великого ученого Дмитрия Менделеева (книга «К познанию России») [22].

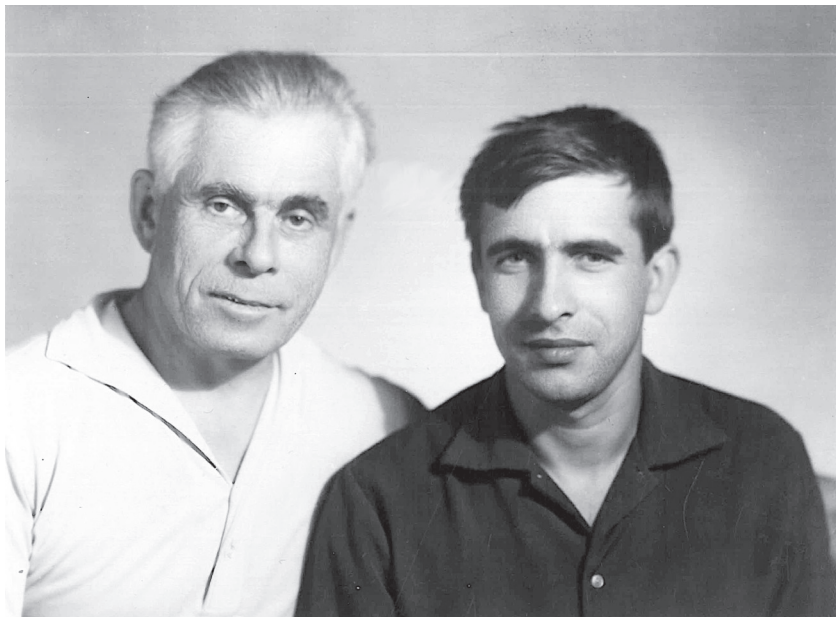
Анатолий Васильевич прожил 103 года. На 100-летнем юбилее, который отмечался в Барнаульском университете, его называли «человеком-эпохой». Но дело не в прожитых годах, а в том, кем ты был в годы своей жизни и кем был для окружавших тебя людей.

После окончания педучилища Анатолия Шестакова направили учителем начальных классов в селение Парабель, Томской области. Это селение, с субарктическим климатом, на реке Оби в прошлом (и в имперские, и в советские времена) было известно как место ссылки. Там юноша познакомился с такой же молодой преподавательницей Катей и создал семью на всю жизнь, что не всякому дано.

В 1939 г. Анатолий был призван в Красную армию и определен на службу в одну из дальневосточных воинских пограничных частей. В ней он пробыл вплоть до начала войны с Японией. Пройдя с боями Манчжурию, Анатолий оказался то ли в Порт-Артуре, то ли в Даляне, откуда и демобилизовался. Вернувшись в Западную Сибирь, Анатолий вместе с Катей переехал в алтайский Бийск, где он сначала окончил заочное отделение по подготовке учителей истории для семилетней школы, а позже также заочно завершил свое высшее педагогическое образование и даже стал преподавателем Бийского педагогического института.

Наши дружеские отношения с Анатолием Васильевичем Шестаковым, командированным на год Бийским педагогическим институтом в качестве соискателя в МОПИ, установились в мой последний год обучения в аспирантуре. Он был намного старше меня, но нас роднила любовь к художественной литературе и работа по ее использованию в преподавании истории.

К тому времени я в соавторстве с Сергеем Анатольевичем Секиринским закончил работу над пособием для учителей «Художественно-ис-



А.В.Шестаков (слева) и О.В.Волобуев. Бийск, Алтайский край. Август 1966 г.

торическая хрестоматия. Средние века». Хрестоматия вышла в 1965 г. в издательстве «Просвещение» тиражом 36 тыс. экземпляров [24]⁷. Наряду с защитой диссертации выход хрестоматии был еще одним драгоценным (в смысле дорогим для меня) камнем в достижениях памятного для меня года.

Выяснилось, что аналогичный замысел по истории Древнего мира был у Анатолия Васильевича. Потихоньку мы начали сотрудничество по подготовке этой новой хрестоматии. Закончена работа над ней была уже после защиты наших кандидатских диссертаций.

Летом 1966 г., отработав свой первый учебный год в вузе, я по приглашению Анатолия Васильевича решил совершить дальнюю поездку к нему в Бийск. Целью делового свидания было доведение рукописи хрестоматии до издательского стандарта. Дорога поездом на Алтай запомнилась тем, что в азиатской части СССР на протяжении всей степной полосы на железнодорожных станциях нельзя было купить ничего съестного. В отличие от голодавших попутчиков по купе, у меня оказался совершенно случайно купленный в Москве довольно весомый пакет соленых маслин. Традиционный в советских поездах чай в стаканах с металлическим подстаканником всегда можно было получить вместе с печеньем у проводников. Я привычно пил чай с маслинами. Пробовал угощать маслинами и попутчиков, но они после пробы отказывались от горьких маслин, удивляясь тому, как я могу их есть, да еще со сладким чаем. Маслины как экзотику я до Бийска так и не довез.

В Бийске я познакомился с семьей Анатолия Васильевича, с его женой Екатериной (Катей). Она сделала все, чтобы мы смогли проделать основную работу над хрестоматией. В заключение мы совершили вояж по Чуйскому тракту. Начало было таким. В разговоре кто-то из бийчан случайно сказал: «Да от нас недалеко до Монголии». «Сколько километров?» – поинтересовался я. Ответ был неожиданным: «Где-то шестьсот». «Недалеко» и 600 км – другое, неевропейское понимание расстояний.

Несмотря на длительность пути, я дал согласие Анатолию, когда он стал меня соблазнять, на совместное путешествие по Чуйскому тракту. До границы с Монголией мы не доехали, а добрались только до Онгудая – села, расположенного примерно в 300 км от Бийска. В основном ехали на машинах-попутках. Как поется в песне, «есть

⁷ Вторым, переработанным и дополненным, изданием хрестоматия вышла через 12 лет, тиражом 100 тыс. экземпляров. См.: [26].

по Чуйскому тракту дорога, много ездит по ней шоферов». И опять, как в той же известной песне: «шла дорога увал за увалом, под обрывом шумела река». И мы, сидя в очередной попутке, проскакивали под уходящими вверх скалами и бурлящей внизу белой пеной рекой Катунью. Эти узкие места тракта, врубленные в скальные массивы (или вырубленные из них), называются «бомами». Порой приходилось ехать по настилу, положенному на каком-то чудом вбитые в скальную породу бревна. Подобное расширение полотна тракта тогда, в 1960-е годы, еще сохранялось. Сейчас Чуйский тракт уже преимущественно не грунтовая дорога, как это было в середине 1960-х, а относительно выпрямленное, с мостами, и достаточно широкое для проезда встречных машин шоссе.

Сверху, с дороги, были видны стада крупного рогатого скота, которых перегоняли на Бийский мясокомбинат конные пастухи. Пастухи ассоциировались у меня с южноамериканскими гаучо. В коровьих стадах встречались яки, которых на Алтае называют «сарлыками», и хайнаки – гибриды коров и высокогорных яков (их тоже часто причисляли к сарлыкам). Они крупнее коров и быков, отличаются от них внешним видом, своего рода шерстяной «юбкой», свешивающейся с нижней части туловища, и хвостом, напоминающим конский.

Нельзя было не обратить внимания на то, что в семейных дворах некоторых селений часто рядом с европейской избой стояли юрты. Анатолий мне пояснил, что зимой сельчане живут в домах, а летом предпочитают жить в юртах. И как тут было не вспомнить стихотворение моего любимого Бо Цзюй-и «Голубая юрта». Великий китайский поэт воспевает юрту, в которую входит милее, чем в дом. В юрте нет ни застенок, ни углов, в ней просторно и спится крепко на душистом сене. Дом и юрта – их сочетание в современном быту все равно, что сосуществование мотоснегохода и тысячелетних лыж: одно другому не помеха.

С Анатолием работалось весело. Он был тактичен и всегда находил нужные слова и для текста, и для общения, и для погашения споров и конфликтов. Поэтому хрестоматия по истории Древнего мира удалась [17]. Закончена работа над ней была уже после защиты наших кандидатских диссертаций. Обе хрестоматии с моим участием (по истории Средних веков и по истории Древнего мира) издавались дважды, так как пользовались большим спросом. Не случайно эти книги в дальнейшем были переведены на армянский язык и изданы в Ереване.

За все годы нашего общения я, кроме аспирантского учебного года, встречался с Анатолием Васильевичем всего трижды: когда был в Алтайском крае (о чем уже писал), когда Анатолий на пути к проживавшему в Минске сыну останавливался у меня в Москве, и когда я приехал на Алтай с лекциями для учителей от издательства «Дрофа».

Анатолий был незаменимым товарищем. Невысокого роста, но не обделенный здоровьем, Анатолий, – создавалось впечатление, – никогда не уставал и не мог сидеть без дела. Он был незаменим на праздничных встречах и дружеских вечеринках. Мог произнести нестандартный тост и прочесть поэтический экспромт.

Обладал Анатолий сильно выраженным чувством юмора, наиболее ярко выраженным в поэтических пробах его пера. Приведу несколько стихотворений, отложившихся в письмах ко мне:

*Эх, седина, седина.
Старости дружные всходы!
Как ни проснусь – серебра
В прядях все больше и больше. (23.03.1980)*

Стихотворения, посвященные жене Анатолия, Екатерине:

Бог подарил...
*Бог подарил мужчине Даму –
Хозяйку Дома и огня.
Он Еву сотворил Адаму...
Чуть позже Катю...
Для меня.
Живу. Седею понемногу –
И пью за Катю.
Слава Богу!*

Рай в шалаше
*Мой друг! Мы к старости пришли.
Сдают сердца и нервы.
Но в беспредельный путь с Земли
Уйти мне должно первым.
Благоразумно говорю:
В космической бездонности
Я подыщу шалаш в раю,
Чтоб избежать бездонности (1995)*

Анатолий думал, что «в беспредельный путь с Земли уйти мне должно первым». Но первой ушла «в беспредельный путь» его Катя. В письме от 10 января 1997 г. Анатолий писал: «Тяжелы были страдания, велико самообладание и волевая выдержка, а также желание ОДОЛЕТЬ (выделено А.Ш. – *О.В.*) болезнь. Почти год она стойко воевала с необоримым недугом». Да, у Екатерины Шестаковой был сибирский, кержацкий характер, опирающийся на принципы «жить по правде» и со стоицизмом относиться к жизненным невзгодам. В этом отношении супруги были достойны друг друга.

О состоянии/горе Анатолия Васильевича можно судить по еще одной выдержке из того же письма: «До сих пор (16 января уже будет 40 дней) живу с ощущением, что число окружающих и известных мне людей сильно поредело, а мое собственное существование в значительной мере утратило здравый смысл... Жизнь идет своим чередом... Мне думается, что я еще не осознал вполне и предельно всей величины потери. Она, конечно, невозполнима. Вместе с Катюшкой мы прожили более 60 лет. Скажу, не впадая в преувеличение, все эти годы мы были очень нужны друг другу. В этом смысле мы, право, были счастливы».

После ухода в мир иной своей, как говорят, «половины» Анатолий Васильевич прожил еще два десятилетия и умер в 2017 году. На его отмеченном ранее 100-летнем юбилее декан исторического факультета Алтайского университета, доктор исторических наук, профессор Евгений Демчик произнес трогательные слова: «Мне посчастливилось учиться у Шестакова. Это удивительный человек. На лекции он приносил мешки с редчайшими книгами из собственной библиотеки и раздавал каждому студенту. Призывал нас читать не только историю, но и литературу, чтобы не просто запоминать даты, а чувствовать душу эпохи. После его занятий все выходило одухотворенными» [15]. И я не могу не присоединиться к этой оценке, в которой для меня главное «удивительный человек». Я бы даже усилил ее старинным русским определением «дивный человек».

Библиографический список

1. Агибалова Е.В., Донской Г.М. История средних веков: Учебник для 6–7 классов. М.: Учпедгиз, 1961. 272 с.
2. Антонов В.Ф. А.И.Герцен. Общественный идеал анархиста. Изд. 3-е, доп. М.: URSS, 2017. 158 с.
3. Антонов В.Ф. Книга для чтения по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века: 7 кл. М.: Просвещение. 1976. 224 с.
4. Антонов В.Ф. Книга для чтения по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века: 7 кл. Пособие для учащихся. Изд. 2-е, дораб. М.: Просвещение, 1984. 208 с.
5. Антонов В.Ф. Книга для чтения по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века: 7 кл. Пособие для учащихся [пер. с рус.]. Кишинев: Лумина, 1987. 227 с.
6. Антонов В.Ф. Книга для чтения по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века. Пособие для учащихся 7-го класса средней школы. Изд. 3-е, перераб. и доп. 1988. 238 с.
7. Антонов В.Ф. Революционное народничество: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1965. 266 с.
8. Антонов В.Ф. Революционное творчество П.Л.Лаврова. Саратов: изд-во СГУ, 1984. 173 с.
9. Антонов В.Ф. Чернышевский Н.Г. Общественный идеал анархиста. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 198 с.
10. Василий Федорович Антонов. Памяти учителя. Воспоминания и статьи. М.: РУДН, 2015. 235 с.
11. Волобуев О.В. Василий Федорович Антонов. К 100-летию со дня рождения // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2019. №1. С.6–13.
12. Волобуев О.В. Н.А.Рожков: историк и общественный деятель. М.: Собрание, 2012. 319 с.
13. Волобуев О.В. Н.А.Рожков – методист-историк // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К.Крупской. Т.СХХI. Исторический факультет. Вып.5. М.: МОПИ им. Н.К.Крупской, 1965. С.254–293.
14. Ефимов А.В. Новая история: Пробный учебник для средней школы. Ч. 1: [VIII класс]. М.: Учпедгиз, 1960. 304 с.
15. Золотой век Шестакова // Алтайская правда. 2014. 29 января. – Электронный ресурс. – URL: [https:// www.ap22.ru/paper/paper_11442.html](https://www.ap22.ru/paper/paper_11442.html) (дата обращения – 2.12.2022).
16. История древнего мира: Учебник для 5–6-го классов сред. школы / Под ред. проф. А.В.Мишулина. Изд. 12-е. М.: Учпедгиз, 1953. 256 с.

17. История древнего мира в художественно-исторических образах: хрестоматия. Пособие для учителя / Сост.: О.В.Волобуев, А.В.Шестаков. М.: Просвещение, 1968. 278 с. (изд. 2-е, доп. М.: Просвещение, 1978. 224 с.).
18. Ковалев С.И. История древнего мира: Учебник для 5–6-го классов сред. школы. Изд. 3-е. М.: Учпедгиз, 1956. 176 с.
19. Коровкин Ф.П. Вопросы научно-методического обоснования учебника истории древнего мира в средней школе. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. 192 с. (Известия Акад. пед. наук РСФСР. Вып.112. Труды Ин-та методов обучения).
20. Косминский Е.А. История средних веков. Учебник для 6–7-х классов сред. школы. Изд. 7-е. М.: Учпедгиз. 1960. 190 с.
21. Кузина А.С. Наш дом и о тех, кто его создавал // Истфак МОПИ-МГОУ – Alma Mater: Воспоминания и статьи. Сборник посвящен 90-летию МОПИ-МПУ-МГОУ. М.: МГОУ, 2021. С.82–88.
22. Менделеев Д.И. К познанию России. СПб.: типо-лит. М.П.Фроловой, 1906. 122 с.
23. «Одна, но пламенная страсть» (интервью Е.Л.Рудницкой корреспонденту журнала «Знание – сила» Г.Бельской в 2000 г.) // Путь историка. Сборник статей памяти доктора исторических наук Евгении Львовны Рудницкой / Отв. ред. И.В.Ружицкая. М.: ИРИ РАН, 2022. С.281–293.
24. По морю памяти. Вольф Мессинг // URL: <https://yurayakunin.livejournal.com/14113884.html> (дата обращения – 2.12.2022).
25. Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период: Учебное пособие. М.: Высшая школа. 1978. 256 с.
26. Художественно-историческая хрестоматия. Средние века. Пособие для учителя / Сост. О.В.Волобуев, С.А.Секиринский. М.: Просвещение, 1965. 239 с.
27. Художественно-историческая хрестоматия. Средние века. Пособие для учителя / Сост. О.В.Волобуев, С.А.Секиринский. Изд. 2-е, доп. М.: Просвещение, 1977. 239 с.

Все можно сделать штыками,
но усидеть на них нельзя.

Эмиль Жиранден

Террор, возведенный
в систему, есть признак
слабости и выражение
страха.

Джузеппе Мадзини





Игорь Татаринов

**ОККУПАЦИОННЫЕ
ОРГАНЫ ВЛАСТИ НА
ДОНБАССЕ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

**(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ ЛНР)**

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК

94(470)+94(477) «1941/45»

В статье автор затрагивает ряд вопросов, связанных с функционированием оккупационных органов власти на Донбассе в годы Великой Отечественной войны. В основу статьи легли неизвестные и малоизвестные научной общественности документы, хранящиеся в архивных учреждениях Луганской Народной Республики, часть из которых вводится в научный оборот впервые. Автор подчеркивает, что немецко-фашистские захватчики сформировали разветвленную структуру оккупационных органов власти и управления. Автор акцентирует внимание на том, что главной целью оккупационной политики врага было планомерное уничтожение населения и ограбление природных и материальных ресурсов Донбасса.

In the article, the author touches a number of issues related to the functioning of the occupation authorities in the Donbass during the Great Patriotic War. The article is based on unknown documents to the scientific community, stored in archival institutions of the Lugansk People's Republic, which are introduced into scientific circulation at the first time. The author emphasizes that the Nazi invaders formed a wide structure of the occupation authorities and administration. The author focuses on the fact that the main goal of the occupation policy of the enemy was the systematic destruction of the population and the robbery of the natural and material resources of Donbass.

Ключевые слова: УССР; СССР; Третий Рейх; Донбасс; Великая Отечественная война; оккупация; каратели; военная комендатура; коллаборационисты.

Key words: Ukrainian SSR; USSR; Third Reich; Donbass; The Great Patriotic War; occupation, punishers; military commandant's office; collaborators.

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Краткая историография вопроса

В отечественной истории события, связанные с Великой Отечественной войной, всегда будут занимать важное место. Рядом с героическими

страницами подвигов на фронтах этой долгой и кровопролитной войны, унесшей жизни десятков миллионов советских граждан, стоит титанический труд тружеников тыла и подвиги советских патриотов, сражавшихся с врагом на временно оккупированных территориях. Немецко-фашистские захватчики сформировали в ряде занятых районов СССР собственные органы власти и управления, главная цель которых состояла в уничтожении мирного советского населения и организации системы бесперебойного ограбления человеческих и материальных ресурсов.

В советской историографии этот период представлен довольно подробно, причем имеются работы как обобщающего характера [11–12], так и различные документальные сборники [13–14], авторы статей в которых рассматривали организацию и функционирование оккупационных органов власти на Украине в годы Великой Отечественной войны. Однако Донбасс был представлен в этих работах фрагментарно, исключительно в общем контексте, при этом авторы не касались подробностей действий разветвленной структуры оккупационных органов власти и управления и практически не выясняли различий в деятельности многочисленных карательных органов врага.

В связи с открытием и рассекречиванием ряда важных документов, после 1991 года стали выходить работы, которые более подробно осветили исследуемую тему. В них был сделан акцент на ряде особенностей работы и структуре оккупационных органов власти и управления, на причинах и формах коллаборационизма, а также на сопротивлении врагу на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны. Здесь следует отметить вклад таких исследователей, как М.И.Семиряга [16], Б.Н.Ковалев [10], С.И.Дробязко [8–9], В.Ф.Семиряга [17; 23], довольно подробно осветивших ряд вопросов, связанных с функционированием оккупационных органов власти в годы Великой Отечественной войны на захваченных советских территориях. Отметим также некоторые работы донбасских исследователей [18–19; 21–22].

В то же время следует признать, что, несмотря на довольно весомый историографический массив, большинство работ весьма фрагментарно анализируют особенности создания и функционирования оккупационных органов власти и деятельность карательных структур в годы Вели-

кой Отечественной войны непосредственно на территории Ворошиловградской области. Как известно, она была освобождена большей частью зимой 1943 года, и именно там началась кропотливая работа по установлению злодеяний, выявлению на Донбассе военных преступников и пособников нацистских оккупантов. Нашу публикацию следует считать попыткой частично заполнить существующий дефицит подобного рода работ и ввести в научный оборот неизвестные и малоизвестные научной общественности документы, хранящиеся в архивных учреждениях Луганской Народной Республики.

Оккупация Донбасса и «Новый порядок»

Как известно, Донбассу в планах Третьего Рейха придавалось весьма важное значение. Промышленно развитый регион привлекал внимание врага не только своим географическим положением – воротами на Дон и Кавказ, но прежде всего, большими запасами природных, материальных и человеческих ресурсов. Стремление обладать ими обусловило кровопролитность и ожесточенность сражений. Уже осенью 1941 г. наступавший противник вторгся на Донбасс, а 20 октября 1941 года войска Германии и ее сателлитов заняли г. Сталино (ныне – Донецк, ДНР), к декабрю 1941 г. оккупировав большую часть региона. С этой даты ведется отсчет оккупации Донбасса, длившейся более 700 дней. Однако лишь с отступлением советских войск из Ворошиловграда (ныне – Луганск, ЛНР) можно говорить о полном занятии врагом региона. 17 июля 1942 г. передовые отряды немецкой 17-й армии генерал-полковника Г. Руоффа вошли в оставленный частями РККА после недели тяжелых боев город. Так, Ф. Гальдер в своем «Военном дневнике» за 391-й день войны отмечал: «...Группа армий "Юг". Противник оставил Ворошиловград. Армия Руоффа преследует отходящего на юг и юго-восток противника...» [7, с. 657].

Немецко-фашистские захватчики практически с первых дней сформировали разветвленную структуру оккупационных органов власти и управления. Ее характерной особенностью было создание полевых и местных комендатур, подчиненных военной администрации, а также органов местного самоуправления, комплектовавшихся преимущественно из числа коллаборационистских элементов. Оккупанты также развернули на Донбассе сеть различных карательных органов: подразделений тайной полевой полиции, гестапо, СД, айнзацгрупп, охранной полиции и полевой жандармерии. Главной целью оккупационной политики врага

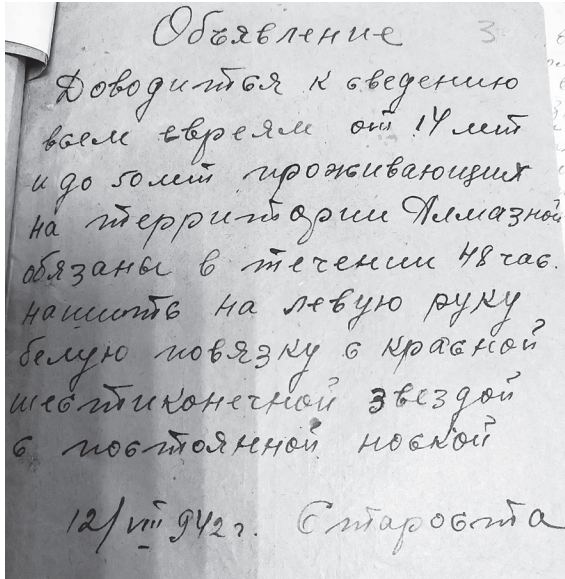
был учет и планомерное уничтожение местного населения и ограбление природных и материальных ресурсов Донбасса.

В отечественных архивных учреждениях (и на Донбассе, в частности), хранится масса практически не известных широкой научной общественности материалов, связанных с функционированием оккупационных органов власти в годы Великой Отечественной войны. Прежде всего отметим неизвестные документы фонда П-1790 Государственного архива ЛНР, собранные в архивное дело под №265 «Докладные записки, справки, обзоры партийных советских и административных органов о политике, проводимой немецко-фашистскими захватчиками в оккупированных районах Ворошиловградской области» [4]. В докладной записке приводятся весьма интересные сведения о структуре карательных и административных органов оккупантов, развернутых на территории Ворошиловградской области (ныне – ЛНР, Российская Федерация).

Отметим вариативность и детальность этого документа. Соответствующее исследование ситуации проводилось, прежде всего, путем бесед с советскими гражданами, оставшимися на оккупированных территориях Донбасса. В том числе, и с бывшим секретарем подпольного Ворошиловградского горкома КП(б)У Михаилом Третьякевичем – старшим братом Героя Российской Федерации Виктора Третьякевича, одного из организаторов известной подпольной антифашистской комсомольской молодежной организации «Молодая Гвардия». Кроме этого, важную информацию удалось извлечь из массива фашистских газет и агитационно-пропагандистских материалов, а также путем изучения докладов и других материалов органов военной Прокуратуры, НКВД, прокуратуры области и УНКГБ. Дополнили картину о структуре карательных и административных органов врага выезды в освобожденные от оккупантов районы Ворошиловградской области и беседы с советскими партийно-хозяйственными работниками и руководителями.

В частности, было установлено, что «вся полнота власти на территории Ворошиловградской области принадлежала военным учреждениям, так называемым комендатурам. Но наряду с этим с целью создания видимости самоуправления оккупантами были организованы управы» [4, л. 1]. Немецко-фашистские захватчики сформировали в оккупированной области городские, районные, сельские управы, которые первым делом провели перепись населения. В городах управы возглавляли председатели, а в районах и селах управами руководили старосты. Так, в г. Ворошиловград городская управа была создана в конце июля 1942 г. путем назначения ответственных лиц военным комендантом города. Первым

председателем городской управы стал «некий Азаров, до оккупации города работавший на протяжении нескольких месяцев на кирпичном заводе №21 в должности техника» [4, л. 1].



Объявление старосты сельской управы с. Алмазная

Советские правоохранительные органы предполагали, что Азаров был агентом гестапо. В пользу этого приводился факт, что его назначение на должность главы управы произошло в первые же дни оккупации города, куда Азаров «был вызван тотчас же» [4, л. 1]. Однако 30 сентября 1942 г. представитель военной комендатуры «Шульце провел заседание всех начальников отделов управы, их заместителей и руководителей отдельных управлений управы и заявил, что глава управы и его заместитель уволены по причине того, что при исполнении своих обязанностей они не полностью удовлетворяли военную комендатуру» [4, л. 1]. При этом полевая жандармерия провела проверку деятельности Азарова и была также сформирована специальная комиссия по рассмотрению его дел.

Новым председателем управы был назначен Зубовский – «врач по профессии, бежавший в связи с приближением Красной армии» [4, л. 2]. В структуре городской управы Ворошиловграда было сформиро-

вано девять отделов: административный, здравоохранения, культуры и просвещения, торговли, промышленности, продовольственный, юридический, финансовый, коммунального хозяйства [4, л. 2]. Выходившая при городской управе коллаборационистская газета «Нове життя» (с укр. – Новая жизнь. – И.Т.) сообщала также о существовании в управе земельного сектора [6]. При непосредственном участии городской управы была создана биржа труда, проводившая активную работу и мобилизацию трудовых ресурсов для отправки на работы в Третий Рейх. Наличие этой структуры было подтверждено на следствии показаниями обвиняемых в коллаборационизме, «допрошенных органами прокуратуры и НКВД» [4, л. 2].



ПЕРЕМОГА НІМЕЦЬКОГО СОЦІАЛІЗМУ.

Промова Фюрера на відкритті Комітету взаємодопомоги в період зимнього й воєнного часу

Нижче ми можемо змист промови Фюрера та доповіді райксміністра доктора Геббельса, що транслювалася по радіо 30 вересня 1942 року. Через те, що офіційного тексту ще не одержано, то з обох промов надається лише основні думки й і ромови викладено в вигляді реферату.

30 вересня 1942 року відбулося відкриття Четвертого Воєнно-зимнього комітету взаємодопомоги в бер-

лінському палаці спорту – традиційному місці зборів націонал-соціалістичної партії.

За участю керівників оборонних сил, державних і партійних діячів, величезна кількість учасників зборів заповнила велику залу Палацу й захоплюючими криками аплоду похвалу на трибуні райксміністра доктора Геббельса, що виголосив звітну доповідь про успіхи роботи Комітету взаємодопомоги.

Гігантські успіхи Третього Комітету Допомоги

Звітна доповідь Третього Комітету 1941–1942 року каже сама за себе. Щось подібне в країнах плутократії увянути не можна, бо ці неврівняні успіхи Комітету випливають з духу непохитливості національної свідомості німецького народу. Під захвальною трибуною стояв доктор Геббельс, повідомив наслідки роботи Третього Комітету. У своїй готовості на жертви, німецький народ надав один мільярд 208 мільйонів марок, що перевищує збір Другого Комітету на 32 відсотки. 235 мільйонів жертвовань з зарплати й доплати, в той час, як фірма й виробничі підприємства 270 мільйонів. Нездельники принесли 236 мільйонів, вуличні збори – 188 мільйонів. В День Оборонних Сил і допомоги зібрано 39 мільйонів. Ці гігантські результати відбивають величезне соціальне значення Комітету допомоги й одночасно психічний та духовний стан німецького народу. У попередніх трьох Комітетах сумарно жертв німецького народу становила 4 мільярди 76 мільйонів марок. Ця колосальна цифра підкреслює виняткову багатість і неухильну готовність на ці жертви німецького народу в його боротьбі за національне існування.

німецького народу, непохитливості в своїй готовості йти за своїм Фюрером, не вважаючи на нікі небезпеки, до великої остаточної перемоги.

«...»

«Всі могли б спрагнували до віхливих дверей колосальної залі. Під гулом овації присутні виходять Фюрер до залу. Найкращі години своєї творчості жертвує він для того, щоб створити з відкриття Великого Комітету взаємодопомоги символічний міст-

між фронтом і батьківщиною. У своїй вітальній промові, звернений до Фюрера, райксміністр доктор Геббельс кажує на те, що минув майже рік з того часу, як Фюрер в свій зал звертався до німецького народу. Він мовчав, працював і діяв, годі як вороги Німеччини розпинали в порожні багатізни. В першорунній певності стоїть наші за ним, ринучи й готова проводити розпочату війну до перемоги німецького кінця.

Доповідь доктора Геббельса

В історичному огляді райксміністр відзначає успіхи Першого Комітету взаємодопомоги, який створила партія в період своєї запеклої боротьби з вимку 1932 року, не вважаючи на весь опір, бо в той час різні темні сили саботували це велике соціальне мирнопрямство. Вони й сьогодні за кордоном своєю підступною боротьбою проти німецького народу намагались і далі проводити парвну роботу, марно сподіваючись похитнути віру німецького народу в доконечну перемогу.

Ерехдні чутки, які ці злощасні похитувачі німецького народ і його керівництво, слід розглядати як жавад на здоровий людський розум. Не варто спростовувати цього породичення зворот фантазії, бо у всьому цьому світанку на каздрі нема навіть натяку на справжню думку.

Німецька зброя в цих всевітньо-історичних боях напизує перемогу за перемогу на свій прапор. Без сумніву, цей безперервний ланцюг єдиних в своєму роді перемог веде Велику Німеччину до коначного переможного дворугого.

До початку 4-го року війни німецький народ стоїть непохитно в позитивному, воєнному й господарному відношенні. Не вважаючи на тяжкі спити, можна з певністю глядіти в майбутнє. Це тяжка боротьба за життя, яку треба проводити і ставати варта того, бо Німеччина наявзаяву й віну буде нести до остаточної перемоги всіма засобами. Величезні жертви й згоди, величезні шесті війни, несене за свою свободу, право на самовизначення й територію.

Виступ Фюрера

У вступних словах своєї промови Фюрер зазначає, магачис зменшити успіхи до він по довгому мовчання звертається знов до німецького народу. Він так довго мовчав тому, що він стоїть тепер на першому етапі, і те, про що сьогодні треба говорити, козуть сьмакати німецькі солдати.

Ми робимо те, чого від нас вимагає час, і будемо незалежні віри плани на майбутнє, а не так, як робили наш ворог, який, напевні, тепер обіле свої народом, що націонал-соціалізм уже давню дав своєму народом соціалістичні реформами.

Словами, повинні сарказму, картав Фюрер брегліну пропангаду ворогів Вельд-мюхені, які хочуть

привряти свої невдачі, напроми Фюрер зазначає, магачис зменшити успіхи до він по довгому мовчання звертається знов до німецького народу. Він так довго мовчав тому, що він стоїть тепер на першому етапі, і те, про що сьогодні треба говорити, козуть сьмакати німецькі солдати.

Заняття України й успішні просування на Кавказі не, мовляв, на їх думку, ніщо, а невідлий дев'ятигодинний налёт англійських військ на Діепі, розгортається ший хаустичним як різночка ознака вигладної безодястності англійської імперії. Може апатичати сумна стан розуму союзників, коли порівнювати їх патологічні зусилля і незалежності для німецької перемоги. Поруч з цим перед так званим другим фронтом німецький народ не звиняє жодного страху, бо страх може навіяти тільки ворог воєнно кадру. Але такого ворога ко Німеччина не має.

Виняткові успіхи Німецької Армії

Випробування, якому до- підлягала німецький наро-

д Три великих завдань мад до цього часу наступ:

Анализ архивных материалов позволяет утверждать о полной концентрации управленческих функций в таких органах, как комендатуры. На оккупированной территории Донбасса и Ворошиловградской области они были двух типов: военная и сельскохозяйственная комендатуры. Сведений о наличии гражданской комендатуры не имеется, а подобные функции, как правило, сосредоточивались в руках сельских и городских управ.

Карательные органы оккупантов на Донбассе

Помимо местных органов управления, немецко-фашистские оккупанты развернули на Донбассе сеть различных карательных органов.

Сведения об их структуре и характере деятельности, а также о масштабах злодеяний удалось получить на основании материалов дел, расследованных органами НКГБ и прокуратуры, и выводов Чрезвычайной Государственной комиссии (далее – ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов на территории, временно оккупированной в годы войны. В частности, в материалах указанного выше дела №265 отмечается, что составителями документа было проанализировано 376 уголовных дел, по которым привлекли к ответственности 450 изменников Родины. Следствие установило, что «карательные органы оккупантов были многообразны и по личному составу чрезвычайно многочисленны» [4, л.3]. В то же время постоянной и однородной структуры у таких органов не было.

Несмотря на некоторую громоздкость карательных структур оккупантов, их работа имела четкую дифференциацию. Так, например, контрразведывательная деятельность на территории Ворошиловградской области концентрировалась преимущественно в Службе безопасности – Sicherheits Dienst, более известной как СД. Ее аппарат дислоцировался в областном центре и непосредственно подчинялся своему командованию в г. Сталино. СД вело борьбу с подпольными организациями, которые в Донбассе было довольно многочисленны, и партизанским движением. Кроме этого, на оккупированной территории области «оперировала также итальянская контрразведка ГПФ, причём задержанные этой разведкой по г. Ворошиловград коммунисты, комсомольцы и партизаны после допросов направлялись в СД» [4, л.4].

Важно заметить, что оккупанты создали в Ворошиловграде и области так наз. Русский отдел службы безопасности при СД. При каждом участке городской или районной полиции имелось по 2–3 следователя

службы безопасности, подчинявшихся в городе Русскому отделу, а в райцентрах – непосредственно Ворошиловградскому отделу СД. Как показали позднее материалы расследования, эти следователи комплектовались из числа изменников Родине, на местах координировали свою деятельность с начальниками полиции, однако не подчинялись им. В Ворошиловграде руководил Русским отделом службы безопасности при СД некий Милых, одновременно – заместитель СД города. Непосредственным начальником Русского отдела был «Бербец Петр Аникеевич, работавший до оккупации в должности бухгалтера Ворошиловградского мясокомбината. Бербец – выходец из западных областей УССР, был ранее репрессирован органами НКВД» [4, л.4].

В структуре Русского отдела были созданы два отделения. Первое называлось отделением по уголовным делам, но фактически занималось, главным образом, расследованием дел о лицах, так или иначе саботировавших распоряжения оккупантов. Внутри этого отдела функционировало четыре группы: «по делам об убийствах; по делам о кражах и грабежах; по выявлению личностей; по борьбе с проституцией. В каждой из этих групп служило по 2 следователя, которые имели по 1–2 гласных агента. Второе отделение, именовавшееся 4-м отделением, занималось исключительно политическими делами. В штате отделения служили два следователя и 4 гласных агента. Помимо этого, при начальнике Русского отдела был 1 следователь по особым поручениям, заведующий столом приводов, секретарь, два переводчика и машинистка» [4, л.4–5]. Каждый оперативный работник Русского отдела, начиная от следователя и заканчивая референтом и агентами, имел на связи негласную агентуру, с помощью которой занимался выявлением советских партизан, разведчиков, советско-партийного актива. Русский отдел службы безопасности при СД самостоятельно проводил аресты, расследовал дела и в законченном виде направлял их для окончательного решения в СД. В то же время важно отметить, что дела о выявленных советских агентах передавались в СД немедленно [4, л.5].

Гораздо меньше сведений было собрано советскими органами о немецкой Тайной полиции / Гестапо. Удалось выяснить, что на территории Ворошиловградской области она дислоцировалась в 8 населенных пунктах. В областном центре Гестапо возглавлял подполковник фон Розензол. Примечательно, что в качестве штаб-квартиры Тайная полиция избрала здание бывшего Ворошиловградского областного управления НКВД, известное в городе, как дом купца Васнева. Помимо этого, отделения Гестапо функционировали в райцентрах. В Сватово находилась

временная группа Гестапо, которая приезжала в райцентр в случае необходимости. Свою работу в Сватово Тайная полиция осуществляла через Украинскую жандармерию и располагалась в доме начальника этой структуры [4, л. 5].

Во втором по важности городе Ворошиловградской области, г. Старобельск, отделение Тайной полиции возглавлял некий «Зилла, при заместителе Гейне. В штате имелся переводчик и прочий обслуживающий персонал» [4, л. 5]. Недалеко от Старобельска – в населенном пункте Мостки действовал «крупный отряд Гестапо в 10–13 человек. Рядом – в Гайдуковке дислоцировался отряд Гестапо в составе 5 офицеров, отряд этот имел радиостанцию. При Гестапо в Мостках имелся карательный отряд в составе 50–60 человек. Известно, что он посылался в Рубежное» [4, л. 5].

Удалось также выяснить, что отряд Тайной полиции действовал в Беловодске (8–10 человек), которым руководил граф Курт. В крайнем северном районе области – п. Троицком, а также в соседней Лозно-Александровке, отделения Гестапо действовали до осени 1942 г., позднее переместившись в Валуйки вместе с приданной казачьей сотней. В Ново-Астрахани также имелось небольшое отделение Тайной полиции, состоявшее из 3 офицеров и 2 солдат [4, л. 5].

Кроме того, в Ворошиловградской области действовала также Тайная полевая полиция – *Geheime Feldpolizei* (GFP). Ее отделения изначально были исполнительными органами полевых и местных комендатур, а с января 1942 г. они напрямую подчинялись 4-му Управлению РСХА (Гестапо). Помимо областного центра, они функционировали в крупных районных и промышленных центрах области. Имелись сведения об их деятельности в Сватово, Покровске, Боково-Антраците, Ровеньках, Троицке, Ново-Астрахани, Верхне-Теплом, Станице Луганской и в Свердловске [4, л. 5].

В целях бесперебойного и централизованного ограбления человеческих и материальных ресурсов Донбасса оккупанты также организовывали специальные структуры. В частности, в Ворошиловградской области враг создал специальную хозяйственную команду «Виртшафскомmando» – ВИКДО-9. В ее структуре было четыре отдела: промышленный, энергетический, продовольственный и сельскохозяйственный. Аппарат ВИКДО-9, возглавлявшийся офицером вермахта доктором Лиде, состоял из 50 человек [4, л. 6].

Для удобства управления, оккупанты разделили сельскохозяйственную территорию области на 8 окружных сельскохозяйственных комен-

датур. Кроме того, отделения сельхозкомендатур имелись при отдельных МТС и совхозах. Однако, помимо хозяйственной деятельности, сельхозкомендатуры содействовали организации борьбы с партизанами и сопротивлению, следили за настроениями населения, пресекая любые проявления недовольства оккупантами, вели учет коммунистов, комсомольцев и советских активистов, производили обыски и изъятия государственного и частного имущества, организовывали вывод населения на работы. Было также установлено, что офицеры сельхозкомендатур вели агентурную работу: самостоятельно вербовали агентуру, производили аресты лиц, подозреваемых в связях с партизанами и пр. [4, л. 6].

Логично, что «для предательской деятельности враг чаще всего использовал лиц... из числа активных врагов советской власти, изъявляющих желание служить немцам», останавливаясь на кулаках и выходцах из кулацких семей, белогвардейцах, судимых и др. лиц, репрессированных советской властью [2, л. 36]. Этим же лиц использовали в качестве агентов-доносчиков и сельскохозяйственные комендатуры. Кроме того, комендатуры снабжали информацией старосты управ, участковые агрономы, лесники и др.

По данным Ворошиловградского УНКГБ, комендатуры сельскохозяйственных округов дислоцировались в крупных городах, как, например, Ворошиловград, где ее шефом был некий Кротус. В его подчинении находились 2 заместителя и 5 ответственных работников, отвечавших за различные хозяйственные направления. Так, «один ведал мельницами, молокозаводами и маслозаводами, другой – МТС, третий – ссыпными пунктами, четвертый – вопросами снабжения, пятый – общими вопросами (общий отдел). При комендатуре работало 5 переводчиков». В прямом подчинении окружной сельхозкомендатуры «находилась контора главного агронома, возглавлявшаяся изменником агрономом Дядюновым. Комендатура подчинялась "Ляндвартшафгруппе", являвшейся отделом ВИКДО-9» [4, л. 6].

Аналогичную систему разграбления советского народного хозяйства оккупанты организовали на севере Ворошиловградской области. Сельские комендатуры были созданы в наиболее крупных сельскохозяйственных центрах: Сватово, обслуживавшем Сватовский, Нижне-Дуванский, Покровский и Мостовский районы, в Старобельске, контролировавшем Старобельский, Евсугский, Ново-Астраханский и Ново-Айдарский районы, в Беловодске, управлявшем Беловодским, Меловским и Марковским районами, а также в промышленном Свердловске, контролировавшем Свердловский, Новосветловский, Краснодонский, Ровеньковский и Боко-

во-Антрацитовский районы. В сельских комендатурах функционировали общий, зоотехнический, землеустроительный и статистический отделы. Примечательно, что большинство руководящих работников сельхозкомендатур покинули территорию области вместе с оккупантами, справедливо опасаясь возмездия за коллаборационизм [4, л. 6].



Сотрудник сельхозкомендатуры делает объявление местным жителям

Кроме того, помимо сил СД и итальянской ГПФ, контрразведывательную деятельность на территории Ворошиловградской области по борьбе с подпольными организациями, советской агентурой и партизанским движением вели с помощью контрразведывательных пунктов Абвера. О деятельности таких групп на оккупированной территории области известно крайне мало, однако встречаются сведения о работе так. наз. «Зондер-группы», размещавшейся в Боково-Антраците, и «Герес-Б», дислоцировавшейся в Старобельске. Главный отряд Абвера – «Аусенштелле Эрнст» базировался в Алчевске. Кроме этого, действовали 29 различных контрразведывательных и карательных органов оккупантов. Так, в одном лишь областном центре в тот период действовали 17 контрразведывательных структур противника [20, с. 106].

Отдельно отметим Старобельский контрразведывательный пункт «Мельдекопф–Танн», который возглавлял зондерфюрер Леонгард Фельске, он же Александр Артемьевич Танн. До мая 1942 г. эта структура входила в состав Абвергруппы 306, после чего ее переподчинили Абвергруппе 304. Именно ее сотрудникам летом–осенью 1942 г. удалось задержать и перевербовать несколько десятков советских радистов и агентов 4-го управления НКВД УССР. Это позволило Абверу парализовать деятельность подпольных резидентур НКВД и оставленного партийно-комсомольского подполья, вести радиоигру с советской разведкой, пытаясь дезинформировать противника, а также забрасывать через линию фронта перевербованную агентуру. Во многом этот провал был обусловлен не только халатностью, но и предательством агента 4-го управления НКВД С.Козюбердина. Он лично знал выпускников Ворошиловградской спецшколы, поэтому возглавил абверовскую резидентуру в Ворошиловграде, занимался поиском советских разведчиков и законспирированного подполья по всей территории области [17, с. 126].

Относительно «Зондер-группы» было установлено, что она была создана комендатурой г. Боково-Антрацит, шефом которой был немецкий офицер Юбингауз. Изначально «штат группы состоял из 9 человек, позднее он увеличился до 12 и был укомплектован из числа изменников Родине» [4, л. 7]. Во главе группы стоял Валентин Ажогин – сын бывшего казачьего генерала, а его заместителем служил Иван Чеботарев – бывший офицер царской армии, при отступлении оккупантов также покинувший Донбасс. Следственные органы позднее установили, что «помимо задач агентурного облуживания местной полиции, жандармерии и других учреждений оккупантов, задач борьбы с партизанами и советской агентурой, агентурного наблюдения за настроениями населения, группа ведала массовой вербовкой агентуры, коммунистов и осуществляла надзор за их поведением, выдавала пропуска на право хождения в ночное время. Контрразведывательная деятельность группы осуществлялась через оперативный состав группы, находившийся на полугласном положении, и при помощи секретных резидентов и агентов. ...Каждый оперработник лично занимался агентурной разработкой отдельных лиц. Все оперативники имели псевдонимы, которыми они подписывали агентурные донесения» [4, л. 7].

Отдельно следует остановиться на полицейском аппарате на оккупированных территориях Ворошиловградщины. Здесь враг развернул довольно широкую сеть полицейских участков. Практически в каждом населенном пункте имелся полицейский участок в составе не менее 3

человек. В городах их численность составляла 10–15 человек. В некоторых районах их количество доходило до нескольких сот полицейских. Например, в Станично-Луганском районе на ноябрь 1942 года в полиции служило 272 человека. В Ворошиловграде количество полицейских составляло более 1000, распределенных по 6 городским отделениям. В ряде крупных населенных пунктов полицейские участки именовались «украинской жандармерией». Работой «полиции» руководили представители Гестапо, шефы, которых было при каждом отделении полиции 2–3». Для выявления неблагонадежных элементов местное население также активно вербовало в сеть полугласной полиции, так наз. «резервную» или «добавочную». Их деятельность контролировали сельские старосты и старшие полицейские [4, л. 8].

Интересно коснуться также системы шпионажа, налаженной врагом на оккупированных территориях Донбасса. В отчетах советских следственных и партийно-хозяйственных органов утверждается, что «шпионажем занимались все карательные органы оккупантов, в том числе и органы, комплектовавшиеся из числа изменников и носивших название украинских» [4, л. 9]. Помимо этого, подобные функции выполняли также и гражданские учреждения, например, Биржа труда, являвшаяся «одним из гнезд шпионажа». Эта структура «подчинялась непосредственно генеральному уполномоченному по вербовке рабочих в Германию Заукелю, а на местах руководилась и контролировалась Гестапо. Биржа являлась главным помощником Гестапо по проведению насилий и злодеяний по отношению к мирному населению. Через Биржу труда выявлялись активисты и коммунисты. ...Биржа располагала значительным отрядом полиции, свои камеры в тюрьме, свой концентрационный лагерь» [4, л. 9].

Для вербовки оккупанты «использовали лиц из среды так или иначе обиженных советской властью: кулаков, белогвардейцев, репрессированных, осужденных за уголовные преступления и т. д.». Установлены случаи, когда перед схваченными вражеской контрразведкой советскими активистами, партизанами, коммунистами и агентами «ставился вопрос: немедленная смерть или жизнь при условии работы на фашистскую разведку. ...Нередко контрразведывательные органы оккупантов использовали женщин, вступающих в сожительство с представителями фашистской армии, соблазняли последних обещаниями жениться и разных наград. ...В подавляющем большинстве эти люди получали лишь кратковременную подготовку в несколько дней и направлялись через линию фронта с определенными заданиями». Кроме этого, враг

РОБІТНИКИ, РОБІТНИЦІ!

Німецька армія звільнила Вас від терору Сталіна та жидо-більшовицьких комісарів.

БІЛЬШОВИКИ ЗРУЙНОВАЛИ ВАШІ ФАБРИКИ Й ЗАВОДИ, ВОНИ ПОНИЩИЛИ ВЕЛИКУ ЧАСТИНУ ВАШИХ САДИБ, ВАШИХ ХАТ ТА ХАРЧОВИХ ЗАПАСІВ, БАГАТЬОМ ІЗ ВАС ВОНИ ОДІБРАЛИ ПІДСТАВИ ДО ІСНУВАННЯ.

НІМЕЧЧИНА МОЖЕ ТА ХОЧЕ ВАМ ДОПОМОГТИ

- ◆ У Німеччині одержите Ви працю і хліб.
- ◆ Німці забезпечать Вам людське відношення та добре існування.
- ◆ Ви дістанете від німців достатнє харчування й заробітну плату готівкою.
- ◆ Ваші родини будуть забезпечені.
- ◆ Ви можете постійно листуватися з Вашими рідними.
- ◆ Вашим вільним часом Ви можете розпоряджатися у Німеччині так, як Ви до цього звикли.

Коли Ви працюватимете в Німеччині, Ви й Ваші родини матимуть першество при розподілі землі та реманенту. Ми закликаємо Вас допомогти Вашою працею в Німеччині створити для Вас і Ваших дітей краще майбутнє на Вашій батьківщині.

ЗАПИСУЙТЕСЬ У БЮРАХ ВЕРБУВАННЯ ДЛЯ ВИЇЗДУ НА ПРАЦЮ ДО НІМЕЧЧИНИ!

Объявление Ворошиловградской биржи труда о вербовке населения на работы в Германию

также создавал на Донбассе «специальные школы шпионажа с шестимесячным сроком обучения. Имеются свидетельства о том, что такие школы имелись в городе Сталино» [4, л. 10].

Свидетельствуют очевидцы...

На оккупированной территории Ворошиловградской области враг развернул масштабную карательную деятельность. Достаточно многочисленные архивные материалы исчерпывающе описывают зверства и злодеяния врага. Приведем лишь некоторые эпизоды этой преступной деятельности, почерпнутые из Справки Краснолуческого городского отдела НКВД «О структуре органов управления немецко-фашистских властей в оккупированный период гор. Красный Луч» [5]. В документе, за подписью старшего лейтенанта госбезопасности Галышева от 21.07.1944 г., содержится ряд интересных подробностей. Отмечается, что город находился под властью оккупантов в течение 15 месяцев

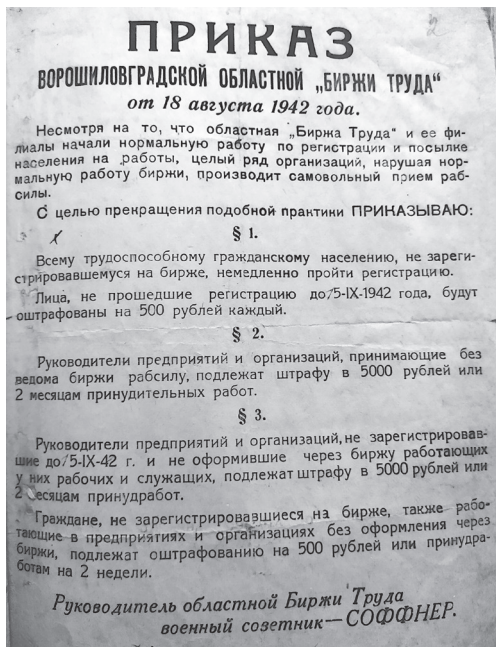
и 12 дней – с 18.07.1942 г. по 1.09.1943 г., т. е. дольше, чем собственно областной центр – Ворошиловград, который освободили 14 февраля 1943 г.

За время оккупации «Красный Луч был центром сосредоточения карательных органов немецких властей, как-то: полиция, жандармерия, СД, Орсткомендатура и полевая немецкая жандармерия, распространявших свою деятельность не только на Красный Луч, но и на Ивановский и часть Боково-Антрацитовского районов» [5, л. 1]. Красный Луч был разделен на 36 админрайонов, в которых «было занято 36 старост, такое же количество помощников старост и до 180 человек сотских, плюс полиция, биржа труда, сельхозкомендатура, Орсткомендатура и другие органы управления» [5, л. 1]. Органы НКВД отмечали «значительную засоренность предательским элементом и другими лицами, способствовавшими внедрению фашистского строя в городе Красный Луч» [5, л. 1].

Как и в других частях Донбасса, с приходом врага в Красный Луч была немедленно создана городская управа, в которой работало около 120 человек. Также была создана Биржа труда, «которая занималась учетом трудоспособного населения и отправкой молодежи на каторжные работы в Германию, куда было отправлено до 6000 человек. Биржа труда имела штат до 35 человек, руководство было возглавлено доктором фон Триппенбахом. Сельхозкомендатура со штатом до 40 человек занималась изъятием сельскохозяйственных продуктов и рогатого скота, которые поставляла на нужды немецкой армии. Орсткомендатуру возглавлял комендант майор Меркель, который проявлялся своей жестокостью» [5, л. 1].

Присутствовавшие в городе «немецкие карательные органы СД, жандармерия и полиция как репрессивные органы занимались уничтожением народа. По имеющимся документам над последственными судовами не было, а просто по резолюции шефа СД Бехера народ расстреливали. Таким образом, на протяжении вышеуказанного оккупационного периода немецкими карательными органами было расстреляно до 2000 мирных жителей. Характерно, что по приказу головы города Англезио от 17 августа 1942 года явились в горуправу лица еврейского происхождения, которых впоследствии расстреляли всех до единого» [5, л. 2].

Было установлено, что в городе Красный Луч существовало несколько мест массовых казней и захоронений погибших. Так, «основным местом расстрела, где, по неполным данным, находится более 1500 трупов расстрелянных граждан, взятых... в основном из концлагеря шахты 17–17-бис, – был ствол шахты № 151 "Богдан", куда сбрасывали трупы рас-



Приказ Ворошиловградской биржи труда

стрелянных. Глубина ствола этой шахты равна 120 метров, к тому же затоплена водой, откачать которую.. нет возможности» [5, л. 5].

До февраля месяца 1943 г. в городе существовал один концлагерь на шахте 17–17 «бис» где в основном находились в заключении коммунисты, комсомольцы и оставшиеся проживать при оккупантах евреи. Заключенные этого лагеря в большинстве своем были расстреляны на шахте №151 «Богдан». Комендантом названного лагеря продолжительное время был русский житель г. Красный Луч Лукин А. Н., впоследствии помощник начальника жандармерии по оперативной части [5, л. 5].

Расстрельный приговор советским гражданам «выносился начальником немецкого СД, который, приезжая с немецким переводчиком в концлагерь на шахту № 17–17-бис, производил короткий допрос каждому заключенному в отдельности» [5, л. 5]. Шеф СД, как правило, не более 2–3 минут задавал следующие вопросы: «Давно ли состоишь в коммунистической партии, почему остался проживать при немцах, участвовал ли в выводе из строя шахт и предприятий города при отходе частей Красной армии?» [5, л. 5]. После этого приговоренные к расстрелу

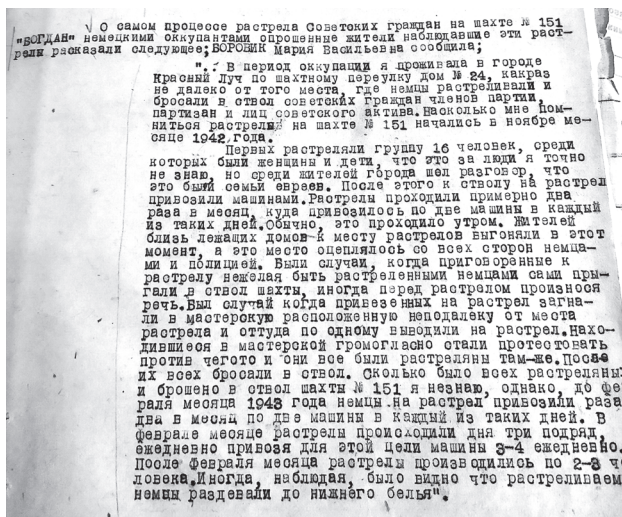
помещались в специальные камеры смертников. Позднее их раздевали и грузили в автомашины, под охраной вывозя на шахту №151. Каратели «заставляли жертву бежать к стволу шахты и там, у края ствола, расстреливали, трупы мертвых падали в шахту. На этой шахте, кроме коммунистов и партизан, немцами расстреливались женщины и дети» [5, л. 5]. Важно заметить, что каратели готовили казни предельно скрытно. Накануне расстрела проводили отселение граждан, проживающих вблизи от места будущей казни. Непосредственно «место расстрела оцеплялось охраной из жандармов, полицейских и немецких солдат, и из жителей никого не допускали наблюдать чинимое немцами зверство». Более того, по мирным гражданам, замеченным в попытках наблюдать казнь, охрана открывала огонь на поражение [5, л. 5].

Непосредственные участники этих чудовищных событий, лично пережившие период пребывания в указанном концлагере, приводят массу шокирующих сведений. Так, житель Красного Луча Иващенко В.И. так описывал условия содержания заключенных: «...нас отвели в лагерь шахты №17–17-бис, в то время лагерь был переполнен народом. Гнали со всех концов Ворошиловградской области. Помещались люди в сараях, конюшнях, плотницких мастерских. Гнали совершенно слепых, без рук, без ног. Этим людей в лагере заставляли работать, возить воду, колоть дрова и [выполнять] другие, непосильные для них работы. 24.01.43 г. повели партию коммунистов в количестве 250 человек в город для проверки в СД. Из этого числа выпустили 180 человек и этого же дня после проверки взяли на расстрел 5 машин, вместимостью 45 человек, 225 человек. Я и все сидевшие в лагере знали, что эти люди будут расстреляны, так как их одежду привозили в лагерь. ... Кроме этого все новости узнавали через водовозов, т.к. к ним по месту работы приходили жены» [5, л. 5–6]. Иващенко показал, что 25, 26 и 27 января 1943 года в лагерь с проверкой прибыли представители СД и после проверки «выпустили на волю около 170 человек и расстреляно было 345 человек. Это число узнали посредством окна из камеры №3 верхнего этажа, где было видно, сколько взято человек и сколько сделала машина рейсов» [5, л. 6].

Другой очевидец, краснолучанин Яворский В.В., также привел ряд важных подробностей. «В концлагере на шахте №17–17-бис с раннего утра и допоздна гоняли на работу в город. Из этого лагеря очень многие были вывезены на расстрел на шахту №151 "Богдан". Вначале на расстрел забирали ночью, а перед отступлением немцев на расстрелы вывозили днем. Лично я видел взятых на расстрел автомашин 5,

куда вмещалось человек по 40. На расстрел вывозили исключительно немцы» [5, л. 6].

Важные сведения о процессе расстрела немецко-фашистскими карателями жителей Донбасса на шахте № 151 приводят опрошенные жители г. Красный Луч, лично наблюдавшие эти расстрелы. Например, заслуживают внимания показания Марии Боровик, проживавшей «по Шахтному переулку, дом № 24, как раз недалеко от того места, где немцы расстреливали и бросали в ствол советских граждан, членов партии, партизан и лиц советского актива. ...Первыми расстреляли группу 16 человек, среди которых были женщины и дети, ... среди жителей города шел разговор, что это были семьи евреев. После этого к стволу шахты привозили машинами. Расстрелы проходили примерно два раза в месяц, куда привозились по две машины в каждый из таких дней. Были случаи, когда приговоренные к расстрелу, не желая быть расстрелянными немцами, сами прыгали в ствол шахты, иногда перед расстрелом произнося речь. ...После их тела сбрасывали в ствол. ... До февраля месяца 1942 г. немцы на расстрел привозили по два раза в месяц по две машины в каждый из таких дней. В феврале расстрелы происходили дня три подряд, привозя для этой цели машины 3–4 ежедневно. После февраля расстрелы производились по два–три человека...» [5, л. 6]. Аналогичные показания были получены от других жителей города: С. Г. Вакуленко, И. К. Ярового, А. М. Некрасова и других очевидцев [5, л. 7–11].



Показания Марии Боровик о зверствах оккупантов в г. Красный Луч

Чувствуя приближение войск Красной армии, оккупанты ужесточили режим пребывания в Красном Луче. Всем жителям предписывалось носить специальные нарукавные повязки с присвоенным определенным номером, нашитым на белой косынке. Этот номер соответствовал представленному в документах граждан, с приложением печати биржи труда, удостоверяющей получение жителем города упомянутой повязки. Нарушителей подобных распоряжений подвергали штрафам и заключению в концлагерь. Накануне отхода из города оккупанты расклеили объявления за подписью местного коменданта, в котором сообщалось: «Этот населенный пункт будет эвакуирован до 4 / IX-1943 года, кто после этого срока будет еще пребывать, будет считаться шпионом или участником банды и будет расстрелян» [5, л. 12].

После освобождения Донбасса советские следственные органы немедленно приступили к расследованию злодеяний и выявлению пособников преступлений. В материалах Чрезвычайной Государственной Комиссии СССР по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков засвидетельствовано колоссальное количество погибших советских граждан. Только на Украине за время оккупации было убито и замучено свыше 4 млн граждан: стариков, женщин, детей и военнопленных. В рабство в Германию было угнано свыше 2 млн советских граждан. В Донбассе враг уничтожил более 140 шахт, полностью разрушил энергосистему Донбасса, уничтожил заводы «Азовсталь» в Мариуполе, им. Кирова в Макеевке, Рубежанский химкомбинат, Краматорский и Ворошиловградский машиностроительные заводы и тысячи других промышленных предприятий; систематически грабили села, расстреливали и заключали в концентрационные лагеря советских людей и сжигали дотла целые села [15].

ЧГК по г. Ворошиловграду на основании показаний свидетелей и документов специального следствия установила, что количество расстрелянных жителей Ворошиловграда только 1 ноября 1942 г. достигло 8 тысяч человек, а общее число превышало 30 тысяч. Комиссия установила, что указанные жертвы были результатом расправы над мирным населением, произведенной согласно Директиве Верховного командования вермахта по истреблению мирных граждан в Ворошиловграде. Расправой руководили майор охранных отрядов СС и тайной полиции Лейзенберг, военный комендант Ворошиловграда полковник Ринге и сменивший его позднее полковник Нагль, начальник Биржи труда Штейн, обер-фельдкомендант оберфельд-комендатуры «Донец» генерал-майор Клер, ге-

неральный уполномоченный по распределению рабочей силы Заукель и другие лица [1, л. 58–59].

Важно отметить, что после освобождения области вскрылись также факты добровольной службы оккупантам лиц, не подвергавшихся со стороны советских органов репрессиям. Ворошиловградский горком КП(б)У в своей записке привел наиболее яркие эпизоды. Прежде всего, отметили В.Г.Блинова – члена ВКП(б), долгое время работавшего на руководящей торговой работе. До оккупации города врагом он занимал должность директора Ворошиловградского облплодоовощторга. Не эвакуировавшись в тыл, Блинов «работал при немцах управляющим Александровской конторой по заготовке сельхозпродуктов для немецкой армии. Сейчас арестован органами НКВД». Аналогичным образом поступила и другой член ВКП(б) – Выродова, до войны работавшая счетоводом столовой №7. «При немцах она работала в селе Ахтырка Ново-Айдарского района бухгалтером сельхозкомендатуры». Выродова содействовала в отправке мирных граждан на работы в Германию, «ограблению колхозов и колхозников. Жила с немцами. В настоящее время арестована» [3, л. 30–31].

В то же время ряд предателей и коллаборационистов бежали от справедливого возмездия. Бывший преподаватель машиностроительного института беспартийный Ковалев также не эвакуировался в тыл при отступлении Советской власти. «С приходом немцев был назначен начальником отдела культуры и просвещения Горуправы, проявлял большую активность в проведении в жизнь указаний немецкого командования, за что был послан в научную командировку в Германию, где пробыл 2 месяца. При отступлении сбежал с немцами» [3, л. 31]. Другой беспартийный – некий Лямзин, «до оккупации работал счетным работником на мясокомбинате. При немцах сразу пошел работать следователем в Гестапо. Нужно полагать, что он заранее был завербован. Сбежал с немцами». Более известен своей коллаборационистской деятельностью бывший врач-гинеколог Зубовский, который «с приходом немцев сразу начал работать начальником отдела здравоохранения Горуправы, а с октября 1942 года городским головой. Рьяно выполнял все указания немцев. Сбежал с немцами» [3, л. 31].

В отношении ряда изменников из числа пособников-коллаборационистов советское правосудие применяло меры наказания вплоть до расстрела. В частности, заслуживает внимания в связи с этим участь кулака Ивана Дуракова. Было установлено, что он «после раскулачивания и отбытия наказания по приговору народного суда / был судим за саботаж

хлебопоставок / проживал постоянно в г. Ворошиловграде. В с. Бело-луцк Дураков прибыл вслед за немцами и был назначен старостой села. Как немецкий ставленник он развил активную деятельность в помощь немцам, предал более 10 человек коммунистов. Особо активную деятельность проявил в направлении восстановления в правах бывших кулаков, создав и возглавив так называемую тройку по оказанию помощи кулацким хозяйствам, возвращая им дома и имущество, находившиеся в пользовании колхоза и колхозников» [2, л. 7]. Совершенно закономерно, что 1.04.1943 г. Военный трибунал войск НКВД Ворошиловградской области признал Дуракова виновным по статье 54–1 п. «а» Уголовного кодекса УССР и приговорил его к расстрелу [2, л. 7].

Другой представитель оккупационной администрации, негласный работник Старобельской сельхозкомендатуры Свирид Червяк, также принял довольно деятельное участие в пособничестве врагу. Как и многие другие лица, на которых в первую очередь обращали внимание оккупанты для привлечения к коллаборационистской деятельности, Червяк был ранее осужден советским судом к 5 годам лишения свободы по делу «Союза Освобождения Украины». С первых дней оккупации области он добровольно пошел на службу к врагу и был назначен старостой с. Подгоровка. В его деле сказано, что он «грабил колхозников, работал на немцев, отправил на каторжные работы в Германию 80 человек. ...Лично составил список всех коммунистов, комсомольцев и активных советских патриотов. Арестовал и доставил в Гестапо 102 человека». Что интересно, изначально Червяк был признан виновным по статье 54–1 п. «а» Уголовного кодекса УССР и приговорен к 10 годам лишения свободы. Однако при вторичном рассмотрении его дела приговор Военного трибунала войск НКВД Ворошиловградской области по протесту Военной прокуратуры за мягкостью был отменен, а сам предатель приговорен к высшей мере наказания – расстрелу [4, л. 37].

Заключение

Представленные выше малоизвестные архивные документы проясняют структуру и особенности функционирования оккупационных органов власти и карательных структур на территории Ворошиловградской области в годы Великой Отечественной войны. Немецко-фашистские захватчики на Донбассе сформировали разветвленную структуру оккупационных органов власти и управления. Была создана сеть полевых и местных комендатур, подчиненных военной администрации, а также органы местного самоуправления в виде сельских и городских

управ, комплектовавшихся преимущественно из числа коллаборационистских элементов.

Динамика оккупационных процессов характеризовалась ужесточением карательной политики по мере освобождения территории Донбасса Красной армией. Для удержания контроля над местным населением, оккупанты развернули на Донбассе карательные органы в виде подразделений тайной полевой полиции, Гестапо, СД, айнзацгрупп, охранной полиции и полевой жандармерии. Немецкая контрразведка вела борьбу против советских партизан и подпольщиков, активно вербуя агентуру и реализуя различные контрразведывательные мероприятия. Структуры Абвера формировали лжепартизанские подразделения с целью вскрытия советского подполья и уничтожения групп сопротивления оккупантам. Главная цель оккупационной политики врага состояла в планомерном уничтожении местного населения и ограблении природных и материальных ресурсов Донбасса.

В завершение вышесказанного следует добавить, что оккупационная политика немецко-фашистских захватчиков на Донбассе оказалась провальной. Процент коллаборационистов, пошедших служить новым властям, был незначительным, ненависть жителей Донбасса к оккупантам сломить не удалось, а большая часть граждан осталась лояльна советской власти. Сформированные врагом за время оккупации органы власти и управления не справились с задачей по формированию Нового порядка и привлечению на свою сторону местного населения.

Библиографический список

1. Государственная архивная служба Луганской Народной Республики (далее – ГА ЛНР). Ф.П-1790. Оп.1. Д.237-а.
2. ГА ЛНР. Ф.П-1790. Оп.1. Д.262-а.
3. ГА ЛНР. Ф.П-1790. Оп.1. Д.263.
4. ГА ЛНР. Ф.П-1790. Оп.1. Д.265.
5. ГА ЛНР. Ф.П-1790. Оп.1. Д.266.
6. ГА ЛНР. Ф.Р. –1755. Оп.1. Д.1.
7. Гальдер Ф. Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942) М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2010. 704 с.
8. Дробязко С.И. Восточные формирования в составе Вермахта, 1941–1945 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. М.: РГГУ, 1997. 208 с.
9. Дробязко С.И. Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941–1945. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Музей-мемориал «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2020. 573 с.

10. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 483 с.
11. Коваль М.В. Борьба населения Украины против фашистского рабства. Киев: Нак. думка, 1979. 135 с.
12. Першина Т.В. Фашистский геноцид на Украине, 1941–1944. Киев: Наукова думка, 1985. 170 с.
13. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы / Составители: А. Орлов, В. Зимонин, Г. Иваницкий, Г. Мишустин, А. Якушевский. М.: Воениздат, 1987. 302 с.
14. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941–1944 гг.) / Сост.: Заставенко Г.Ф. (рук.) и др.; под общ. ред. Е.А. Болтина и Г.А. Белова. 3-е изд. М.: Экономика, 1985. 328 с.
15. Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях нецекко-фашистских захватчиков. М.: Госполитиздат, 1946. 457 с.
16. Семиряга М.И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.
17. Семистяга В.Ф. Советско-германское противостояние в приграничных регионах УССР и РСФСР накануне и во время Сталинградской битвы // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Мат-лы междунар. науч. конф. (5–7 июня 2013 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д., 2013. С. 121–128.
18. Татаринов И.Е. История одного предательства. К вопросу о природе украинского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Россия XXI. 2022, №4. С. 160–179.
19. Татаринов И.Е. Считать «обоснованно осужденным и неподлежащим реабилитации»: к вопросу об уголовном преследовании редактора коллаборационистской газеты «Нове життя» М.Бернацкого в 1944 году / «Совершенствование национального законодательства в контексте мировых стандартов в области защиты прав и свобод человека»: материалы научно-практической конференции, Луганск, 14 декабря 2021 года. Луганск: ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко», 2022. 404 с. – С. 50–54.
20. Щит и меч государства: страницы органов госбезопасности на Луганщине. Луганск, 2010. 280 с.
21. Добров П.В., Тарнавський І.С. Німецько-фашистський окупаційний режим у Донбасі 1941–1943 рр.: монографія. Донецьк: ДонНУ, 2008. 217 с.
22. Михненко А.М. Донбас в роки Великої Вітчизняної війни (1941–1945 рр.). Донецьк: Юго-Восток, 2000. 152 с.
23. Volodymyr Semystyaha. New Documentary Information about Maksym Bernatskyi, A Leader of the Ukrainian Underground in Eastern Ukraine during World War II // Harvard Ukrainian Studies, 1994. Vol. XVIII, No. 3–4 (December). Pp. 303–326.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ
123001, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2
ИНН 7703053866 КПП 770301001
ОГРН 1027700337928

ОТЧЕТ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИМУЩЕСТВА ФОНДА ЗА 2022 ГОД

Источником образования средств и имущественных прав Фонда являются:
– добровольные пожертвования,

– денежные средства, поступающие от реализации издательской продукции.

Общая сумма выручки от предпринимательской деятельности составила 2966780,00 рублей. Добровольные пожертвования составили 7000000,00 рублей, вступительных и иных взносов не поступало. Расходы по предпринимательской деятельности составили 1910456,00 рублей.

По результатам финансово-хозяйственной деятельности в бюджет перечислен налог на прибыль в размере 129,00 тыс. рублей. В 2022 году сотрудникам Фонда регулярно начислялась и выплачивалась заработная плата.

В истекшем году Фонд не имел субвенций, субсидий, бюджетных и коммерческих кредитов, не обращался в налоговые органы с ходатайством об отсрочке или рассрочке по уплате налогов и сборов.

Финансово-хозяйственная деятельность Фонда велась в соответствии с Уставом Фонда, финансовая дисциплина соблюдалась, средства использовались по назначению, финансовое состояние признается как стабильное и устойчивое.

Ревизионная комиссия МОФ-ЭТЦ

Наши авторы

Орешин Сергей Александрович

кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

Ковалев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН и Архива РАН, доцент Саратовского государственного технического университета имени Ю.А.Гагарина, приглашенный профессор Высшей экономической школы в Праге

Бородулин Владимир Иосифович

профессор, доктор медицинских наук, главный научный сотрудник Института истории медицины РАМН; профессор, главный научный сотрудник ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья им. Н.А.Семашко»

Банзелюк Егор Николаевич

кандидат медицинских наук, доцент кафедры терапии факультета фундаментальной медицины ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В.Ломоносова»

Тополянский Алексей Викторович

доктор медицинских наук, профессор кафедры терапии, клинической фармакологии и скорой медицинской помощи ФГБОУ ВО «МГМСУ им. А.И.Евдокимова»

Лупанова Евгения Михайловна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник музея М.В.Ломоносова

Соколов Александр Сергеевич

Магистрант Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ)

Волобуев Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Московского государственного областного университета

Татаринов Игорь Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г.Луганск, ЛНР

Our authors

Oreshin Sergei Aleksandrovich

Ph.D, historian, researcher, Institute of Ethnology and Anthropology,
N.N.Miklukho-Maclay RAS

Kovalev Mikhail Vladimirovich

Ph.D. In History, Associate Professor, Senior Researcher in
the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
and the Archive of the Russian Academy of Sciences, Associate
Professor in the Yu.A.Gagarin Saratov State Technical University,
Visiting Professor in the Higher School of Economics in
The University of Economics, Prague

Borodulin Vladimir Iosifovich

D. Sci. in Medicine, principal researcher of the Institute for history
of medicine, RAMS

Banzeluk Egor Nikolaevich

Ph.D. in Honey Sciences, Associate Professor, Therapy Faculty
of Fundamental Medicine FSBEI HE "Moscow State University.
M.V.Lomonosov"

Topolianckiy Aleksei Victorovich

Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department
of Therapy, Clinical Pharmacology and Emergency Medicine,
FGBOU HE "MGMSU named after A.I.Evdokimova"

Lupanova Evgeniya Mikhailovna

Ph.D. In history, senior researcher at Museum of M.V.Lomonosov

Sokolov Aleksander Sergeevich

Master student of the Russian State University for the Humanities
(RSUH)

Volobuev Oleg Vladimirovich

D.Sci., historian, Professor, Chief Researcher of the Moscow
State Regional University

Tatarinov Igor' Evgen'evich

Associate Professor, Ph.D., historian, Associate Professor
of the Department of State Policy, Vladimir Dahl Lugansk State
University, Lugansk, Lugansk People's Republic

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECC.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киоске ИРИ РАН
по адресу ул. Дмитрия Ульянова, д.19,
тел. 8-499-126-94-18**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2022.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 10.03.2023. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 10,75 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 189813**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

1. 2023 january-february



Geopolitics and International Policy Issues

Sergei Oreshin

Relations Between the Russian Federation
and the Chechen Republic.

September 1996 – September 1999 _____ 6



Russia in the World

Mikhail Kovalev

«The people with whom I had to meet showed a
lot of attention to the Soviet scientist»: the visit of
Academician B.D.Grekov to Budapest in 1948 _____ 30



Labels and Myths

*Vladimir Borodulin, Egor Banzeluk,
Aleksei Topolianckiy*

Academicians of the Academy of Medical
Sciences of the USSR Miron Semenovich
Vovsi (1897–1960) and Boris Evgenievich
Votchal (1897–1971), or on the Moral Criteria
of the Moscow Therapeutic Elite (2nd Half
of the 20th Century) _____ 56



Resources of Nation

Evgeniya Lupanova

“How strong and good is your open mechanism...” Clock with Windows for Monitoring the Operation of the Mechanism in the Collection of the Lomonosov Museum MAE (Kunstkamera) RAS ____ 76



Pages of History

Aleksander Sokolov

The Attitude of the Romanovs to Marriages in the Imperial Family: the End of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries _____ 90

Oleg Volobuev

Alupka – Moscow. Postgraduate. 1960–1965 _____ 112



Topical Archive

Igor' Tatarinov

Occupation Authorities in the Donbass During the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Archival Institutions of the LPR) _____ 144

РОССИЯ XXI